

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Владимир Высоцкий

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

применяет

1.

всего значащего ~~всего~~

всего

всего

всего

Аналогично, как и в других
и подобных им, в том же виде

1. ~~всего~~ всего
и " " всего
всего

и всего

и всего

и всего
и всего
и всего

и всего

и всего

и всего

и всего

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Beau

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Владимир Высоцкий

«ЭКСМО» 2003

УДК 882
ББК 84(2 Рос-Рус)6-5
В 93

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

Владимир Высоцкий

Серия основана в 2000 году

Редколлегия:

Аркадий Арканов, Никита Богословский, Владимир Войнович,
Игорь Иртеньев, проф., доктор филолог. наук Владимир Новиков,
Лев Новоженев, Бенедикт Сарнов, Александр Ткаченко,
академик Вилен Федоров, Леонид Шкурович

Главный редактор, автор проекта
Юрий Кушак

Оформление переплета Лёв Яковлев

Рисунок на обложке Михаил Беломлинский

Высоцкий В.

В 93 Антология Сатиры и Юмора России XX века. Том 22. —
М.: Изд-во Эксмо, 2003. — 528 с., ил.

УДК 882
ББК 84(2 Рос-Рус)6-5

ISBN 5-699-02031-4
ISBN 5-04-003950-6

© В. Высоцкий. Наследники, 2003
© В. И. Новиков. Предисловие, 2003
© Ю. Н. Кушак. Составление, 2003
© ООО «Издательство «Эксмо», 2003

Содержание

Владимир НОВИКОВ. «В союзе писателей не состоял...» (фрагменты творческой биографии)	16
Баллада о детстве (вместо ранней автобиографии)	24
Стихи, песни, баллады	
Матуировка	29
Я был душой дурного общества	30
Тот, кто раньше с нею был	32
У тебя глаза — как нож	34
Лежит камень в степи	36
Большой Каретный	38
Ээка Васильев и Петров ээка	40
«Мы вместе грабили одну и ту же хату...»	42
Письмо рабочих тамбовского завода китайским руководителям	44
Антисемиты	46
Песня про уголовный кодекс	48
Наводчица	49
О нашей встрече	51
Песня о госпитале	53
Песня про стукача	55
«Потеряю истинную веру...»	56

Бал-маскарад	57
Я был слесарь шестого разряда	59
«Передо мной любой факир — ну просто карлик...»	60
Песня студентов-археологов	61
«Ну о чем с тобою говорить!»	63
Песня о нейтральной полосе	64
Попутчик	66
«Сыт я по горло, до подбородка...»	68
«Мой друг уедет в Магадан...»	69
«То была не интрижка...»	71
Песня завистника	72
«Перед выездом в загранку...»	73
«Есть на земле предостаточно рас...»	75
«Она на двор — он со двора...»	76
Песня о сумасшедшем доме	78
Про черта	80
Песня о сентиментальном боксере	82
Песня о конькобежце на короткие дистанции, которого заставили бежать на длинную	84
«Каждому хочется малость погреться...»	86
Песня космических негодяев	87
В далеком созвездии Тау Кита	89
Про дикого вепря	92

«Один музыкант объяснил мне пространно...»	94
«А люди всё роптали и роптали...»	96
Скалолазка	97
«Свои обиды каждый человек...»	99
Она была в Париже	100
«Возле города Пекина...»	101
Снесня-сказка о нечисти	103
Гололед	106
«Корабли постоят — и ложатся на курс...»	107
Случай в ресторане	108
Спародия на плохой детектив	110
Профессионалы	112
Сесенка про йогов	114
Снесня-сказка про джинна	116
Снесня о вещем Олеге	118
Два письма	120
Снесня о вещей Кассандре	123
Ой, где был я вчера	125
Снесня про правого инсайда	127
«У нас вчера с позавчера...»	129
Лукоморья больше нет	131
Сказка о несчастных сказочных персонажах	135
«Мао Цзедун — большой шалун...»	138
«От скушных шабашей...»	139

Невидимка	141
Снесня про плотника Иосифа, Деву Марию, Святого Духа и непорочное зачатие	144
Дайте собакам мяса	147
Моя цыганская	148
«На стол колоду, господа...»	150
Я уехал в Магадан	153
«Жил-был добрый дурачина-простофиля...»	155
Еще не вечер	158
Снесенка ни про что, или что случилось в Африке	160
«Наши предки — люди темные и грубые...»	162
Банька по-белому	163
«У нее все свое — и белье, и жилье...»	165
Снесня о двух красивых автомобилях	167
«То ли — в избу и запеть...»	169
Снесенка про метателя молота	171
Оловянные солдатики	172
Споездка в город	174
Ноль семь	176
Снесенка о переселении душ	178
Я не люблю	180
Снесенка о слухах	182
«Подумаешь — с женой не очень ладно...»	184

Посещение музы, или песенка плагиатора	185
«И вкусы и запросы мои — странны...»	187
Про любовь в каменном веке	189
Семейные дела в древнем Риме	191
Про любовь в средние века	193
Про любовь в эпоху возрождения	195
«Теперь я буду сохнуть от тоски...»	197
«Нет меня — я покинул Расею...»	199
Веселая покойницкая	201
Переворот в мозгах из края в край...»	203
Про двух громилов — братьев Прова и Николая	205
Странная сказка	209
Песенка киноактера	211
Комментатор из своей кабины...»	213
Песенка про прыгуна в высоту	215
Бег иноходца	217
«Я несла свою Беду по весеннему по льду...»	219
«Здесь лапы у елей дрожат на весу...»	220
«Я все вопросы освещу сполна...»	221
Песенка про прыгуна в длину	223
Марафон	225
Маски	227
I. Певец у микрофона	229

II. Несня микрофона	231
Одна научная загадка, или почему аборигены съели Кука	234
Баллада о бане	236
О фатальных датах и цифрах	238
Горизонт	240
Мои похорона, или страшный сон очень смелого человека	242
Случай	245
Несенка про мангустов	247
Милицейский протокол	249
Несня про белого слона	251
Счесть шахматной короны	253
«Прошла пора вступлений и прелюдий...»	258
«Проложите, проложите...»	260
Жертва телевиденья	261
Дорожная история	263
Мишка Шифман	266
Товарищи ученые	269
«Когда я спотыкаюсь на стихах...»	271
Заповедник	272
I. Несня автозавистника	275
II. Несня автомобилиста	277
Сужая колея	279
Я из дела ушел	282

Диалог у телевизора	284
Несенка про козла отпущения	287
Смотрины	289
Баллада о короткой шее	293
Кто за чем бежит	294
Несня про Джеймса Бонда, Агента 007	297
Очи черные	300
О знаках зодиака	304
I. Инструкция перед поездкой за рубеж, или полчаса в местком	306
II. Случай на таможне	310
Несня о вольных стрелках	315
Баллада о любви	317
Несня о двух погибших лебедях	319
Разбойничья	321
I. Ошибка вышла	323
II. Никакой ошибки	327
III. История болезни	329
Гербарий	333
«Наши помехи эпохе под стать...»	338
Две судьбы	341
Несня о судьбе	344
Мореплаватель-одиночка	347
Про глупцов	349

Шрифта о правде и лжи	352
Про речку Вачу и попутчицу Валу	354
Письмо в редакцию телевизионной передачи «Очевидное — невероятное» из сумасшедшего дома — с Канатчиковой дачи	358
«Мне судьба — до последней черты, до креста...»	363
Из детства	365
«Открытые двери...»	367
Письмо к другу, или зарисовка о Париже	370
I. Охота на волков	371
II. Конец «Охоты на волков», или охота с вертолетов	373
Летела жизнь	375
Райские яблоки	378
Лекция о международном положении, про- читанная человеком, посаженным на 15 суток за мелкое хулиганство, своим сокамерникам	380
I. Москва — Одесса	382
II. Через десять лет	384
Грусть моя, тоска моя	388
«Люди говорили морю: «До свиданья»...»	389
«Экспресс Москва — Варшава, тринадцатое место...»	390
«Что сегодня мне суды и заседания...»	391
«Подымайте руки...»	393

Забыли	394
«Запретили все цари всем царевичам...»	396
«Маринка, слушай, милая Маринка...»	397
«Я все чаще думаю о судьях...»	398
Енгибарову — от зрителей	399
Мой Гамлет	402
Я к вам пишу	405
«Жил-был один чудака...»	407
«Как во городе во главном...»	410
«Люблю тебя сейчас...»	414
«Когда я отпою и отыграю...»	416
«Я скачу позади на полслова...»	417
Я не успел	419
Нить Ариадны	422
«Водой наполненные горсти...»	425
«Я был завсегдаем всех пивных...»	427
«...Когда я об стену разбил лицо и члены...»	429
«Упрямо я стремлюсь ко дну...»	434
«Много во мне маминога...»	437
«Проделав брешь в затишье...»	441
«Вот я вошел, и дверь прикрыл...»	444
«Не бросать», «Не топтать»...	446
«В Азии, в Европе ли...»	449
«Мажорный светофор, трехцветье, трио...»	451

«С часов, минут, секунд — нули...»	453
Осторожно, гризли!	457
«Слева бесы, справа бесы...»	460
«И кто вы суть?»	461
«Я верю в нашу общую звезду...»	463
«Мне скулы от досады сводит...»	465
«Мой черный человек в костюме сером...»	467
«А мы живем в мертвящей пустоте...»	469
«Но речке жизни плавал честный грека...»	470
«Общаюсь с тишиной я...»	471
Две просьбы	473
«И снизу лед и сверху — маюсь между...»	474
Утренняя гимнастика	475
«Опасные гастролы». Куплеты Бенгальского	477
Баллада о цветах, деревьях и миллионерах	479
«Необычайные приключения на волжском пароходе». Песня о Волге	481
Дуэт Шуры и Ливеровского	483
Баллада о манекенах	485
«Единственная дорога». Расстрел горного эха	489
«Иван да Марья». Скоморохи на ярмарке	490
Выезд Соловья-разбойника	495
Серенада Соловья-разбойника	497
«Если в этот скорбный час...»	499

Солдат с победою	501
Куплеты кассира и казначея	503
Куплеты нечистой силы	505
Иван да Марья	507
Частушки	509
«Алиса в стране чудес». Песня Алисы	512
Спадение Алисы	514
Про Мэри Энн	515
В море слез	516
Песня про ребенка-поросенка	517
Мартовский заяц	518
«Турандот, или конгресс обелителей».	519
Песня Гогера-могера	
Памятник	521

«В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ НЕ СОСТОЯЛ...» (фрагменты творческой биографии)

Горька судьба поэтов всех
племен;
Тяжеле всех судьба казнит
Россию...

В.Кюхельбекер

Так и надо жить поэту.

А.Тарковский

Что за человек был Владимир Высоцкий?

Счастливо ли прожил он свою жизнь? Могла ли его судьба сложиться иначе?

Задавая эти вопросы, сразу понимаешь, что ответить на них не удастся. Читатель, наверное, заметил, что два стихотворных эпиграфа, с которых начинается наш разговор, тянут мысль в диаметрально противоположные стороны. Но что делать, если почти каждый факт жизни Высоцкого напрашивается на взаимоисключающие трактовки, если его творческая судьба опровергает все привычные представления о счастье и несчастье, удаче и неудаче!

Владимир Семенович Высоцкий родился 25 января 1938 г. в Москве, умер там же 25 июля 1980 г., прожив ровно 42 с половиной года. Только это и бесспорно. Говоря же об остальном, мы постоянно рискуем что-то исказить, поскольку никак не удастся выдержать объективную интонацию, подобрать нейтральные слова. Да и откуда взять их: «нейтральный» — значит «никакой», к Высоцкому же «никакие» слова просто неприменимы.

Ибо жил Высоцкий не «как будто», а по-настоящему, «под пули подставиться» успел не раз, словом, судьба у него была, и на постройку собственного художественного мира ее хватило вполне.

О судьбе Высоцкого спорят почти столько же, сколько о его произведениях. А какая причудливая, ни на чью другую не похожая была у Высоцкого слава! С одной стороны, почти полное молчание в отечественной прессе. Буквально считанные прижизненные статьи о Высоцком-актере (Н.Крымова, И.Рубанова, М.Борг), два-три интервью. О песнях же — несколько оголтелых наскоков, подписанных бесславными именами газетных и литературных поденщиков. Внимания официальной литературной критики Высоцкий-поэт при жизни удостоился лишь однажды — по случаю своего участия в альманахе «Метрополь», подвергшемся травле по указанию «инстанций». Осуществляя эту почетную миссию, Ф.Кузнецов писал: «...Натуралистический взгляд на жизнь, как нечто низкое, отвратительное, беспощадно уродующее человеческую душу, взгляд через замочную скважину или отверстие ватерклозета сегодня, как известно, далеко не нов. Он широко прокламируется в современной «западной литературе».

С другой стороны, Высоцкий уже при жизни стал, что называется, литературным персонажем. Свое имя он мог увидеть не в критических статьях, а на страницах художественной прозы. Скажем, в повести В.Тендрякова «Ночь после выпуска» (1974) в исполнении одного из десятиклассников «звучали» никем тогда еще не «залитованные» строфы «Дайте собакам мяса...», «Поднялся галдеж и лай...». А вот «Поиски жанра» В. Аксенова, опубликованные «Новым миром» в 1978 г.:

«Открыты Дели, Лондон, Магадан,
Открыт Париж, но мне туда не надо! —

пел Алик хриплым голосом, почти как оригинал».

Не менее выразительно упоминание о Высоцком в повести В.Токаревой «Неромантический человек» («Знамя», 1978, №11). Там деревенская бабка Маланья в ка-

честве «народного творчества» запекает: «А у тебя, ну правда, Вань...»

« — Бабушка, — деликатно перебил Чиж. — А теперь что-нибудь старинное спойте, пожалуйста. То, что ваша мама пела или бабушка, например.

— Так это и есть старинное, — возразила Маланья. — Это еще мой дед пел...

— Нет, бабушка. Это современная. Это слова Высоцкого.

— Так, может, мой дед его и знал».

Так же безошибочно прочитывалось и название стихотворения Вознесенского «Реквием оптимистический по Владимиру Семенову, шоферу и гитаристу», (1970). Имя Высоцкого уже при жизни его стало художественным образом — эмоциональным знаком какой-то концентрированной жизненности, мощной силы, объединяющей самых разных людей. Ну, о ком еще из наших современников можно было написать:

Гремите, оркестры,
Козыри — крести,
Высоцкий воскресе.
Воистину воскресе!

И эти слова, сказанные о 32-летнем актере и поэте, ничуть не выглядели каким-то перебором, хотя, прямо скажем, любое другое имя в такой образной раме показалось бы просто неуместным. «Реквием оптимистический» был написан Вознесенским в связи с автомобильной катастрофой, в которую попал Высоцкий, его клинической смертью и счастливым выздоровлением. Но в этом дружески-шутливом стихотворении схвачена оказалась суть судьбы и феномена Высоцкого.

Высоцкий — это всегда воскрешение, возвращение. Мало кому удавалось так прочно внедрять в сознание современников мысль о том, что «мы, отдав концы, не умираем насовсем».

Высоцкий уверенно, самостоятельно и без малейшей позы продолжил древний поэтический мотив «Нерукотворного памятника».

Как изменяется ценность судьбы? Мерой счастья или мерой беды? Скорее всего — степенью глубины того и другого. Высоцкому были ведомы дружба и правда, любовь и одиночество, вера и сомнение, полнота счастья и бездна отчаянья. Мало кому выпало на долю столько непонимания, сколько Высоцкому. Мало кому наше общество и наша власть так мешали жить и работать: делиться с людьми своими душевными сокровищами и жизнетворческой энергией. «Горька судьба поэтов...».

Но мало кто, да что там, просто никто не явил в наше время такую, как Высоцкий, силу творческой воли и духовной независимости. Прорвав линию «красных флажков», преодолев тяжесть, которая, по всем представлениям, должна была раздавить любого, он донес до людей свое слово, успел выстроить свой образ мира. «Так и надо жить поэту».

Он был в высшей степени «инакомыслящим» человеком и художником. Но он не склонен был предлагать ненадежные социальные прожекты, выдвигать краткосрочные тактические лозунги. Он, как сказала в одной телевизионной передаче Марина Влади, отличался **«интеллектуальной честностью»**. За конкретными социальными недугами он видел еще и глубокие глобальноисторические закономерности. Он всегда понимал, что быстрое улучшение жизни и людей — опасная иллюзия, неизменно приводящая к противоположным результатам. Поэтому судьбу Высоцкого не измерить только рамками социальными, рамками жизни одного исторического поколения. Его судьба вышла на уровень философский, уровень отношений человека и мира.

Высоцкий не «вышел из народа», он всегда жил внутри этого народа. Некоторые завзятые энтузиасты никак не могут примириться с горькой правдой о нашей истории, видя в объективных фактах «очернение и охаивание» славных этапов большого пути. Высоцкий этих людей не берется «перестраивать» и перевоспитывать. Им он предлагает просто успокоиться:

Вы огорчаться не должны —
Для вас покой полезней, —
Ведь вся история страны —
История болезни.

Ничего себе успокоил! Ну что делать: чем дальше и глубже заглядываем мы в свое прошлое, тем больше подтверждений этому диагнозу.

Немалое мужество требуется, чтобы увидеть болезнь с беспощадной ясностью и искать способ лечения. Соблазн оптимизма, игнорирующего здравый смысл, все еще владеет многими умами, и умами не великими, и, наоборот, слишком изощренными, кровно заинтересованными в том, чтобы изо всех сил поддерживать миф о нашем здоровье. И об этом у Высоцкого сказано:

Живет больное все бодрей,
Все злей и бесполезней —
И наслаждается своей
Историей болезни...

Прямо скажем, эти сочиненные в 1976 г. строки не отстали от нашей жизни. Скорее, наша духовная жизнь только еще приблизилась к такому уровню открытости и критической беспощадности. Это взгляд не только из прошлого, но и из будущего. Поэтому весьма неубедительными выглядят попытки втиснуть феномен Высоцкого в узкие исторические рамки, привязать его многозначное и всепроникающее слово к небольшому хронологическому столбику: «Ты — бедный наш гений семидесятых...» (Евг.Евтушенко).

Впрочем, в прозаической форме Евгений Евтушенко сказал о Высоцком немало верного: о сходстве его сатирических принципов с творческими принципами Зощенко, о диалектике национально-русского и всемирно-общечеловеческого в художественном мире Высоцкого. И все же когда я думаю о стихе и стиле Высоцкого, мне вспоминается пастернаковское описание ледохода:

...Один лишь хрип,
Тоскливый лязг и стук ножовый,
И сталкивающихся глыб
Скрежещущие пережевы.

Слово Высоцкого — это ледоход русского стиха. Как и ледоход нашего общего сознания. Этот лязг, эти скрежещущие звуки — голос нашего времени. Это путь к новой гармонии — она придет не раньше, чем льды растают.

И подлинная культура писателя — в творческой смелости, готовности заново перепахивать пласты и житейского, и традиционно-литературного материала.

Еще при жизни Высоцкого его творчество высоко ценили такие строгие судьи, как М.В.Розанова и А.Д.Синявский. Стоит прямо процитировать замечательного поэта и квалифицированного исследователя поэзии Давида Самойлова, его глубокие мысли о ложности противопоставления элитарной и массовой культур, сформулированное как раз в разговоре о Высоцком: «Не лучше ли говорить о единой национальной культуре, основанной на единстве понятий народа и творцов его искусства и философии? Есть ли разница между массовой культурой и народной?.. И еще один, последний вопрос: не является ли интеллектуализм Высоцкого принадлежностью обеих искусственно разделенных сфер духовной жизни и опровержением идеи их антагонизма?»

Итак, СЛОВО — ОБРАЗ — СЮЖЕТ — таков ход творческой мысли Высоцкого. А поскольку слова его непрерывно волновали, то его поэтический словарь и перерастал в энциклопедию нашей жизни. Язык вообще — лучший компас для писателя, поскольку за ним стоит реальность, а не фикции, не призрачные «идеи», которые могут обернуться просто абсурдом: «новый человек», «воспитание в духе», «борьба с пережитками». Все это отторгается; и языком и жизнью «употребляются сочетания словесные, которым мы давно уже не придаем значения», — с досадой говорил Высоцкий в устном комментарии к одной из песен. И он немало сделал для того, чтобы пародийной иронией выявить бессмысленность совковых штампов. Не боялся он подвергнуть критической проверке и авторитетные литературные цитаты, красивые, но несколько далекие от реальности, вроде: «И жизнь хороша, и жить хорошо!».

Слово Высоцкого — *игровое слово*. Иначе говоря, мы имеем дело со словом *двуголосым*, *игровым*. Игра — один из главных способов поиска новых смысловых и философских глубин. Недаром столько игровых возможностей заложено в языке нашем, без чего не был бы он ни могучим, ни свободным.

Высоцкий с самого начала был склонен к лингвистической рефлексии, т.е. к наблюдениям над самим устройством языка, над связью слова и значения, речи и поведения. Заметим сразу, что само остроумие Высоцкого постоянно претворялось на речевом и сюжетном уровне: ни одной остроты, идущей «мимо» языка, мы у него не найдем.

Вот такое слово у Высоцкого — *двухголосое*, сюжетное, предметное, гиперболичное, драматичное, игровое, веселое и прежде всего — повторим, *двусмысленное*. В каждой песне, в каждом стихотворении следует прежде всего искать противостояние двух смыслов.

И в песнях сказочно-бытовых, где за фольклорными фигурами, за зверями да птицами отчетливо угадыва-

ются социальные типы нашей действительности. И в непринужденно-фамильярных вариациях на мифологические и традиционно-литературные темы, где Высоцкий заставлял вековую мудрость работать на распутывание наших сегодняшних противоречий. Пестрый и многоголосый песенный мир Высоцкого выстраивался постепенно и целеустремленно. Это своеобразная энциклопедия нашей жизни, где, что называется, «все есть» и все темы взаимодействуют, пересекаются друг с другом.

Высоцкого хватит на всех, он жил и работал щедро, так и поверим ему.

Растащили меня, но я счастлив, что львиную долю
Получили лишь те, кому я б ее отдал и так.

Нам же остается взять свою долю этой созидательной энергии и попробовать ею достойно воспользоваться хотя бы с помощью той книги, которую вы держите сейчас в руках.

Вл. НОВИКОВ

Баллада о детстве (вместо ранней автобиографии)

Час зачатъя я помню неточно, —
Значит, память моя — однобока, —
Но зачат я был ночью, порочно
И явился на свет не до срока.

Я родился не в муках, не в злобе, —
Девять месяцев — это не лет!
Первый срок отбывал я в утробе, —
Ничего там хорошего нет.

Спасибо вам, святители,
Что плюнули да дунули,
Что вдруг мои родители
Зачать меня задумали.

В те времена укромные,
Теперь — почти былинные,
Когда срока огромные
Брели в этапы длинные.

Их брали в ночь зачатия,
А многих — даже ранее, —
А вот живет же братия —
Моя честна компания!

Ходу, думушки резвые, ходу!
Слова, строченьки милые, слова!..
В первый раз получил я свободу
По указу от тридцать восьмого.

Знать бы мне, кто так долго мурыжил,
Отыгрался бы на подлеце!
Но родился, и жил я, и выжил, —
Дом на Первой Мещанской — в конце.

Там за стеной, за стеночкою,
За перегородочкой
Соседушка с соседочкою
Баловались водочкой.

Все жили вровень, скромно так, —
Система коридорная,
На тридцать восемь комнаток —
Всего одна уборная.

Здесь на зуб зуб не попадал,
Не грела телогреечка,
Здесь я доподлинно узнал,
Почем она — копеечка.

...Не боялась сирены соседка,
И привыкла к ней мать понемногу,
И плевал я — здоровый трехлетка —
На воздушную эту тревогу!

Да не все то, что сверху, — от Бога, —
И народ «зажигалки» тушил;
И как малая фронту подмога —
Мой песок и дырявый кувшин.

И било солнце в три луча,
Сквозь дыры крыш просеяно,
На Евдоким Кирилыча
И Гисю Моисеевну.

Она ему: «Как сыновья?» —
«Да без вести пропавшие!»
Эх, Гиська, мы одна семья —
Вы тоже пострадавшие!

Вы тоже — пострадавшие,
А значит — обрусевшие:
Мои — без вести павшие,
Твои — безвинно севшие».

...Я ушел от пеленок и сосок,
Поживал — не забыт, не заброшен,
И дразнили меня: «Недоносок», —
Хоть и был я нормально доношен.

Маскировку пытался срывать я:
Пленных гонят — чего ж мы дрожим?!
Возвращались отцы наши, братья
По домам — по своим да чужим...

У тети Зины кофточка
С драконами да змеями, —
То у Попова Вовчика
Отец пришел с трофеями.

Трофейная Япония,
Трофейная Германия...
Пришла страна Лимония,
Сплошная Чемодания!

Взял у отца на станции
Погоны, словно цацки, я, —
А из эвакуации
Толпой валили штатские.

Осмотрелись они, оклемались,
Похмелились — потом протрезвели.
И отплакали те, кто дождались,
Недождавшиеся — отревели.

Стал метро рыть отец Витькин с Генкой,
Мы спросили — зачем? — он в ответ:
«Коридоры кончаются стенкой,
А тоннели — выводят на свет!»

Пророчество папашино
Не слушал Витька с корешем —
Из коридора нашего
В тюремный коридор ушел.

Да он всегда был спорщиком,
Припрут к стене — откажется...
Прошел он коридорчиком —
И кончил «стенкой», кажется.

Но у отцов — свои умы,
А что до нас касательно —
На жизнь засматривались мы
Уже самостоятельно.

Все — от нас до почти годовалых —
«Толковищу» вели до кровянки, —
А в подвалах и полуподвалах
Ребятишкам хотелось под танки.

Не досталось им даже по пуле, —
В «ремеслухе» — живи да тужи:
Ни дерзнуть, ни рискнуть, — но рискнули
Из напильников делать ножи.

Они воткнулись в легкие,
От никотина черные,
По рукоятки легкие
Трехцветные наборные...

Вели дела обменные
Сопливые острожки —
На стройке немцы пленные
На хлеб меняли ножки.

Сперва играли в «фантики»,
В «пристенки» с крохоборами, —
И вот ушли романтики
Из подворотен ворами.

...Спекулянтка была номер перший —
Ни соседей, ни Бога не трюся,
Жизнь закончила миллионершей —
Пересветова тетя Маруся.

У Маруси за стенкой говели, —
И она там втихую пила...
А упала она — возле двери, —
Некрасиво так, зло умерла.

Нажива — как наркотика, —
Не выдержала этого
Богатенькая тетенька
Маруся Пересветова.

Но было все обыденно:
Заглянет кто — расстроится.
Особенно обидело
Богатство — метростроевца.

Он дом сломал, а нам сказал:
«У вас носы не вытерты,
А я, за что я воевал?!» —
И разные эпитеты.

...Было время — и были подвалы,
Было дело — и цены снижали,
И текли куда надо каналы,
И в конце куда надо впадали.

Дети бывших старшин да майоров
До ледовых широт поднялись,
Потому что из тех коридоров,
Им казалось, сподручнее — вниз.

СТИХИ, ПЕСНИ, БАЛЛАДЫ

Матуировка

Не делили мы тебя и не ласкали,

А что любили — так это позади, —
Я ношу в душе твой светлый образ, Валя,
А Леша выколол твой образ на груди.

И в тот день, когда прощались на вокзале,
Я тебя до гроба помнить обещал, —
Я сказал: «Я не забуду в жизни Вали!»
«А я — тем более!» — мне Леша отвечал.

И теперь реши, кому из нас с ним хуже,
И кому трудней — попробуй разбери:
У него — твой профиль выколот снаружи,
А у меня — душа исколота снутри.

И когда мне так уж тошно, хоть на плаху, —
Пусть слова мои тебя не оскорбят, —
Я прошу, чтоб Леша расстегнул рубаху,
И гляжу, гляжу часами на тебя.

Но недавно мой товарищ, друг хороший,
Он беду мою искусством поборол:
Он скопировал тебя с груди у Леша
И на грудь мою твой профиль наколол.

Знаю я, своих друзей чернить неловко,
Но ты мне ближе и роднее оттого,
Что моя — верней, твоя татуировка
Много лучше и красивше, чем его!

Я был душой дурного общества

Я был душой дурного общества,

И я могу сказать тебе:
Мою фамилию-имя-отчество
Прекрасно знали в КГБ.

В меня влюблялася вся улица
И весь Савеловский вокзал.
Я знал, что мной интересуются,
Но все равно пренебрегал.

Свой человек я был у скокарей,
Свой человек — у щипачей, —
И гражданин начальник Токарев
Из-за меня не спал ночей.

Ни разу в жизни я не мучился
И не скучал без крупных дел, —
Но кто-то там однажды скурвился, ссучился
Шепнул, навел — и я сгорел.

Начальник вел себя не въедливо,
Но на допросы вызывал, —
А я всегда ему приветливо
И очень скромно отвечал:

«Не брал я на душу покойников
И не испытывал судьбу, —
И я, начальник, спал спокойненько
И весь ваш МУР видал в гробу!»

И дело не было отложено,
И огласили приговор, —
И дали всё, что мне положено,
Плюс пять мне сделал прокурор.

Мой адвокат хотел по совести
За мой такой веселый нрав, —
А прокурор просил всей строгости —
И был, по-моему, не прав.

С тех пор заглохло мое творчество,
Я стал скучающий субъект, —
Зачем мне быть душою общества,
Когда души в нем вовсе нет!

1961

Мот, кто раньше с нею был

В тот вечер я не пил, не пел —

Я на нее вовсю глядел,
Как смотрят дети, как смотрят дети.
Но тот, кто раньше с нею был,
Сказал мне, чтоб я уходил,
Сказал мне, чтоб я уходил,
Что мне не светит.

И тот, кто раньше с нею был, —
Он мне грубил, он мне грозил.
А я все помню — я был не пьяный.
Когда ж я уходить решил,
Она сказала: «Не спеши!»
Она сказала: «Не спеши,
Ведь слишком рано!»

Но тот, кто раньше с нею был,
Меня, как видно, не забыл, —
И как-то в осень, и как-то в осень —
Иду с дружкой, гляжу — стоят, —
Они стояли молча в ряд,
Они стояли молча в ряд —
Их было восемь.

Со мною — нож, решил я: что ж,
Меня так просто не возьмешь, —
Держитесь, гады! Держитесь, гады!
К чему задаром пропадать,

Ударил первым я тогда,
Ударил первым я тогда —
Так было надо.

Но тот, кто раньше с нею был, —
Он эту кашу заварил
Вполне серьезно, вполне серьезно.
Мне кто-то на плечи повис, —
Валюха крикнул: «Берегись!»
Валюха крикнул: «Берегись!» —
Но было поздно.

За восемь бед — один ответ.
В тюрьме есть тоже лазарет, —
Я там валялся, я там валялся.
Врач резал вдоль и поперек,
Он мне сказал: «Держись, браток!»
Он мне сказал: «Держись, браток!» —
И я держался.

Разлука мигом пронеслась,
Она меня не дождалась,
Но я прощаю, ее — прощаю.
Ее, как водится, простил,
Того ж, кто раньше с нею был,
Того, кто раньше с нею был, —
Не извиняю.

Ее, конечно, я простил,
Того ж, кто раньше с нею был,
Того, кто раньше с нею был, —
Я повстречаю!

У тебя глаза — как нож

У тебя глаза — как нож:

Если прямо ты взглянешь —
Я забываю, кто я есть и где мой дом;
А если косо ты взглянешь —
Как по сердцу полоснешь
Ты холодным, острым серым тесаком.

Я здоров — к чему скрывать, —
Я пятаки могу ломать,
Я недавно головой быка убил, —

Но с тобой жизнь коротать —
Не подковы разгибать,
А прибить тебя — морально нету сил.

Вспомни, было ль хоть разок,
Чтоб я из дому убег, —
Ну когда же надоест тебе гулять!
С грабежу я прихожу —
Язык за спину заложу
И бежу тебя по городу шукать.

Я все ноги исходил —
Велосипед себе купил,
Чтоб в страданиях облегчения была, —
Но налетел на самосвал —
К Скифосовскому попал, —
Навестить меня ты даже не пришла.

И хирург — седой старик —
Он весь обмяк и как-то сник:

Он шесть суток мою рану зашивал!
А когда кончился наркоз,
Стало больно мне до слез:
Для кого ж я своей жистью рисковал!

Ты не радуйся, змея, —
Скоро выпишут меня —
Отомщу тебе тогда без всяких схем:
Я тебе точно говорю,
Востру бритву наострю —
И обрею тебя наголо совсем!

1962

Лежит камень в степи

Артуру Махарову

Лежит камень в степи,

А под него вода течет,
А на камне написано слово:
«Кто направо пойдет —
Ничего не найдет,
А кто прямо пойдет —
Никуда не придет,
Кто налево пойдет —
Ничего не поймет
И ни за грош пропадет».

Перед камнем стоят
Без коней и без мечей
И решают: идти или не надо.
Был один из них зол —
Он направо пошел,
В одиночку пошел, —
Ничего не нашел —
Ни деревни, ни сел, —
И обратно пришел.

Прямо нету пути —
Никуда не прийти,
Но один не поверил в заклатья
И, подобравши подол,
Напрямую пошел, —
Сколько он ни бродил —
Никуда не добрел, —
Он вернулся и пил,
Он обратно пришел.

Ну а третий — был дурак,
Ничего не знал и так,
И пошел без опаски налево.
 Долго ль, коротко ль шагал
 И совсем не страдал,
 Пил, гулял и отдыхал,
 Ничего не понимал, —
 Ничего не понимал,
 Так всю жизнь и прошагал —
 И не сгинул, и не пропал.

1962

Большой Каретный

Левону Кочаряну

Где твои семнадцать лет?

На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.

Помнишь ли, товарищ, этот дом?
Нет, не забываешь ты о нем.
Я скажу, что тот полжизни потерял,
Кто в Большом Каретном не бывал.
Еще бы, ведь

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.

Переименован он теперь,
Стало все по-новой там, верь не верь.
И все же, где б ты ни был, где ты ни бредешь,
Нет-нет да по Каретному пройдешь.
Еще бы, ведь

Где твои семнадцать лет?
 На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
 На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
 На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
 На Большом Каретном.

1962

Зэка Васильев и Петров зэка

Сторели мы по недоразумению —

Он за растрату сел, а я — за Ксению, —
У нас любовь была, но мы расстались:
Она кричала и сопротивлялася.

На нас двоих нагрянула ЧК,
И вот теперь мы оба с ним зэка —
Зэка Васильев и Петров зэка.

А в лагерях — не жизнь, а темень-тьмушая:
Кругом майданчики, кругом домушники,
Кругом ужасное к нам отношение
И очень странные поползновения.

Ну а начальству наплевать — за что и как,
Мы для начальства — те же самые зэка —
Зэка Васильев и Петров зэка.

И вот решили мы — бежать нам хочется,
Не то все это очень плохо кончится:
Нас каждый день мордуют уголовники,
И главный врач зовет к себе в любовники.

И вот — в бега решили мы, ну а пока
Мы оставались всё теми же зэка —
Зэка Васильев и Петров зэка.

Четыре года мы побег готовили —
Харчей три тонны мы наэкономили,
И нам с собою даже дал половничек
Один ужасно милый уголовничек.

И вот ушли мы с ним в руке рука, —
Рукоплескали нашей дерзости зэка —
Зэка Петрову, Васильеву зэка.

И вот — по тундре мы, как сиротиночки, —
Не по дороге всё, а по тропиночке.
Куда мы шли — в Москву или в Монголию,
Он знать не знал, паскуда, я — тем более.

Я доказал ему, что запад — где закат,
Но было поздно: нас зацапала ЧК —
Зэка Петрова, Васильева зэка.

Потом — приказ про нашего полковника:
Что он поймал двух крупных уголовников, —
Ему за нас — и деньги, и два ордена,
А он от радости все бил по морде нас.

Нам после этого прибавили срока,
И вот теперь мы — те же самые зэка —
Зэка Васильев и Петров зэка.

* * *

Мы вместе грабили одну и ту же хату,

В одну и ту же мы проникли щель, —
Мы с ними встретились как три молочных брата,
Друг друга не выдавшие вообще.

За хлеб и воду и за свободу —
Спасибо нашему советскому народу!
За ночи в тюрьмах, допросы в МУРе —
Спасибо нашей городской прокуратуре!

Нас вместе переслали в порт Находку,
Меня отпустят завтра, пустят завтра их, —
Мы с ними встретились как три рубля на водку,
И разошлись как водка на троих.

За хлеб и воду и за свободу —
Спасибо нашему советскому народу!
За ночи в тюрьмах, допросы в МУРе —
Спасибо нашей городской прокуратуре!

Как хорошо устроен белый свет! —
Меня вчера отметили в приказе:
Освободили раньше на пять лет, —
И подпись: «Ворошилов, Георгадзе».

За хлеб и воду и за свободу —
Спасибо нашему советскому народу!
За ночи в тюрьмах, допросы в МУРе —
Спасибо нашей городской прокуратуре!

Да это ж математика богов:
Меня ведь на двенадцать осудили, —
У жизни отобрали семь годов,
И пять — теперь обратно возвратили!

За хлеб и воду и за природу —
Спасибо нашему советскому народу!
За ночи в тюрьмах, допросы в МУРе —
Спасибо нашей городской прокуратуре!

1963

Письмо рабочих
тамбовского завода
китайским руководителям

В Пекине очень мрачная погода,

У нас в Тамбове на заводе перекур, —
Мы пишем вам с тамбовского завода,
Любители опасных авантюр!

Тем, что вы договор не подписали,
Вы причинили всем народам боль
И, извращая факты, доказали,
Что вам дороже генерал де Голль.

Нам каждый день насущный мил и дорог, —
Но если даже вспомнить старину,
То это ж вы изобретали порох
И строили Китайскую стену.

Мы понимаем — вас совсем не мало,
Чтоб триста миллионов погубить, —
Но мы уверены, что сам товарищ Мао,
Ей-богу, очень-очень хочет жить.

Когда вы рис водою запивали —
Мы проявляли интернационализм, —
Небось когда вы русский хлеб жевали,
Не говорили про оппортунизм!

Бойтесь вы, что — реваншисты в Бонне,
Что — Вашингтон грозитя перегнуть, —
Но сам Хрущев сказал еще в ООНе,
Что мы покажем кузькину им мать!

Вам не нужны ни бомбы, ни снаряды —
Не раздувайте вы войны пожар, —
Мы нанесем им, если будет надо,
Ответный термоядерный удар.

А если зуд — без дела не страдайте, —
У вас еще достаточно делов:
Давите мух, рождаемость снижайте,
Уничтожайте ваших воробьев!

И не интересуйтесь нашим бытом —
Мы сами знаем, где у нас чего.
Так наш ЦК писал в письме открытом,
Мы одобряем линию его!

<1964>

Антисемиты

Зачем мне считаться шпаной и бандитом —

Не лучше ль податься мне в антисемиты:
На их стороне хоть и нету законов, —
Поддержка и энтузиазм миллионов.

Решил я — и значит, кому-то быть битым.
Но надо ж узнать, кто такие семиты, —
А вдруг это очень приличные люди,
А вдруг из-за них мне чего-нибудь будет!

Но друг и учитель — алкаш в бакалее —
Сказал, что семиты — простые евреи.
Да это ж такое везение, братцы, —
Теперь я спокоен — чего мне бояться!

Я долго крепился, ведь благоговейно
Всегда относился к Альберту Эйнштейну.
Народ мне простит, но спрошу я невольно:
Куда отнести мне Абрама Линкольна?

Средь них — пострадавший от Сталина
Каплер,
Средь них — уважаемый мной Чарли Чаплин,
Мой друг Рабинович и жертвы фашизма,
И даже основоположник марксизма.

Но тот же алкаш мне сказал после дельца,
Что пьют они кровь христианских младенцев;
И как-то в пивной мне ребята сказали,
Что очень давно они Бога распяли!

Им кровушки надо — они по запарке
Замучили, гады, слона в зоопарке!
Украли, я знаю, они у народа
Весь хлеб урожая минувшего года!

По Курской, Казанской железной дороге
Построили дачи — живут там как боги...
На всё я готов — на разбой и насилие, —
И бью я жидов — и спасаю Россию!

1964

Песня про Уголовный Кодекс

Нам ни к чему сюжеты и интриги:

Про всё мы знаем, про всё, чего ни дашь.
Я, например, на свете лучшей книгой
Считаю Кодекс уголовный наш.

И если мне неймется и не спится
Или с похмелья нет на мне лица —
Открою Кодекс на любой странице,
И не могу — читаю до конца.

Я не давал товарищам советы,
Но знаю я — разбой у них в чести, —
Вот только что я прочитал про это:
Не ниже трех, не выше десяти.

Вы вдумайтесь в простые эти строки, —
Что нам романы всех времен и стран! —
В них есть бараки, длинные, как сроки,
Скандалы, драки, карты и обман...

Сто лет бы мне не видеть этих строчек! —
За каждой вижу чью-нибудь судьбу, —
И радуюсь, когда статья — не очень:
Ведь все же повезет кому-нибудь!

И сердце бьется раненою птицей,
Когда начну свою статью читать,
И кровь в висках так ломится-стучится, —
Как мусора, когда приходят брать.

1964

Наводчица

— Сегодня я с большой охотою

Распоряжусь своей субботой,
И если Нинка не капризная,
Распоряжусь своею жизнью я!

— Постой, чудака, она ж — наводчица, —
Зачем?

— Да так, уж очень хочется!

— Постой, чудака, у нас — компания, —
Пойдем в кабак — зальем желание!

— Сегодня вы меня не пачкайте,
Сегодня пьянка мне — до лампочки:
Сегодня Нинка соглашается —
Сегодня жисть моя решается!

— Ну и дела же с этой Нинкою!
Она жила со всей Ордынкою, —
И с нею спать ну кто захочет сам!..
— А мне плевать — мне очень хочется!

Сказала: любит, — все, заметано!
— Отвечу рупь за сто, что врет она!
Она ж того — ко всем ведь просится...
— А мне чего — мне очень хочется!

— Она ж хрипит, она же грязная,
И глаз подбит, и ноги разные,
Всегда одета как уборщица...
— Плевать на это — очень хочется!

Все говорят, что — не красавица, —
А мне такие больше нравятся.
Ну что ж такого, что — наводчица, —
А мне еще сильнее хочется!

1964

О нашей встрече

О нашей встрече что там говорить! —

Я ждал ее, как ждут стихийных бедствий, —
Но мы с тобою сразу стали жить,
Не опасаясь пагубных последствий.

Я сразу сузил круг твоих знакомств,
Одел, обул и вытащил из грязи, —
Но за тобой тащился длинный хвост —
Длиннющий хвост твоих коротких связей.

Потом, я помню, бил друзей твоих:
Мне с ними было как-то неприятно, —
Хотя, быть может, были среди них
Наверняка отличные ребята.

О чем просила — делал мигом я, —
Мне каждый час хотелось сделать ночью
брачной.

Из-за тебя под поезд прыгал я,
Но, слава богу, не совсем удачно.

И если б ты ждала меня в тот год,
Когда меня отправили на дачу, —
Я б для тебя украл весь небосвод
И две звезды Кремлевские в придачу.

И я клянусь — последний буду гад! —
Не ври, не пей — и я прощу измену, —
И подарю тебе Большой театр
И Малую спортивную арену.

А вот теперь я к встрече не готов:
Боюсь тебя, боюсь ночей интимных —
Как жители японских городов
Боятся повторенья Хиросимы.

1964

Песня о госпитале

Жил я с матерью и батей

На Арбате — здесь бы так! —
А теперь я в медсанбате —
На кровати, весь в бинтах...

Что нам слава, что нам Клава —
Медсестра — и белый свет!..
Помер мой сосед, что справа,
Тот, что слева, — еще нет.

И однажды, как в угаре,
Тот сосед, что слева, мне
Вдруг сказал: «Послушай, парень,
У тебя ноги-то нет».

Как же так? Неправда, братцы, —
Он, наверно, пошутил!
«Мы отрежем только пальцы» —
Так мне доктор говорил.

Но сосед, который слева,
Все смеялся, все шутил,
Даже если ночью бредил —
Все про ногу говорил.

Издевался: мол, не встанешь,
Не увидишь, мол, жены!..
Поглядел бы ты, товарищ,
На себя со стороны!

Если б был я не калека
И слезал с кровати вниз —
Я б тому, который слева,
Просто глотку перегрыз!

Умолял сестричку Клаву
Показать, какой я стал...
Был бы жив сосед, что справа, —
Он бы правду мне сказал!..

1964

Песня про стукача

В наш тесный круг не каждый попадал,

И я однажды — проклятая дата —
Его привел с собою и сказал:
«Со мною он — нальем ему, ребята!»

Он пил как все и был как будто рад,
А мы — его мы встретили как брата...
А он назавтра продал всех подряд, —
Ошибся я — простите мне, ребята!

Суда не помню — было мне невмочь,
Потом — барак, холодный как могила, —
Казалось мне — кругом сплошная ночь,
Тем более что так оно и было.

Я сохраню хотя б остаток сил, —
Он думает — отсюда нет возврата,
Он слишком рано нас похоронил, —
Ошибся он — поверьте мне, ребята!

И день наступит — ночь не на года, —
Я попрошу, когда придет расплата:
«Ведь это я привел его тогда —
И вы его отдайте мне, ребята!..»

1964

* * *

Потеряю истинную веру —

Больно мне за наш СССР:
Отберите орден у Насеру —
Не подходит к ордену Насер!

Можно даже крыть с трибуны матом,
Раздавать подарки вкривь и вкось,
Называть Насера нашим братом, —
Но давать Героя — это брось!

Почему нет золота в стране?
Раздарили, гады, раздарили!
Лучше бы давали на войне, —
А Насеры после б нас простили.

1964

Бал-маскарад

Сегодня в нашей комплексной бригаде

Прошел слушок о бале-маскараде, —
Раздали маски кроликов,
Слонов и алкоголиков,
Назначили все это — в зоосаде.

«Зачем идти при полном при параде —
Скажи мне, моя радость, христа ради?»
Она мне: «Одевайся!» —
Мол, я тебя стесняюсь,
Не то, мол, как всегда, пойдешь ты сзади.

«Я платье, — говорит, — взяла у Нади —
Я буду нынче как Марина Влади
И проведу, хоть тресну я,
Часы свои воскресные
Хоть с пьяной твоей мордой, но в наряде!»

...Зачем же я себя утюжил, гладил? —
Меня поймали тут же, в зоосаде, —
Ведь массовик наш Колька
Дал мне маску алкоголика —
И на троих зазвали меня дяди.

Я снова очутился в зоосаде:
Глядь — две жены, — ну две Марины
Влади! —
Одетые животными,
С двумя же бегемотами, —
Я тоже озверел — и стал в засаде.

Наутро дали премию в бригаде,
Сказав мне, что на бале-маскараде
Я будто бы не только
Сыграл им алкоголика,
А был у бегемотов я в ограде.

1964

Я был слесарь шестого разряда

Я был слесарь шестого разряда,

Я получки на ветер кидал, —
Получал я всегда сколько надо —
И плюс премию в каждый квартал.

Если пьешь, — понимаете сами —
Должен чтой-то иметь человек, —
Ну, и кроме невесты в Рязани,
У меня — две шалавы в Москве.

Шлю посылки и письма в Рязань я,
А шалавам — себя и вино, —
Каждый вечер — одно наказание,
И всю ночь — истязанье одно.

Вижу я, что здоровье тает,
На работе — все брак и скандал, —
Никаких моих сил не хватает —
И плюс премии в каждый квартал.

Синяки и морщины на роже, —
И сказал я тогда им без слов:
На фиг вас — мне здоровье дороже, —
Поищите других фраеров!..

Если б знали, насколько мне лучше,
Как мне чудно — хоть кто б увидал:
Я один пропиваю получку —
И плюс премию в каждый квартал!

1964

* * *

Передо мной любой факир —

ну просто карлик,
Я их держу за самых мелких фраеров, —
Возьмите мне один билет до Монте-Карло —
Я потревожу ихних шулеров!

Не соблазнят меня ни ихние красотки,
А на рулетку — только б мне взглянуть, —
Их банкометы мне вылизут подметки,
А я на поезд — и в обратный путь.

Играть я буду и на красных и на черных,
И в Монте-Карло я облажу все углы, —
Останутся у них в домах игорных
Одни хваленые зеленые столы.

Я привезу с собою массу впечатлений:
Попью коктейли, послушаю джаз-банд, —
Я привезу с собою кучу ихних денег —
И всю валюту сдам в советский банк.

Я говорю про все про это без ухарства —
Шутить мне некогда: мне «вышка» на носу, —
Но пользу нашему родному государству
Наверняка я этим принесу!

1964

Песня студентов-археологов

Наш Федя с детства связан был с землею —

Домой таскал и щебень и гранит...
Однажды он домой принес такое,
Что папа с мамой плакали навзрыд.

Студентом Федя очень был настроен
Поднять археологию на щит, —
Он в институт притаскивал такое,
Что мы кругом все плакали навзрыд.

Привез он как-то с практики
Два ржавых экспонатика
И утверждал, что это — древний клад, —
Потом однажды в Элисте
Нашел вставные челюсти
Размером с самогонный аппарат.

Диплом писал про древние святыни,
О скифах, о языческих богах.
При этом так ругался по-латыни,
Что скифы эти корчились в гробах.

Он древние строения
Искал с остервенением
И часто диким голосом кричал,
Что есть еще пока тропа,
Где встретишь питекантропа, —
И в грудь себя при этом ударял.

Он жизнь решил закончить холостую
И стал бороться за семейный быт.
«Я, — говорил, — жену найду такую —
От зависти заплачете навзрыд!»

Он все углы облазил — и
В Европе был, и в Азии —
И вскоре раскопал свой идеал.
Но идеал связать не мог
В археологии двух строк, —
И Федя его снова закопал.

1964

* * *

Ну о чем с тобою говорить!

Все равно ты порешь ахинею, —
Лучше я пойду к ребятам пить —
У ребят есть мысли поважнее.

У ребят серьезный разговор —
Например, о том, кто пьет сильнее.
У ребят широкий кругозор —
От ларька до нашей бакалеи.

Разговор у нас и прям и груб —
Две проблемы мы решаем глоткой:
Где достать недостающий рупь
И — кому потом бежать за водкой.

Ты даешь мне утром хлебный квас —
Что тебе придумать в оправданье!
Интеллекты разные у нас, —
Повышай свое образование!

1964

Песня о нейтральной полосе

На границе с Турцией или с Пакистаном —

Полоса нейтральная; а справа, где кусты, —
Наши пограничники с нашим капитаном, —
А на левой стороне — ихние посты.

А на нейтральной полосе — цветы
Необычайной красоты!

Капитанова невеста жить решила вместе —
Прикатила, говорит: «Милый!..» — то да сё.
Надо ж хоть букет цветов подарить невесте:
Что за свадьба без цветов! — пьянка да и все.

А на нейтральной полосе — цветы
Необычайной красоты!

К ихнему начальнику, точно по повестке,
Тоже баба прикатила — налетела блажь, —
Тоже «милый» говорит, только по-турецки,
Будет свадьба, говорит, свадьба — и шабаш!

А на нейтральной полосе — цветы
Необычайной красоты!

Наши пограничники — храбрые ребята, —
Трое вызвались идти, а с ними капитан, —
Разве ж знать они могли про то, что азиаты
Порешили в ту же ночь вдарить по цветам!

Ведь на нейтральной полосе — цветы
Необычайной красоты!

Пьян от запаха цветов капитан мертвецки,
Ну и ихний капитан тоже в доску пьян, —
Повалился он в цветы, охнув по-турецки,
И, по-русски крикнув «...мать!», рухнул капитан.

А на нейтральной полосе — цветы
Необычайной красоты!

Спит капитан — и ему снится,
Что открыли границу как ворота в Кремле, —
Ему и на фиг не нужна была чужая граница —
Он пройтись хотел по ничейной земле.
Почему же нельзя? Ведь земля-то — ничья,
Ведь она — нейтральная!..

А на нейтральной полосе — цветы
Необычайной красоты!

1965

Попутчик

Хоть бы — облачко, хоть бы — тучка

В этот год на моем горизонте, —
Но однажды я встретил попутчика —
Расскажу про него, знакомьтесь.

Он спросил: «Вам куда?» — «До Вологды».
«Ну, до Вологды — это полбеды».

Чемодан мой от водки ломится —
Предложил я, как полагается:
«Может, выпить нам — познакомиться, —
Поглядим, кто быстрее сломается!..»

Он сказал: «Вылезать нам в Вологде,
Ну а Вологда — это вона где!..»

Я не помню, кто первый сломался, —
Помню, он подливал, поддакивал, —
Мой язык как шнурок развязался —
Я кого-то ругал, оплакивал...

И проснулся я в городе Вологде,
Но — убей меня — не припомню где.

А потом мне пришили дельце
По статье Уголовного кодекса, —
Успокоили: «Все перемелется», —
Дали срок — не дали опомниться.

И остался я в городе Вологде,
Ну а Вологда — это вона где!..

Пятьдесят восьмую дают статью —
Говорят: «Ничего, вы так молоды...»
Если б знал я, с кем еду, с кем водку пью, —
Он бы хрен доехал до Вологды!

Он живет себе в городе Вологде,
А я — на Севере, а Север — вона где!

...Все обиды мои — годы стерли,
Но живу я теперь как в наручниках:
Мне до боли, до кома в горле
Надо встретить того попутчика!

Но живет он в городе Вологде,
А я — на Севере, а Север — вона где!..

* * *

Сыт я по горло, до подбородка —

Даже от песен стал уставать, —
Лечь бы на дно, как подводная лодка,
Чтоб не могли запеленговать!

Друг подавал мне водку в стакане,
Друг говорил, что это пройдет,
Друг познакомил с Веркой по пьяни:
Верка поможет, а водка спасет.

Не помогли ни Верка, ни водка:
С водки — похмелье, а с Верки — что взять!
Лечь бы на дно, как подводная лодка, —
И позывных не передавать!..

Сыт я по горло, сыт я по глотку —
Ох, надоело петь и играть, —
Лечь бы на дно, как подводная лодка,
Чтоб не могли запеленговать!

1965

* * *

Игорю Кохановскому

*М*ой друг уедет в Магадан —

Снимите шляпу, снимите шляпу!
Уедет сам, уедет сам —
Не по этапу, не по этапу.

Не то чтоб другу не везло,
Не чтоб кому-нибудь назло,
Не для молвы: что, мол, — чужак, —
А просто так.

Быть может, кто-то скажет: «Зря!
Как так решиться — всего лишиться!
Ведь там — сплошные лагеря,
А в них — убийцы, а в них — убийцы...»

Ответит он: «Не верь молве —
Их там не больше, чем в Москве!»
Потом уложит чемодан
И — в Магадан!

Не то чтоб мне — не по годам, —
Я б прыгнул ночью из электрички, —
Но я не еду в Магадан,
Забыв привычки, закрыв кавычки.

Я буду петь под струнный звон
Про то, что будет видеть он,
Про то, что в жизни не видал, —
Про Магадан.

Мой друг поедет сам собой —
С него довольно, с него довольно, —
Его не будет бить конвой —
Он добровольно, он добровольно.

А мне удел от Бога дан...
А может, тоже — в Магадан?
Уехать с другом заодно —
И лечь на дно!..

1965

* * *

То была не интрижка —

Ты была на ладошке,
Как прекрасная книжка
В грубой суперобложке.

Я влюблен был как мальчик —
С тихим трепетом тайным
Я листал наш романчик
С неприличным названьем.

Были слезы, угрозы —
Всё одни и всё те же, —
В основном была проза,
А стихи были реже.

Твои бурные ласки
И все прочие средства —
Это страшно, как в сказке
Очень раннего детства.

Я надеялся втайне,
Что тебя не листали, —
Но тебя, как в читальне,
Слишком многие брали.

Не дожидаться мне мига,
Когда я с опозданием
Сдам с рук на руки книгу
С неприличным названьем.

1965

Песня завистника

Мой сосед объездил весь Союз —

Что-то ищет, а чего — не видно, —
Я в дела чужие не суюсь,
Но мне очень больно и обидно.

У него на окнах — плюш и шелк,
Баба его шастает в халате, —
Я б в Москве с киркой уран нашел
При такой повышенной зарплате!

И сдается мне, что люди врут, —
Он нарочно ничего не ищет:
Для чего? — ведь денежки идут —
Ох, какие крупные деньжищи!

А вчера на кухне ихний сын
Головой упал у нашей двери —
И разбил нарочно мой графин, —
Я — мамаше счет в тройном размере.

Ему, значит, — рупь, а мне — пятак?!
Пусть теперь мне платит неустойку!
Я ведь не из зависти, я так —
Ради справедливости, и только.

...Ничего, я им создам уют —
Живо он квартиру обменяет, —
У них денег — куры не клюют,
А у нас — на водку не хватает!

1965

* * *

Перед выездом в заграничку

Заполняешь кучу бланков —
Это еще не беда, —
Но в составе делегаций
С вами ездит личность в штатском —
Просто завсегда.

А за месяц до вояжа
Инструктаж проходишь даже —
Как там проводить все дни:
Чтоб поменьше безобразий,
А потусторонних связей
Чтобы — ни-ни-ни!

...Личность в штатском — парень рыжий —
Мне представился в Париже:
«Будем с вами жить, я — Никодим.
Вел нагрузки, жил в Бобруйске,
Папа — русский, сам я — русский,
Даже не судим».

Исполнительный на редкость,
Соблюдал свою секретность
И во всем старался мне помочь:
Он теперь по роду службы
Дорожил моею дружбой
Просто день и ночь.

На экскурсию по Риму
Я решил — без Никодиму:
Он всю ночь писал — и вот уснул, —
Но личность в штатском, оказалось,

Раньше боксом увлекалась,
Так что — не рискнул.

Со мной он завтракал, обедал,
Он везде — за мною следом, —
Будто у него нет дел.
Я однажды для порядку
Заглянул в его тетрадку —
Просто обалдел!

Он писал — такая стерва! —
Что в Париже я на мэра
С кулаками нападал,
Что я к женщинам несдержан
И влияниям подвержен
Будто Запада...

Значит, личность может даже
Заподозрить в шпионаже!..
Вы прикиньте — что тогда?
Это значит — не увижу
Я ни Риму, ни Парижу
Больше никогда!..

1965

* * *

Есть на земле предостаточно рас —

Просто цветная палитра, —
Воздуху каждый вдыхает за раз
Два с половиною литра!

Если так дальше, то — полный привет —
Скоро конец нашей эры:
Эти китайцы за несколько лет
Землю лишат атмосферы!

Сон мне тут снился неделю подряд —
Сон с пробуждением кошмарным:
Будто — я в дом, а на кухне сидят
Мао Цзедун с Ли Сын Маном!

И что — разделился наш маленький шар
На три огромные части:
Нас — миллиард, их — миллиард,
А остальное — китайцы.

И что — подают мне какой-то листок:
На, мол, подписывай — ну же, —
Очень нам нужен ваш Дальний Восток —
Ох как ужасно нам нужен!..

Только об этом я сие вспоминал,
Только о нем я и думал, —
Я сослуживца недавно назвал
Мао — простите — Цзедуном!

Но вскорости мы на Луну полетим, —
И что нам с Америкой драться:
Левую — нам, правую — им,
А остальное — китайцам.

1965

* * *

Она на двор — он со двора, —

Такая уж любовь у них.
А он работает с утра,
Всегда с утра работает.

Ее и знать никто не знал,
А он считал пропащею,
А он носился и страдал
Идеею навязчивой:

У ней отец — полковником,
А у него — пожарником, —
Он, в общем, ей не ровня был,
Но вел себя охальником.

Роман случился просто так,
Роман так странно начался:
Он предложил ей четвертак —
Она давай артачиться...

А черный дым все шел и шел,
А черный дым взвивался вверх...
И так им было хорошо —
Любить ее он клялся век.

А клены длинные росли —
Считались колокольнями, —
А люди шли, а люди шли,
Путями шли окольными...

Какие странные дела
У нас в России лепятся!

А как она ему дала,
Расскажут — не поверится...

А после дела темного,
А после дела крупного
Искал места укромные,
Искал места уютные.

И если б наша власть была
Для нас для всех понятная,
То счастье б она нашла, —
А нынче жизнь — проклятая!

<1965 или 1966>

Песня о сумасшедшем доме

Сказал себе я: брось писать, —

но руки сами просятся.
Ох, мама моя родная, друзья любимые!
Лежу в палате — косятся,
не сплю: боюсь — набросятся, —
Ведь рядом психи тихие, неизлечимые.

Бывают психи разные —
не буйные, но грязные, —
Их лечат, морят голодом, их санитары бьют.
И вот что удивительно:
все ходят без смиренных
И то, что мне приносится, всё психи эти жрут.

Куда там Достоевскому
с «Записками» известными, —
Увидел бы, покойничек, как бьют об двери лбы!
И рассказать бы Гоголю
про нашу жизнь убогую, —
Ей-богу, этот Гоголь бы нам не поверил бы.

Вот это мука, — плюй на них! —
они ж ведь, суки, буйные:
Всё норовят меня лизнуть, — ей-богу, нету сил!
Вчера в палате номер семь
один свихнулся насовсем —
Кричал: «Даешь Америку!» — и санитаров бил.

Я не желаю славы, и
пока я в полном здравии —
Рассудок не померк еще, но это впереди, —
Вот главврачиха — женщина —
пусть тихо, но помешана, —
Я говорю: «Сойду с ума!» — она мне: «Подожди!»

Я жду, но чувствую — уже
хожу по лезвию ноже:
Забыл алфавит, падежей припомнил только два...
И я прошу моих друзья,
чтоб кто бы их бы ни был я,
Забрать его, ему, меня отсюда!

Зима 1965/66

Про черта

У меня запой от одиночества —

По ночам я слышу голоса...
Слышу — вдруг зовут меня по отчеству, —
Глянул — черт, — вот это чудеса!
Черт мне корчил рожи и моргал, —
А я ему тихонечко сказал:

«Я, брат, коньяком напился вот уж как!
Ну, ты, наверно, пьешь денатурат...
Слушай, черт-чертяка-чертик-чертушка,
Сядь со мной — я очень буду рад...
Да неужели, черт возьми, ты трус?!
Слезь с плеча, а то перекрещусь!»

Черт сказал, что он знаком с Борисовым —
Это наш запойный управдом, —
Черт за обе щёки хлеб уписывал,
Брезговать не стал и коньяком.
Кончился коньяк — не пропадем, —
Съездим к трем вокзалам и возьмем.

Я уснул, к вокзалам черт мой съездил сам...
Просыпаюсь — снова черт, — боюсь:
Или он по новой мне пригрезился,
Или это я ему кажусь.
Черт ругнулся матом, а потом
Целоваться лез, вилял хвостом.

Насмеялся я над ним до коликов
И спросил: «Как там у вас в аду
Отношение к нашим алкоголикам —

Говорят, их жарят на спирту?!»
Черт опять ругнулся и сказал:
«И там не тот товарищ правит бал!»

...Все кончилось, светлее стало в комнате, —
Черта я хотел опохмелять.
Но растворился черт как будто в омуте...
Я все жду — когда придет опять...
Я не то чтоб чокнутый какой,
Но лучше — с чертом, чем с самим собой.

Зима 1965/66

Песня о сентиментальном боксере

Удар, удар... Еще удар...

Опять удар — и вот
Борис Буткеев (Краснодар)
Проводит апперкот.

Вот он прижал меня в углу,
Вот я едва ушел...
Вот апперкот — я на полу,
И мне нехорошо!

И думал Буткеев, мне челюсть кроша:
И жить хорошо, и жизнь хороша!

При счете семь я все лежу —
Рыдают землячки.
Встаю, ныряю, ухожу —
И мне идут очки.

Неправда, будто бы к концу
Я силы берегу, —
Бить человека по лицу
Я с детства не могу.

Но думал Буткеев, мне ребра круша:
И жить хорошо, и жизнь хороша!

В трибунах свист, в трибунах вой:
«Ату его, он трус!»
Буткеев лезет в ближний бой —
А я к канатам жмусь.

Но он пролез — он сибиряк,
Настырные они, —
И я сказал ему: «Чудак!
Устал ведь — отдохни!»

Но он не услышал — он думал, дыша,
Что жить хорошо и жизнь хороша!

А он всё бьет — здоровый, черт! —
Я вижу — быть беде.
Ведь бокс не драка — это спорт
Отважных и т. д.

Вот он ударил — раз, два, три —
И... сам лишился сил, —
Мне руку поднял рефери,
Которой я не бил.

Лежал он и думал, что жизнь хороша.
Кому хороша, а кому — ни шиша!

Песня о конькобежце
на короткие дистанции,
которого заставили бежать
на длинную

Десять тысяч — и всего один забег

остался.

В это время наш Бескудников Олег
зазнался:

Я, говорит, болен, бюллетеню, нету сил —
и сгинул.

Вот наш тренер мне тогда и предложил:
беги, мол.

Я ж на длинной на дистанции помру —
не охну, —

Пробегу, быть может, только первый круг —
и сдохну!

Но сурово эдак тренер мне: мол,
надо, Федя, —

Главное дело — чтобы воля, говорит, была
к победе.

Воля волей, если сил не впрокорот, —
а я увлекся:

Я на десять тыщ рванул как на пятьсот —
и спёлся!

Подвела меня — ведь я предупреждал! —
дыхалка:

Пробежал всего два круга — и упал, —
а жалко!

И наш тренер, экс- и вице-чемпион
ОРУДа,
Не пускать меня велел на стадион —
иуда!
Ведь вчера мы только брали с ним с тоски
по банке —
А сегодня он кричит: «Меняй коньки
на санки!»
Жалко тренера — он тренер неплохой, —
ну бог с ним!
Я ведь нынче занимаюсь борьбой
и боксом, —
Не имею больше я на счет на свой
сомнений:
Все вдруг стали очень вежливы со мной,
и — тренер...

1966

* * *

Каждому хочется малость погреться —

Будь ты хоть гомо, хоть тля, —
В космосе шастали как-то пришельцы —
Вдруг впереди Земля,

Наша родная Земля!

Быть может, окончился ихний бензин,
А может, заглохнул мотор, —
Но навстречу им вышел какой-то кретин
И затеял отчаянный спор...

Нет бы — раскошелиться
И накормить пришельца...
Нет бы — раскошелиться,
А он — ни мычит, ни телится!

Неважно, что пришельцы
Не ели черный хлеб, —
Но в их тщедушном тельце —
Огромный интеллект.

И мозгу у пришельцев —
Килограмм примерно шесть, —
Ну а у наших предков —
Только челюсти и шерсть.

Нет бы — раскошелиться
И накормить пришельца...
Нет бы — раскошелиться,
А он — ни мычит, ни телится!

Обидно за предков!

1966

Чесня космических негодяев

Вы мне не поверите и просто не поймете:

В космосе страшней, чем даже в дантовском аду, —
По пространству-времени мы прѐм на звездолете,
Как с горы на собственном заду.

От Земли до Беты — восемь дён,
Ну а до планеты Эпсилон —
Не считаем мы, чтоб не сойти с ума.
Вечность и тоска — ох, влипли как!
Наизусть читаем Киплинга,
А кругом — космическая тьма.

На Земле читали в фантастических романах
Про возможность встречи с иноземным
существом, —
Мы на Земле забыли десять заповедей рваных —
Нам все встречи с ближним нипочем!

От Земли до Беты — восемь дён,
Ну а до планеты Эпсилон —
Не считаем мы, чтоб не сойти с ума.
Вечность и тоска — игрушки нам!
Наизусть читаем Пушкина,
А кругом — космическая тьма.

Нам прививки сделаны от слез и грез дешевых,
От дурных болезней и от бешеных зверей, —
Нам плевать из космоса на взрывы всех
сверхновых —
На Земле бывало веселей!

От Земли до Беты — восемь дён,
Ну а до планеты Эпсилон —
Не считаем мы, чтоб не сойти с ума.
Вечность и тоска — ох, влипли как!
Наизусть читаем Киплинга,
А кругом — космическая тьма.

Прежнего, земного не увидим небосклона,
Если верить рассказам ученых чудаков, —
Ведь, когда вернемся мы, по всем по их законам
На Земле пройдет семьсот веков!

То-то есть смеяться отчего:
На Земле бояться нечего —
На Земле нет больше тюрем и дворцов.
На Бога уповали бедного,
Но теперь узнали: нет его. —
Ныне, присно и во век веков!

В далеком созвездии Тау Кита

В далеком созвездии Тау Кита

Все стало для нас непонятно, —
Сигнал посылаем: «Вы что это там?» —
А нас посылают обратно.

На Тау Ките
Живут в тесноте —
Живут, между прочим, по-разному —
Товарищи наши по разуму.

Вот, двигаясь по световому лучу
Без помощи, но при посредстве,
Я к Тау Кита этой самой лечу,
Чтоб с ней разобраться на месте.

На Тау Кита
Чегой-то не так —
Там таукитайская братия
Свихнулась, — по нашим понятиям.

Покамест я в анабиозе лежу,
Те таукитяне буянят, —
Все реже я с ними на связь выхожу:
Уж очень они хулиганят.

У таукитов
В алфавите слов —
Немного, и строй — буржуазный,
И юмор у них — безобразный.

Корабль посадил я как собственный зад,
Слегка покривив отражатель.
Я крикнул по-таукитянски: «Виват!» —
Что значит по-нашему — «Здрасьте!».

У таукитян
Вся внешность — обман, —
Тут с ними нельзя состязаться:
То явятся, то растворятся...

Мне таукитянин — как вам папуас, —
Мне вкратце об них намекнули.
Я крикнул: «Галактике стыдно за вас!» —
В ответ они чем-то мигнули.

На Тау Ките
Условия не те:
Тут нет атмосферы, тут душно, —
Но таукитяне радушны.

В запале я крикнул им: мать вашу, мол!..
Но кибернетический гид мой
Настолько буквально меня перевел,
Что мне за себя стало стыдно.

Но таукиты —
Такие скоты —
Наверно, успели набраться:
То явятся, то растворятся...

«Вы, братья по полу, — кричу, — мужики!
Ну что...» — тут мой голос сорвался.
Я таукитянку схватил за грудки:
«А ну, — говорю, — признавайся!..»

Она мне: «Уйди!» —
Мол, мы впереди —
Не хотим с мужчинами знаться, —
А будем теперь почковаться!

Не помню, как поднял я свой звездолет, —
Лечу в настроенье питейном:
Земля ведь ушла лет на триста вперед
По гнусной теории Эйнштейна!

Что, если и там,
Как на Тау Кита,
Ужасно повысилось знание, —
Что, если и там — почкованье?!

1966

Про дикого вепря

В королевстве, где все тихо и складно,
[redacted]

Где ни войн, ни катаклизмов, ни бурь,
Появился дикий вепрь огромный —
То ли буйвол, то ли бык, то ли тур.

Сам король страдал желудком и астмой,
Только кашлем сильный страх наводил, —
А тем временем зверюга ужасный
Кох ел, а коих в лес волочил.

И король тотчас издал три декрета:
«Зверя надо одолеть наконец!
Вот кто отчаётся на это, на это,
Тот принцессу поведет под венец».

А в отчаявшемся том государстве —
Как войдешь, так прямо наискосок —
В бесшабашной жил тоске и гусарстве
Бывший лучший, но опальный стрелок.

На полу лежали люди и шкуры,
Пели песни, пили мёды — и тут
Протрубили во дворе трубадуры,
Хвать стрелка — и во дворец волокут.

И король ему прокашлял: «Не буду
Я читать тебе морали, юнец, —
Но если завтра победишь чуду-юду,
То принцессу поведешь под венец».

А стрелок: «Да это что за награда?!
Мне бы — выкатить портвейну бадью!»
Мол, принцессу мне и даром не надо, —
Чуду-юду я и так победю!

А король: «Возьмешь принцессу — и точка!
А не то тебя раз-два — и в тюрьму!
Ведь это все же королевская дочка!..»
А стрелок: «Ну хоть убей — не возьму!»

И пока король с им так препирался,
Съел уже почти всех женщин и кур
И возле самого дворца ошивался
Этот самый то ли бык, то ли тур.

Делать нечего — портвейн он отспорил, —
Чуду-юду уложил — и убег...
Вот так принцессу с королем опозорил
Бывший лучший, но опальный стрелок.

* * *

Один музыкант объяснил

мне пространно,
Что будто гитара свой век отжила, —
Заменят гитару электроорганы,
Электророяль и электропила...

Гитара опять
Не хочет молчать —
Поет ночами лунными,
Как в юность мою,
Своими семью
Серебряными струнами!..

Я слышал вчера — кто-то пел на бульваре:
Был голос уверен, был голос красив. —
Но кажется мне — надоело гитаре
Звенеть под его залихватский мотив.

И все же опять
Не хочет молчать —
Поет ночами лунными,
Как в юность мою,
Своими семью
Серебряными струнами!..

Электророяль мне, конечно, не пара —
Другие появятся с песней другой, —
Но кажется мне — не уйдем мы с гитарой
В заслуженный и нежеланный покой.

Гитара опять
Не хочет молчать —
Поет ночами лунными,
Как в юность мою,
Своими семью
Серебряными струнами!..

1966

* * *

А люди всё роптали и роптали,

А люди справедливости хотят:
«Мы в очереди первыми стояли, —
А те, кто сзади нас, уже едят!»

Им объяснили, чтобы не ругаться:
«Мы просим вас, уйдите, дорогие!
Те, кто едят, — ведь это иностранцы,
А вы, прошу прощенья, кто такие?»

Но люди всё роптали и роптали,
Но люди справедливости хотят:
«Мы в очереди первыми стояли, —
А те, кто сзади нас, уже едят!»

Им снова объяснил администратор:
«Я вас прошу, уйдите, дорогие!
Те, кто едят, — ведь это ж делегаты,
А вы, прошу прощенья, кто такие?»

Но люди всё роптали и роптали,
Но люди справедливости хотят:
«Мы в очереди первыми стояли, —
А те, кто сзади нас, уже едят...»

1966

Скалолазка

Я спросил тебя: «Зачем идете в гору вы? —

А ты к вершине шла, а ты рвалась в бой. —
Ведь Эльбрус и с самолета видно здорово...»
Рассмеялась ты — и взяла с собой.

И с тех пор ты стала близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя, —
Первый раз меня из трещины вытаскивая,
Улыбалась ты, скалолазка моя!

А потом за эти проклятые трещины,
Когда ужин твой я нахваливал,
Получил я две короткие затрещины —
Но не обиделся, а приговаривал:

«Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!...»
Каждый раз меня по трещинам выискивая,
Ты бранила меня, альпинистка моя!

А потом на каждом нашем восхождении —
Ну почему ты ко мне недоверчивая?! —
Страховала ты меня с наслаждением,
Альпинистка моя гуттаперчевая!

Ох, какая ж ты не близкая, не ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!
Каждый раз меня из пропасти вытаскивая,
Ты ругала меня, скалолазка моя.

За тобой тянулся из последней силы я —
До тебя уже мне рукой подать, —
Вот долезу и скажу: «Довольно, милая!»
Тут сорвался вниз, но успел сказать:

«Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя скалоласковая!..»
Мы теперь с тобою одной веревкой
связаны —
Стали оба мы скалолазами!

1966

* * *

Свои обиды каждый человек —

Проходит время — и забывает.
А моя печаль — как вечный снег:
Не тает, не тает.

Не тает она и летом
В полуденный зной, —
И знаю я: печаль-тоску мне эту
Век носить с собой.

1966

Она была в Париже

Наверно, я погиб: глаза закрою — вижу.

Наверно, я погиб: робею, а потом —
Куда мне до нее — она была в Париже,
И я вчера узнал — не только в ем одном!

Какие песни пел я ей про Север дальний! —
Я думал: вот чуть-чуть — и будем мы на «ты», —
Но я напрасно пел о полосе нейтральной —
Ей глубоко плевать, какие там цветы.

Я спел тогда еще — я думал, это ближе —
«Про счетчик», «Про того, кто раньше с нею был»...
Но что ей до меня — она была в Париже, —
Ей сам Марсель Марсо чевой-то говорил!

Я бросил свой завод — хоть, в общем, был не
вправе, —
Засел за словари на совесть и на страх...
Но что ей от того — она уже в Варшаве, —
Мы снова говорим на разных языках...

Приедет — я скажу по-польски: «Прошу, пани,
Прими таким как есть, не буду больше петь...»
Но что ей до меня — она уже в Иране, —
Я понял: мне за ней, конечно, не успеть!

Она сегодня здесь, а завтра будет в Осле, —
Да, я попал впросак, да, я попал в беду!..
Кто раньше с нею был, и тот, кто будет после, —
Пусть пробуют они — я лучше пережду!

1966

* * *

Возле города Пекина

Ходят-бродят хунвэйбины,
И старинные картины
Ищут-рыщут хунвэйбины, —
И не то чтоб хунвэйбины
Любят статуи, картины:
Вместо статуй будут урны
«Революции культурной».

И ведь, главное, знаю отлично я,
Как они произносятся, —
Но чтой-то весьма неприличное
На язык ко мне просится:
Хун-вэй-бины...

Вот придумал им забаву
Ихний вождь товарищ Мао:
Не ходите, дети, в школу —
Приходите бить крамолу!
И не то чтоб эти детки
Были вовсе — малолетки, —
Изрубили эти детки
Очень многих на котлетки!

И ведь, главное, знаю отлично я,
Как они произносятся, —
Но чтой-то весьма неприличное
На язык ко мне просится:
Хун-вэй-бины...

Вот немного посидели,
А теперь похулиганим —
Что-то тихо в самом деле, —
Думал Мао с Ляо Бянем. —
Чем еще уконтрапупишь
Мировую атмосферу:
Мы покажем крупный кукиш
СэШэА и эСеСеРу!

И ведь, главное, знаю отлично я,
Как они произносятся, —
Но чтой-то весьма неприличное
На язык ко мне просится:
Хун-вэй-бины...

1966

Песня-сказка о нечисти

В заповедных и дремучих

страшных Муромских лесах
Всяка нечисть бродит тучей
и в проезжих сеет страх:
Воет воем, что твои упокойники,
Если есть там соловьи — то разбойники.

Страшно, аж жуть!

В заколдованных болотах
там кикиморы живут, —
Защекочут до икоты
и на дно уволокут.
Будь ты пеший, будь ты конный —
заграбастают,
А уж лешие — так по лесу и шастают.

Страшно, аж жуть!

А мужик, купец и воин —
попадал в дремучий лес, —
Кто зачем: кто с перепоею,
а кто сдуру в чашу лез.
По причине попадали, без причины ли, —
Только всех их и видали — словно сгинули.

Страшно, аж жуть!

Из заморского из лесу,
где и вовсе сущий ад,

Где такие злые бесы —
 чуть друг друга не едят, —
Чтоб творить им совместное зло потом,
Поделиться приехали опытом.

Страшно, аж жуть!

Соловей-разбойник главный
 им устроил буйный пир,
А от их был Змей трехглавый
 и слуга его — Вампир, —
Пили зелье в черепах, ели бульники,
Танцевали на гробах, богохульники!

Страшно, аж жуть!

Змей Горыныч взмыл на древо,
 ну — раскачивать его:
«Выводи, Разбойник, девок, —
 пусть покажут кой-чего!
Пусть нам лешие попляшут, попоют!
А не то я, мать вашу, всех сгною!»

Страшно, аж жуть!

Все взревели, как медведи:
«Натерпелись — сколько лет!
Ведьмы мы али не ведьмы,
 патриотки али нет?!
Налил бельма, ишь ты, клещ, — отоварился!
А еще на наших женщин позарился!...»

Страшно, аж жуть!

Соловей-разбойник тоже
 был не только лыком шит, —
Гикнул, свистнул, крикнул: «Рожа,
 ты, заморский паразит!
Убирайся без бою, уматывай
И Вампира с собою прихватывай!»

Страшно, аж жуть!

...А теперь седые люди
 помнят прежние дела:
Билась нечисть грудью в груди
 и друг друга извела, —
Прекратилось навек безобразие —
Ходит в лес человек безбоязненно.

И не страшно ничуть!

<1966 или 1967>

Гололед

Гололед на Земле, гололед —
~~Гололед на Земле, гололед —~~

Целый год напролет гололед.
Будто нет ни весны, ни лета —
В саван белый одета планета
Люди, падая, бьются об лед.

Гололед на Земле, гололед —
Целый год напролет гололед.
Гололед, гололед, гололед —
Целый год напролет, целый год.

Даже если всю Землю — в облет,
Не касаясь планеты ногами, —
Не один, так другой упадет
На поверхность, а там — гололед! —
И затопчут его сапогами.

Гололед на Земле, гололед —
Целый год напролет гололед.
Гололед, гололед, гололед —
Целый год напролет, целый год.

Только — лед, словно зеркало, лед,
Но на детский каток не похоже, —
Может — зверь не упавши пройдет...
Гололед! — и двуногий встает
На четыре конечности тоже.

Гололед на Земле, гололед —
Целый год напролет гололед.
Гололед, гололед, гололед —
Целый год напролет, целый год.

Зима 1966/67, ред. <1973>

* * *

Корабли постоят — и ложатся на курс, —

Но они возвращаются сквозь непогоды...
Не пройдет и полгода — и я появлюсь, —
Чтобы снова уйти на полгода.

Возвращаются все — кроме лучших друзей,
Кроме самых любимых и преданных женщин.
Возвращаются все — кроме тех, кто нужней, —
Я не верю судьбе, а себе — еще меньше.

Но мне хочется верить, что это не так,
Что сжигать корабли скоро выйдет из моды.
Я, конечно, вернусь — весь в друзьях и в делах, —
Я, конечно, спою — не пройдет и полгода.

Я, конечно, вернусь — весь в друзьях и в мечтах, —
Я, конечно, спою — не пройдет и полгода.

<1967>

Случай в ресторане

В ресторане по стенкам висят тут и там —

«Три медведя», «Заколотый витязь»...
За столом одиноко сидит капитан.
«Разрешите?» — спросил я. «Садитесь!

...Закури!» — «Извините, «Казбек» не курю...»
«Ладно, выпей, — давай-ка посуду!..
Да пока принесут... Пей, кому говорю!
Будь здоров!» — «Обязательно буду!»

«Ну так что же, — сказал, захмелев,
капитан, —
Водку пьешь ты красиво, однако.
А видал ты вблизи пулемет или танк?
А ходил ли ты, скажем, в атаку?

В сорок третьем под Курском я был
старшиной, —
За моею спиной — такое...
Много всякого, брат, за моею спиной,
Чтоб жилось тебе, парень, спокойно!»

Он ругался и пил, он спросил про отца,
И кричал он, уставясь на блюдо:
«Я полжизни отдал за тебя, подлеца, —
А ты жизнь прожигаешь, иуда!

А винтовку тебе, а послать тебя в бой?!
А ты водку тут хлещешь со мною!..
Я сидел как в окопе под Курской дугой —
Там, где был капитан старшиною.

Он все больше хмелел, я — за ним по пятам, —
Только в самом конце разговора
Я обидел его — я сказал: «Капитан,
Никогда ты не будешь майором!..»

1967

Народия на плохой детектив

Опасаясь контрразведки,

избегая жизни светской,
Под английским псевдонимом «мистер
Джон Ланкастер Пек»,
Вечно в кожаных перчатках —
чтоб не делать отпечатков, —
Жил в гостинице «Советской» несоветский человек.

Джон Ланкастер в одиночку,
преимущественно ночью,
Щелкал носом — в ем был спрятан инфракрасный
объектив, —
А потом в нормальном свете
представало в черном цвете
То, что ценим мы и любим, чем гордится коллектив.

Клуб на улице Нагорной —
стал общественной уборной,
Наш родной Центральный рынок — стал похож
на грязный склад,
Искаженный микропленкой,
ГУМ — стал маленькой избенкой,
И уж вспомнить неприлично, чем предстал
театр МХАТ.

Но работать без подручных —
может, грустно, а может, скучно, —
Враг подумал — враг был дока, — написал
фиктивный чек,
И где-то в дебрях ресторана гражданина Елифана
Сбил с пути и с панталыку несоветский человек.

Епифан казался жадным,

хитрым, умным, плотоядным,
Меры в женщинах и в пиве он не знал и не хотел.

В общем так: подручный Джона

был находкой для шпиона, —

Так случиться может с каждым — если пьян

и мягкотел!

«Вот и первое задание:

в тринадцать возле бани —

Может, раньше, а может, позже — остановится

такси, —

Надо сесть, связать шофера,

разыграть простого вора, —

А потом про этот случай растрелят по «Би-би-си».

И еще. Побрейтесь свеже, и на выставке в Манеже

К вам приблизится мужчина с чемоданом —

скажет он:

«Не хотите ли черешни?»

Вы ответите: «Конечно», —

Он вам даст батон с взрывчаткой —

принесете мне батон.

А за это, друг мой пьяный, — говорил он Епифану, —

Будут деньги, дом в Чикаго, много женщин

и машин!»

...Враг не ведал, дурачина:

тот, кому все поручил он,

Был — чекист, майор разведки и прекрасный

семьянин.

Да, до этих штук мастер

этот самый Джон Ланкастер!..

Но жестоко просчитался пресловутый мистер Пек —

Обезврежен он, и даже он пострижен и посажен, —

А в гостинице «Советской» поселился мирный грек.

Профессионалы

Профессионалам —

зарплата навалом, —
Плевать, что на лед они зубы плюют.
Им платят деньжищи —
огромные тыщи, —
И даже за проигрыш, и за ничью.

Игрок хитер — пусть
берет на корпус,
Бьет в зуб ногой и — ни в зуб ногой, —
А сам в итоге
калечит ноги —
И вместо клюшки идет с клюкой.

Профессионалам,
отчаянным малым.
Игра — лотерея, — кому повезет.
Играют с партнером —
как бык с матадором, —
Хоть, кажется, принято — наоборот.

Как будто мертвый
лежит партнер твой, —
И ладно, черт с ним — пускай лежит.
Не оплошай, бык, —
бог хочет шайбы,
Бог на трибуне — он не простит!

Профессионала
судья криминалом
Ни бокс не считает, ни злой мордобой, —

И с ними лет двадцать
кто мог потягаться —
Как школьнику драться с отборной шпаной?!

Но вот недавно
их козырь главный —
Уже не козырь, а так — пустяк, —
И их оружием
теперь не хуже
Их бьют, к тому же — на скоростях.

Профессионалы
в своем Монреале
Пускай разбивают друг другу носы, —
Но их представитель
(хотите — спросите!)
Недавно заклеен был в две полосы.

Сперва распластан,
а после — пластырь.
А ихний пастор — ну как назло! —
Он перед боем
знал, что слабо им, —
Молились строем — не помогло.

Профессионалам
по всяким каналам —
То много, то мало — на банковский счет, —
А наши ребята
за ту же зарплату
Уже пятикратно уходят вперед!

Пусть в высшей лиге
плетут интриги,
И пусть канадским зовут хоккей —
За нами слово, —
до встречи снова!
А футболисты — до лучших дней.

Несенка про йогов

Чем славится индийская культура?

Ну, скажем, — Шива — многорук, клыкаст...
Еще артиста знаем — Радж Капюра,
И касту йогов — странную из каст.

Говорят, что раньше йог
мог
Ни черта не брамши в рот — год, —
А теперь они рекорд
бьют:
Всё едят и целый год
пьют!

А что же мы? И мы не хуже многих —
Мы тоже можем много выпивать, —
И бродят многочисленные йоги —
Их, правда, очень трудно распознать.

Очень много может йог
штук:
Вот один недавно лег
вдруг —
Третий день уже летит, — стыд! —
Ну а йог себе лежит
спит.

Я знаю, что у них секретов много, —
Поговорить бы с йогом тет-на-тет, —
Ведь даже яд не действует на йога:
На яды у него иммунитет.

Под водой не дышит час —
раз,
Не обидчив на слова —
два,
Если чувствует, что старик
вдруг —
Скажет «стоп!», и в тот же миг —
труп!

Я попросил подвыпившего йога
(Он бритвы, гвозди ел как колбасу):
«Послушай, друг, откройся мне — ей-бога,
С собой в могилу тайну унесу!»

Был ответ на мой вопрос
прост,
Но поссорились мы с ним
в дым, —
Я бы мог открыть ответ
тот,
Но йог велел хранить секрет,
вот...

1967

Песня-сказка про джинна

У вина достоинства, говорят, целебные, —

Я решил попробовать — бутылку взял, открыл...
Вдруг оттуда вылезло чтой-то непотребное:
Может быть, зеленый змий, а может — крокодил!

Если я чего решил — я выпью обязательно, —
Но к этим шуткам отношусь очень отрицательно!

А оно — зеленое, пахучее, противное —
Прыгало по комнате, ходило ходуном, —
А потом послышалось пенье заунывное —
И виденье оказалось грубым мужуком!

Если я чего решил — я выпью обязательно, —
Но к этим шуткам отношусь очень отрицательно!

Если б было у меня времени хотя бы час —
Я бы дворников позвал с метлами, а тут
Вспомнил детский детектив — «Старика
Хоттабыча» —
И спросил: «Товарищ ибн, как тебя зовут?»

Если я чего решил — я выпью обязательно, —
Но к этим шуткам отношусь очень отрицательно!

«Так что хитрость, — говорю, — брось
свою иудину —
Прямо, значит, отвечай: кто тебя послал,
Кто загнал тебя сюда, в винную посудину,
От кого скрывался ты и чего скрывал?»

Тут мужик поклоны бьет, отвечает вежливо:
«Я не вор, я не шпион, я вообще-то — дух, —
За свободу за мою — захотите ежли вы —
Изобью для вас любого, можно даже двух!»

Тут я понял: это — джинн, — он ведь может
многое —
Он же может мне сказать «Враз озолочу!»...
«Ваше предложение, — говорю, — убогое.
Морды будем после бить — я вина хочу!

Ну а после — чудеса по такому случаю:
До небес дворец хочу — ты на то и бес!..»
А он мне: «Мы таким делам вовсе не обучены, —
Кроме мордобитиев — никаких чудес!»

«Врешь!» — кричу. «Шалишь!» — кричу. Но и дух —
в амбицию, —
Стукнул раз — специалист! — видно по нему.
Я, конечно, побежал — позвонил в милицию.
«Убивают, — говорю, — прямо на дому!»

Вот они подъехали — показали аспиду!
Супротив милиции он ничего не смог:
Вывели болезного, руки ему — за спину
И с размаху кинули в черный воронок.

...Что с ним стало? Может быть, он в тюрьме
мается, —
Чем в бутылке, лучше уж в Бутырке посидеть!
Ну а может, он теперь боксом занимается, —
Если будет выступать — я пойду посмотреть!

Песня о вещем Олеге

Как ныне собирается вещий Олег

Щита прибивать на ворота,
Как вдруг подбегает к нему человек —
И ну шепелявить чего-то.
«Эх, князь, — говорит ни с того ни с сего, —
Ведь примешь ты смерть от коня своего!»

Но только собрался идти он на вы —
Отмщать неразумным хазарам,
Как вдруг прибежали седые волхвы,
К тому же разя перегаром, —
И говорят ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего.

«Да кто вы такие, откуда взялись?! —
Дружина взялась за нагайки. —
Напился, старик, — так пойдя похмелись,
И неча рассказывать байки
И говорить ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего!»

Ну, в общем, они не сносили голов, —
Шутить не можете с князьями! —
И долго дружина топтала волхвов
Своими гнедыми конями.
Ишь, говорят ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего!

А вещий Олег свою линию гнул,
Да так, что никто и не пикнул, —
Он только однажды волхвов вспоманул,

И то — саркастически хмыкнул:
Ну надо ж болтать ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего!

«А вот он, мой конь — на века опочил, —
Один только череп остался!..» —
Олег преспокойно стопу возложил —
И тут же на месте скончался:
Злая гадюка кусила его —
И принял он смерть от коня своего.

...Каждый волхвов покарать норовит, —
А нет бы — послушаться, правда?
Олег бы послушал — еще один щит
Прибил бы к воротам Цареграда.
Волхвы-то сказали с того и с сего,
Что примет он смерть от коня своего!

Два письма

Здравствуй, Коля, милый мой

друг мой ненаглядный!
Во первых строках письма шлю тебе привет.
Вот вернешься ты, боюсь, занятой, нарядный —
Не заглянешь и домой, — сразу в сельсовет.

Как уехал ты — я в крик, — бабы прибежали:
«Ой, разлуки, — говорят, — ей не перенести».
Так скучала за тобой, что меня держали, —
Хоть причина не скучать очень даже есть.

Тута Пашка приходил — кум твой окаянный, —
Еле-еле не далась — даже щас дрожу.
Он три дня уж, почитай, ходит злой и пьяный —
Перед тем как приставать, пьет для куражу.

Ты, болтают, получил премию большую;
Будто Борька, наш бугай, — первый чемпион...
К злыдню этому быку я тебя ревную
И люблю тебя сильнее, нежели чем он.

Ты приснился мне во сне — пьяный, злой,
угрюмый, —
Если думаешь чего — так не мучь себя:
С агрономом я прошлась, — только ты не думай —
Говорили мы весь час только про тебя.

Я-то ладно, а вот ты — страшно за тебя-то:
Тут недавно приезжал очень важный чин, —

Так в столице, говорит, всякие развраты,
Да и женщин, говорит, больше, чем мужчин.

Ты уж, Коля, там не пей — потерпи до дому, —
Дома можешь хоть чего: можешь — хоть в запой!
Мне не надо никого — даже агроному, —
Хоть культурный человек — не сравню с тобой.

Наш амбар в дожди течет — прохудился верно, —
Без тебя неумоготу — кто создаст уют?!
Хоть какой, но приезжай — жду тебя безмерно!
Если можешь, напиши — что там продают.

1967

II

Не пиши мне про любовь — не поверю я:
Мне вот тут уже дела твои прошлые.
Слушай лучше: тут — с лавсаном материя, —
Если хочешь, я куплю — вещь хорошая.

Водки я пока не пил — ну ни стопочки!
Экономлю и не ем даже супу я, —
Потому что я куплю тебе кофточку,
Потому что я люблю тебя, глупая.

Был в балете, — мужики девок лапают.
Девки — все как на подбор — в белых тапочках.
Вот пишу, а слезы душат и капают:
Не давай себя хватать, моя лапочка!

Наш бугай — один из первых на выставке.
А сперва кричали — будто бракованный, —
Но очухались — и вот дали приз таки:
Весь в медалях он лежит, запакованный.

Председателю скажи, пусть избу мою
Кроют нынче же, и пусть травку выкосют, —
А не то я тёлок крыть — не подумаю:
Рекордсмена портить мне — на-кось, выкуси!

Пусть починют наш амбар — ведь не гнить
зерну!

Будет Пашка приставать — с им как
с предателем!

С агрономом не гуляй — ноги выдерну, —
Можешь раза два пройтись с председателем.

До свидания, я — в ГУМ, за покупками:
Это — вроде наш лабаз, но — со стеклами...
Ты мне можешь надоесть с полупшубками,
В сером платье с узорами блеклыми.

...Тут стоит культурный парк по-над речкою,
В ем гуляю — и плюю только в урны я.
Но ты, конечно, не поймешь — там,
за печкою, —

Потому — ты темнота некультурная.

1966

Песня о вещей Кассандре

Долго Троя в положении осадном

Оставалась неприступною твердыней,
Но троянцы не поверили Кассандре, —
Троя, может быть, стояла б и поныне.

Без умолку безумная девица
Кричала: «Ясно вижу Трою павшей в прах!»
Но ясновидцев — впрочем, как и очевидцев —
Во все века сжигали люди на кострах.

И в ночь, когда из чрева лошади на Трою
Спустилась смерть, как и положено, крылата,
Над избиваемой безумною толпою
Кто-то крикнул: «Это ведьма виновата!»

Без умолку безумная девица
Кричала: «Ясно вижу Трою павшей в прах!»
Но ясновидцев — впрочем, как и очевидцев —
Во все века сжигали люди на кострах.

И в эту ночь, и в эту смерть, и в эту смуту,
Когда сбылись все предсказания на славу,
Толпа нашла бы подходящую минуту,
Чтоб учинить свою привычную расправу.

Без устали безумная девица
Кричала: «Ясно вижу Трою павшей в прах!»
Но ясновидцев — впрочем, как и очевидцев —
Во все века сжигали люди на кострах.

Конец простой — хоть не обычный, но досадный:
Какой-то грек нашел Кассандрину обитель, —
И начал пользоваться ей не как Кассандрой,
А как простой и ненасытный победитель.

Без умолку безумная девица
Кричала: «Ясно вижу Трою павшей в прах!»
Но ясновидцев — впрочем, как и очевидцев —
Во все века сжигали люди на кострах.

1967

Ой, где был я вчера

Ой, где был я вчера — не найду, хоть убей!

Только помню, что стены — с обоями,
Помню — Клавка была, и подруга при ей, —
Целовался на кухне с обоими.

А наутро я встал —
Мне давай сообщать,
Что хозяйку ругал,
Всех хотел застращать,
Будто голым скакал,
Будто песни орал,
А отец, говорил,
У меня — генерал!

А потом рвал рубаху и бил себя в грудь,
Говорил, будто все меня продали,
И гостям, говорят, не давал продыхнуть —
Донимал их своими аккордами.

А потом кончил пить —
Потому что устал, —
Начал об пол крушить
Благородный хрусталь,
Лил на стены вино,
А кофейный сервиз,
Растворивши окно,
Взял да выбросил вниз.

И никто мне не мог даже слова сказать.
Но потом потихоньку оправились, —
Навалились гурьбой, стали руки вязать,
И в конце уже — все позабавились.

Кто — плевал мне в лицо,
А кто — водку лил в рот,
А какой-то танцор
Бил ногами в живот...
Молодая вдова,
Верность слову храня, —
Ведь живем снова —
Пожалела меня.

И бледнел я на кухне разбитым лицом,
Делал вид, что пошел на попятную.
«Развяжите, — кричал, — да и дело с концом!»
Развязали, — но вилки попрятали.

Тут вообще началось —
Не опишешь в словах, —
И откуда взялось
Столько силы в руках! —
Я как раненый зверь
Напоследок чудил:
Выбил окна и дверь
И балкон уронил.

Ой, где был я вчера — не найду днем с огнем!
Только помню, что стены — с обоями, —
И осталось лицо — и побои на нем, —
Ну куда теперь выйти с побоями!

...Если правда оно —
Ну хотя бы на треть, —
Остается одно:
Только лечь помереть!
Хорошо, что вдова
Все смогла пережить,
Пожалела меня —
И взяла к себе жить.

Песня про правого инсайда

Мяч затаился в стриженной траве.

Секунда паузы на поле и в эфире...
Они играют по системе «дубль-ве», —
А нам плевать, у нас — «четыре-два-четыре».

Ох инсайд! Для него — что футбол, что балет,
И всегда он играет по правому краю, —
Справедливости в мире и на поле нет —
Потому я всегда только слева играю.

Мяч затаился в стриженной траве.
Секунда паузы на поле и в эфире...
Они играют по системе «дубль-ве», —
А нам плевать, у нас — «четыре-два-четыре».

Вот инсайд гол забил, получив точный пас.
Я хочу, чтоб он встретился мне на дороге, —
Не могу: меня тренер поставил в запас,
А ему сходят с рук перебитые ноги.

Мяч затаился в стриженной траве.
Секунда паузы на поле и в эфире...
Они играют по системе «дубль-ве», —
А нам плевать, у нас — «четыре-два-четыре».

Ничего! Я немножечко повременю,
И пускай не дадут от команды квартиру —
Догоню, я сегодня его догоню, —
Пусть меня не заявят на первенство миру.

Мяч затаился в стриженной траве.
Секунда паузы на поле и в эфире...
Они играют по системе «дубль-ве», —
А нам плевать, у нас — «четыре-два-четыре».

Ничего! После матча его подожду —
И тогда побеседуем с ним без судьи мы, —
Пропаду, чует сердце мое — попаду
Со скамьи запасных на скамью подсудимых.

Мяч затаился в стриженной траве.
Секунда паузы на поле и в эфире...
Они играют по системе «дубль-ве», —
А нам плевать, у нас — «четыре-два-четыре».

1967, ред. 1968

Володя Высоцкий — ученик 186-й
московской школы. Вторая половина
40-х годов.

Семен Владимирович
Высоцкий, отец
Владимира Высоцкого.

С мамой Ниной Максимовной.

Евгения Степановна, «тетя Женечка», вторая жена
С. В. Высоцкого, справа от нее Володя
со своим отцом.

Людмила Абрамова, актриса, вторая жена Высоцкого, с сыновьями Аркадием и Никитой.

Сыновья.

Большой Каретный

Где твои семнадцать лет - на Большом Каретном,
Где твои семнадцать бед - на Большом Каретном,
Где ~~ты и сегодня стоишь~~ ^{не знаешь поименовать} на Большом Каретном,
И где тебя сегодня нет - на Большом Каретном.

Гд
Гд
Гд
и

~~ты и сегодня стоишь~~ ^{ты и сегодня стоишь} - верь, не верь.

И все же где б ты ни был, где ты им бредешь,
Нет - нет, да по Каретному пройдешь,
Еще бы...

Где твои семнадцать лет на Большом Каретном,
Где твои семнадцать бед на Большом Каретном,
Где ~~ты и сегодня стоишь~~ ^{не знаешь поименовать} на Большом Каретном,
И где тебя сегодня нет на Большом Каретном.

С поэтом и другом Игорем Кохановским.

Писал везде, где случалось.

Аркадий, Евгения Степановна, Семен Владимирович
и Никита. 25 января 1985 г.

Диплом Школы-студии МХАТ вручает народный артист СССР В. Ершов, июнь 1960.

* * *

У нас вчера с позавчера

шла спокойная игра —
Козырей в колоде каждому хватало,
И сходились мы на том,
что, оставшись при своем,
Расходились, а потом — давай сначала!

Но вот явились к нам они — сказали
«Здрасьте!».
Мы их не ждали, а они уже пришли...
А в колоде как-никак — четыре масти, —
Они давай хватать тузы и короли!

И пошла у нас с утра
неудачная игра, —
Не мешайте и не хлопайте дверями!
И шерстят они нас в пух —
им успех, а нам испуг, —
По тузы — они ведь бьются козырями!

А вот явились к нам они — сказали «Здрасьте!».
Мы их не ждали, а они уже пришли...
А в колоде как-никак — четыре масти, —
И им достались все тузы и короли!

Шла неравная игра —
одолели шулера, —
Карта прет им, ну а нам — пойду покличу!
Зубы щелкают у них —
видно, каждый хочет вмиг
Кончить дело — и начать делить добычу.

А вот явились к нам они — сказали «Здрасьте!».
Мы их не ждали, а они уже пришли...
А в колоде как-никак — четыре масти, —
И им достались все тузы и короли!

Только зря они шустры —
 не сейчас конец игры!
Жаль, что вечер на дворе такой безлунный!..
Мы плетемся наугад,
 нам фортуна кажет зад, —
Но ничего — мы рассчитаемся с фортуной!

И вот явились к нам они — сказали «Здрасьте!».
Мы их не ждали, а они уже пришли...
Но в колоде все равно — четыре масти, —
И нам достанутся тузы и короли!

1967

Лукоморья больше нет

Антисказка

Лукоморья больше нет,

От дубов простыл и след, —
Дуб годится на паркет —
 так ведь нет:
Выходили из избы
Здоровенные жлобы —
Порубили все дубы
 на гробы.

Ты уймись, уймись, тоска,
У меня в груди!
Это — только присказка,
Сказка — впереди.

Распрекрасно жить в домах
На куриных на ногах,
Но явился всем на страх
 вертопрах, —
Добрый молодец он был —
Бабку Ведьму подпоил,
Ратный подвиг совершил,
 дом спалил.

Тридцать три богатыря
Порешили, что зазря
Берегли они царя
 и моря, —
Каждый взял себе надел —
Кур завел — и в ем сидел,
Охраняя свой удел
 не у дел.

Ободрав зеленый дуб,
Дядька ихний сделал сруб,
С окружающими туп
стал и груб, —
И ругался день-деньской
Бывший дядька их морской,
Хоть имел участок свой
под Москвой.

Здесь и вправду ходит Кот, —
Как направо — так поет,
Как налево — так загнет
анекдот, —
Но, ученый сукин сын,
Цепь златую снес в торгсин
И на выручку — один —
в магазин.

Как-то раз за божий дар
Получил он гонорар, —
В Лукоморье перегар —
на гектар!
Но хватил его удар, —
Чтоб избегнуть божьих кар,
Кот диктует про татар
мемуар.

И Русалка — вот дела! —
Честь недолго берегла —
И однажды, как смогла,
родила, —
Тридцать три же мужука
Не желают знать сына, —
Пусть считается пока —
сын полка.

Как-то раз один Колдун —
Врун, болтун и хохотун —
Предложил ей как знаток
дамских струн:

Мол, Русалка, все пойму
И с дитем тебя возьму, —
И пошла она к ему
как в тюрьму:

Бородатый Черномор —
Лукоморский первый вор —
Он давно Людмилу спер, —
ох, хитер!
Ловко пользуется, тать,
Тем, что может он летать:
Зазеваешься — он хватить! —
и тикать.

А коверный самолет
Сдан в музей в запрошлый год —
Любознательный народ
так и прет!
Без опаски старый хрыч
Баб ворует, хнычь не хнычь, —
Ох, скорей ему накличь
паралич!

Нету мочи, нету сил, —
Леший как-то недопил —
Лешачиху свою бил
и вопил:
«Дай рубля, прибью а то, —
Я добытчик али кто?!
А не дашь — тады пропью
долото!»

«Я ли ягод не носил?! —
Снова Леший голосил. —
А коры по скольку кил
приносил!
Надрывался — издаля,

Всё твоей забавы для, —
Ты ж жалеешь мне рубля —
ах ты тля!»

И невиданных зверей,
Дичи всякой — нету ей:
Понаехало за ей
егерей...

В общем, значит, не секрет:
Лукоморья больше нет, —
Всё, про что писал поэт,
это — бред.

Ты уймись, уймись, тоска, —
Душу мне не рань!
Раз уж это прическа —
Значит, сказка — дрянь.

1967

Сказка о несчастных сказочных персонажах

На краю края земли, где небо ясное

Как бы вроде даже сходит за кордон,
На горе стояло здание ужасное,
Издаля напоминавшее ООН.

Все сверкает как зарница —
Красота, — но только вот
В этом здании царица
В заточении живет.

И Кощей Бессмертный грубую животную
Это здание поставил охранять, —
Но по-своему несчастное и кроткое,
Может, было то животное — как знать!

От большой тоски по маме
Вечно чудище в слезах, —
Ведь оно с семью главами,
О пятнадцати глазах.

Сам Кощей (он мог бы раньше — врукопашную)
От любви к царице высох и увял —
Стал по-своему несчастным старикашкой, —
Ну а зверь — его к царице не пускал.

«Пропусти меня, чего там,
Я ж от страсти трепещу!..»
«Хочь снимай меня с работы —
Ни за что не пропущу!»

Добрый молодец Иван решил попасть туда:
Мол, видали мы кощеев, так-растак!
Он все время: где чего — так сразу шасть туда, —
Он по-своему несчастный был — дурак!

То ли выпь захохотала,
То ли филин заикал, —
На душе тоскливо стало
У Ивана-дурака.

Началися его подвиги напрасные,
С баб-ягами никчemuшная борьба, —
Тоже ведь она по-своему несчастная —
Эта самая лесная голытьба.

Сколько ведьмочков пришипнул! —
Двух молоденьких, в соку, —
Как увидел утром — всхлипнул:
Жалко стало, дураку!

Но, однако же, приблизился, дремотное
Состоянье превозмог свое Иван, —
В уголку лежало бедное животное,
Все главы свои склонившее в фонтан.

Тут Иван к нему сигает —
Рубит головы спеша, —
И к Кощею подступает,
Кладенцом своим маша.

И грозит он старику двухтыщелетнему:
«Цас, — говорит, — бороду-то мигом обстригу!
Так умри ты, сгинь, Кощей!» А тот в ответ ему:
«Я бы — рад, но я бессмертный — не могу!»

Но Иван себя не помнит:
«Ах ты, гнусный фабрикант!
Вон настроил сколько комнат, —
Девку прятал, интриган!»

Я закончу дело, взявши обязательство!..» —
И от этих-то неслыханных речей
Умер сам Кощей, без всякого
вмешательства, —
Он неграмотный, отсталый был Кощей.

А Иван, от гнева красный, —
Пнул Кощея, плюнул в пол —
И к по-своему несчастной
Бедной узнице взошел!..

1967

* * *

Мао Цзедун —

большой шалун —
Он до сих пор не прочь кого-нибудь потискать, —
Заметив слабину,
 меняет враз жену, —
И вот недавно докатился до артистки.
Он маху дал —
 он похудал:
У ней открылся темперамент слишком бурный, —
Не баба — зверь, —
 она теперь
Вершит делами «революции культурной».
А ну-ка встань, Цин Цзянь,
 а ну талмуд достань, —
Уже трепещут мужнины враги!
Уже видать концы —
 жена Лю Шаоци
Сломала две свои собачие ноги.
А кто не чтит цитат,
 тот — ренегат и гад, —
Тому на задницы наклеим дацзыбао!
Кто с Мао вступит в спор,
 тому дадут отпор
Его супруга вместе с другом Линем Бяо.
А кто не верит нам,
 тот — негодяй и хам,
А кто не верит нам, тот — прихвостень и плакса.
Марксизм для нас — азы,
 ведь Маркс не плыл в Янцзы, —
Китаец Мао раздолбал еврея Маркса!

1967

* * *

От скушных шабашей

Смертельно уставши,
Две ведьмы идут и беседу ведут:
«Ну что ты, брат-ведьма,
Пойти посмочь бы,
Как в городе наши живут!

Как все изменилось!
Уже развалилось
Подножие Лысой горы.
И молодцы вроде
Давно не заходят —
Остались одни упыри...»

Спросил у них леший:
«Вы камо грядеши?»
«Намылились в город — у нас ведь тоска».
«Ах, гнусные бабы!
Да взяли хотя бы
С собою меня, старика».

Ругая друг дружку,
Взошли на опушку.
Навстречу попался им враг-вурдалак.
Он скверно ругался,
Он к им увязался,
Кричал, будто знает, что как.

Те к лешему: как он?
«Возьмем вурдалака!
Но кровь не сосать и прилично вести!»

Тот малость побрякал,
Клыки свои спрятал —
Красавчиком стал, — хочь крести.

Освоились быстро, —
Под видом туристов
Поели-попили в кафе «Гранд-отель».
Но леший поганил
Своими ногами —
И их попросили оттель.

Пока леший брился,
Упырь испарился, —
И леший доверчивость проклял свою.
И ведьмы пошлялись —
И тоже смотались,
Освоившись в этом раю.

И наверняка ведь
Прельстили бега ведьм:
Там много орут, и азарт на бегах, —
И там проиграли
Ни много ни мало —
Три тысячи в новых деньгах.

Намокший, поблекший,
Насупился леший,
Но вспомнил, что здесь его друг, домовой, —
Он начал стучаться:
«Где друг, домочадцы?!»
А те отвечают: «Запой».

Пока ведьмы выли
И все просадили,
Пока леший пил-надирался в кафе, —
Найдя себе вдовушку,
Выпив ей кровушку,
Спал вурдалак на софе.

НЕВИДИМКА

Сажу ли я, пишу ли я,

пью кофе или чай,

Приходит ли знакомая блондинка —
Я чувствую, что на меня глядит соглядатай,
Но только не простой, а — невидимка.

Иногда срываюсь с места
Будто тронутый я,
До сих пор моя невеста —
Мной не тронутая!

Про погоду мы с невестой
Ночью диспуты ведем,
Ну а что другое если —
Мы стесняемся при ем.

Обидно мне,
Досадно мне, —
Ну ладно!

Однажды выпиваю — да и кто сейчас не пьет! —
Нейдет она: как рюмка — так в отрывку, —
Я чувствую — сидит, подлец, и выпитому счет
Ведет в свою невидимую книжку.

Иногда срываюсь с места
Как напудренный я,
До сих пор моя невеста —
Целомудренная!

Про погоду мы с невестой
Ночью диспуты ведем,
Ну а что другое если —
Мы стесняемся при ем.

Обидно мне,
Досадно мне, —
Ну ладно!

Я дергался, я нервничал — на выдумки пошел:
Вот лягу спать и подымаю храп; ну,
Коньяк открытый ставлю и — закусочки
на стол, —
Вот сядет он — тут я его и хапну!

Иногда срываюсь с места
Будто тронутый я,
До сих пор моя невеста —
Мной не тронутая!

Про погоду мы с невестой
Ночью диспуты ведем,
Ну а что другое если —
Мы стесняемся при ем.

Обидно мне,
Досадно мне, —
Ну ладно!

К тому ж он мне вредит, — да вот не дал
как вчера —
Поймаю, так убью его на месте! —
Сижу, а мой партнер подряд играет «мизера»,
А у меня «гора» — три тыщи двести.

Побледнев, срываюсь с места
Как напудренный я,
До сих пор моя невеста —
Целомудренная!

Про погоду мы с невестой
Ночью диспуты ведем,
Ну а что другое если —
Мы стесняемся при ем.

Обидно мне,
Досадно мне, —
Ну ладно!

А вот он мне недавно на работу написал
Чудовищно тупую анонимку, —
Начальник прочитал, мне показал, — а я узнал
По почерку — родную невидимку.

Оказалась невидимкой —
Нет, не тронутый я —
Эта самая блондинка,
Мной не тронутая!

Эта самая блондинка...
У меня весь лоб горит!
Я спросил: «Зачем ты, Нинка?»
«Чтоб женился», — говорит.

Обидно мне,
Досадно мне, —
Ну ладно!

1967

Песня про плотника Иосифа, Деву Марию, Святого Духа и непорочное зачатие

Возвращаюся с работы,

Рашпиль ставлю у стены, —
Вдруг в окно порхает кто-то
Из постели от жены!

Я, конечно, вопрошаю:

«Кто такой?»

А она мне отвечает:

«Дух Святой!»

Ох, я встречу того Духа —
Ох, отмечу его в ухо!
Дух он тоже Духу рознь:
Коль Святой — так Машку брось!

Хочь ты — кровь голубая,
Хочь ты — белая кость, —
Вот родится Он, и знаю —
Не пожалует Христос!

Машка — вредная натура —
Так и лезет на скандал, —
Разобиделась, дура:
Вроде, значит, помешал!

Я сперва-сначала с лаской:

То да сё...

А она — к стене с опаской:

«Нет, и всё!»

Я тогда цежу сквозь зубы,
Но уже, конечно, грубо:
«Хочь он возрастом и древний,
Хочь годов ему тыщ шесть, —
У него в любой деревне
Две-три бабы точно есть!»

Я — к Марии с предложеньем, —
Я на выдумки мастак! —
Мол, в другое воскресенье
Ты, Мария, сделай так:

Я потопаю под утро —
Мол, пошел, —
А ты прими его как будто,
Хорошо?

Ты накрой его периной —
И запой, — тут я с дубиной!
Он — крылом, а я — колом,
Он — псалом, а я — кайлом!

Тут, конечно, он сдается —
Честь Марии спасена, —
Потому что, мне сдается,
Этот Ангел — Сатана!

...Вот влетаю с криком, с древом,
Весь в надежде на испуг...
Машка плачет. «Машка, где он?»
«Улетел, желанный Дух!»

«Как же это, я не знаю,
Как успел?»
«Да вот так вот, — отвечает, —
Улетел!»

Он псалом мне прочитал
И крылом пощекотал...»
«Ты шутить с живым-то мужем!
Ах ты, скверная жена!..»
Я взмахнул своим оружием...
Смейся, смейся, Сатана!

1967

Дайте собакам мяса

Дайте собакам мяса —

Может, они подерутся.
Дайте похмельным кваса —
Авось они перебьются.

Чтоб не жиреть воронам,
Ставьте побольше пугал.
Чтобы любить, влюбленным
Дайте укромный угол.

В землю бросайте зерна —
Может, появятся всходы.
Ладно, я буду покорным —
Дайте же мне свободу!

Псам мясные ошметки
Дали — а псы не подрались.
Дали пьяницам водки —
А они отказались.

Люди ворон пугают —
А воронье не боится.
Пары соединяют —
А им бы разъединиться.

Лили на землю воду —
Нету колосьев, — чудо!
Мне вчера дали свободу —
Что я с ней делать буду?!

Моя цыганская

В сон мне — желтые огни,

И хриплю во сне я:
«Повремени, повремени —
Утро мудренее!»
Но и утром всё не так,
Нет того веселья:
Или куришь натошак,
Или пьешь с похмелья.

В кабаках — зелёный штоф,
Белые салфетки, —
Рай для нищих и шутов,
Мне ж — как птице в клетке.
В церкви — смрад и полумрак,
Дьяки курят ладан...
Нет, и в церкви всё не так,
Всё не так, как надо!

Я — на гору впопыхах,
Чтоб чего не вышло, —
На горе стоит ольха,

Под горою — вишня.
Хоть бы склон увить плющом —
Мне б и то отрада,
Хоть бы что-нибудь еще...
Всё не так, как надо!

Я — по полю вдоль реки:
Света — тьма, нет Бога!
В чистом поле — васильки,

Дальняя дорога.
Вдоль дороги — лес густой
С бабами-ягами,
А в конце дороги той —
Плаха с топорами.

Где-то кони пляшут в такт,
Нехотя и плавно.
Вдоль дороги всё не так,
А в конце — подавно.
И ни церковь, ни кабак —
Ничего не свято!
Нет, ребята, всё не так!
Всё не так, ребята...

Зима 1967/68

* * *

«*На* стол колоду, господа, —

Крапленая колода!
Он подменил ее». — «Когда?»
«Барон, вы пили воду...

Валет наколот, так и есть!
Барон, ваш долг погашен!
Вы проходимец, ваша честь, —
И я к услугам вашим!

Что? Я не слышу ваш апарт...
О нет, так не годится!»
...А в это время Бонапарт
Переходил границу.

«Закончить не смогли вы кон —
Верните бриллианты!
А вы, барон, и вы, виконт,
Пожалте в секунданты!

Ответьте, если я не прав, —
Но наперед все лживо!
Итак, оружие ваше, граф?!
За вами выбор — живо!

Вы не получите инфаркт,
Вам не попасть в больницу!»
...А в это время Бонапарт
Переходил границу.

«Да полно, назначаю сам:
На шпагах, пистолетах...
Хотя сподручней было б вам —
На дамских амулетах.

Кинжал... — ах, если б вы смогли!.. —
Я дрался им в походах!
Но вы б, конечно, предпочли —
На шулерских колодах!

Вам скоро будет не до карт —
Вам предстоит сразиться!»
...А в это время Бонапарт
Переходил границу.

«Не поднимайте, ничего, —
Я встану сам, сумею!
Я снова вызову его,
Пусть даже протрезвею.

Барон, молчать! Виконт, не хнычь!
Плевать, что тьма народу!
Пусть он расскажет, старый хрыч,
Чем он крапил колоду!

Когда откроет тайну карт —
Дуэль не состоится!»
...А в это время Бонапарт
Переходил границу.

«А коль откажется сказать —
Клянусь своей главою:
Графиню можете считать
Сегодня же вдовою.

И хоть я шуток не терплю,
Но я могу взбеситься, —
Тогда я графу прострелю,
Экскюз ми, ягодицу!»

Стоял июль, а может — март...
Летели с юга птицы...
А в это время Бонапарт
Переходил границу.

«...Ах, граф, прошу меня простить —
Я вел себя бестактно, —
Я в долг хотел у вас просить,
Но не решился как-то.

Хотел просить наедине —
Мне на людях неловко —
И вот пришлось затеять мне
Дебош и потасовку.

О да, я выпил целый штоф —
И сразу вышел червой...
Дурак?! Вот как! Что ж, я готов!
Итак, ваш выстрел первый...»

Стоял весенний месяц март,
Летели с юга птицы...
А в это время Бонапарт
Переходил границу.

1968

Я уехал в Магадан

ты думаешь, что мне — не по годам,

Я очень редко раскрываю душу, —
Я расскажу тебе про Магадан —
Слушай!

Как я видел Нагайскую бухту
да тракты, —
Улетел я туда не с бухты-
барахты.

Однажды я уехал в Магадан —
Я от себя бежал как от чахотки.
Я сразу там напился вдрабадан
Водки!

Но я видел Нагайскую бухту
да тракты, —
Улетел я туда не с бухты-
барахты.

За мной летели слухи по следам,
Опережая самолет и вьюгу, —
Я все-таки уехал в Магадан
К другу!

И я видел Нагайскую бухту
да тракты, —
Улетел я туда не с бухты-
барахты.

Я повода врагам своим не дал —
Не взрезал вены, не порвал аорту, —
Я взял да как уехал в Магадан,
К черту!

Я увидел Нагайскую бухту
да тракты, —
Улетел я туда не с бухты-
барахты.

Я, правда, здесь оставил много дам, —
Писали мне: «Все ваши дамы биты!» —
Ну что ж — а я уехал в Магадан, —
Квиты!

И я видел Нагайскую бухту
да тракты, —
Улетел я туда не с бухты-
барахты.

Когда подходит дело к холодам, —
Пусть это далеко, да и накладно, —
Могу уехать к другу в Магадан —
Ладно!

Ты не видел Нагайскую бухту —
дурак ты!
Улетел я туда не с бухты-
барахты.

1968

* * *

Жил-был добрый дурачина-простофиля.

Куда только его черти не носили!
Но однажды, как назло,
Повезло —
И в совсем чужое царство занесло.

Слезы градом — так и надо
Простофиле:
Не усаживайся задом
На кобыле,
Ду-ра-чи-на!

Посреди большого поля — глядь — три
стула, —
Дурачину в область печени кольнуло, —
Сверху — надпись: «Для гостей»,
«Для князей»,
А на третьем — «Стул для царских кровей».

Вот на первый стул уселся
Простофиля,
Потому что он у сердца
Обессилел,
Ду-ра-чи-на!

Только к стулу примостился дурачина —
Сразу слуги принесли хмельные вина,
Дурачина ощутил
Много сил —
Эlegantно ел, кутил и шутил.

Погляди-ка, поглазей —
В буйной силе
Взлез на стул для князей
Простофиля,
Ду-ра-чи-на!

И сейчас же бывший добрый дурачина
Ощутит, что он — ответственный
мужчина, —
 Стал советы отдавать,
 Крикнул рать
И почти уже решил воевать.

Дальше — больше руки грей,
Ежли в силе! —
Взлез на стул для королей
Простофиля,
Ду-ра-чи-на!

Сразу руки потянулись к печати,
Сразу топать стал ногами и кричати:
 «Будь ты князь, будь ты хоть
 Сам Господь —
Вот возьму и прикажу запороть!»

Если б люди в сей момент
Рядом были —
Не сказали б комплимент
Простофиле,
Ду-ра-чи-не!

Но был добрый этот самый простофиля —
Захотел издать Указ про изобилье...
 Только стул подобных дел
 Не терпел:
Как тряхнет — и, ясно, тот не усидел...

И очнулся добрый малый
Простофиля
У себя на сеновале
В чем родили, —
Ду-ра-чи-на!

1968

Еще не вечер

Четыре года рыскал в море наш корсар, —

В боях и штормах не поблекло наше знамя,
Мы научились штопать паруса
И затыкать пробоины телами.

За нами гонится эскадра по пятам, —
На море штиль — и не избежать встречи!
Но нам сказал спокойно капитан:
«Еще не вечер, еще не вечер!»

Вот развернулся боком флагманский фрегат, —
И левый борт окрасился дымом, —
Ответный залп — на глаз и наугад —
Вдали пожар и смерть! Удача с нами!

Из худших выбирались передраг,
Но с ветром худо, и в трюме течи, —
А капитан нам шлет привычный знак
Еще не вечер, еще не вечер!

На нас глядят в бинокли, в трубы сотни глаз —
И видят нас от дыма злых и серых, —
Но никогда им не увидеть нас
Прикованными к веслам на галерах!

Неравный бой — корабль кренится наш, —
Спасите наши души человечьи!
Но крикнул капитан: «На абордаж!
Еще не вечер, еще не вечер!»

Кто хочет жить, кто весел, кто не тля, —
Готовьте ваши руки к рукопашной!
А крысы — пусть уходят с корабля, —
Они мешают схватке бесшабашной.

И крысы думали: а чем не шутит черт, —
И тупо прыгали, спасаясь от картечи.
А мы с фрегатом становились к борту
борт, —
Еще не вечер, еще не вечер!

Лицо в лицо, ножи в ножи, глаза в глаза, —
Чтоб не достаться спрутам или крабам —
Кто с кольцом, кто с кинжалом, кто в слезах, —
Мы покидали тонущий корабль.

Но нет, им не послать его на дно —
Поможет океан, взвалив на плечи, —
Ведь океан-то с нами заодно.
И прав был капитан: еще не вечер!

Несенка ни про что, или что случилось в Африке

Одна семейная хроника

В желтой жаркой Африке,

В центральной ее части,
Как-то вдруг вне графика
Случилось несчастье, —
Слон сказал, не разобрав:
«Видно, быть потопу!..»
В общем, так: один Жираф
Влюбился в Антилопу!

Поднялся галдеж и лай, —
Только старый Попугай
Громко крикнул из ветвей:
«Жираф большой — ему видней!»

«Что же что рога у ней, —
Кричал Жираф любовно, —
Нынче в нашей фауне
Равны все порогово!
Если вся моя родня
Будет ей не рада —
Не пеняйте на меня, —
Я уйду из стада!»

Поднялся галдеж и лай, —
Только старый Попугай
Громко крикнул из ветвей:
«Жираф большой — ему видней!»

Папе Антилопье
Зачем такого сына:
Все равно — что в лоб ему,
Что по лбу — все едино!
И Жирафов зять брюзжит:
«Видали остолопа?!»
И ушли к Бизонам жить
С Жирафом Антилопа.

Поднялся галдеж и лай, —
Только старый Попугай
Громко крикнул из ветвей:
«Жираф большой — ему видней!»

В желтой жаркой Африке
Не видать идиллий —
Льют Жираф с Жирафихой
Слезы крокодильи, —
Только горю не помочь —
Нет теперь закона:
У Жирафов вышла дочь
Замуж — за Бизона!

...Пусть Жираф был не прав, —
Но виновен не Жираф,
А тот, кто крикнул из ветвей:
«Жираф большой — ему видней!»

* * *

Наши предки — люди темные и грубые, —

Кулаками друг на дружку помахав,
Вдруг увидели: громадное и круглое
Пролетело, всем загадку загадав.

А в спорах, догадках, дебатах
Вменяют тарелкам в вину
Утечку энергии в Штатах
И горькую нашу слюну.

Ой, вон блюдец пролетело над Флоренцией! —
И святая инквизиция под страх
Очень бойко продавала индульгенции,
Очень шибко жгла ученых на кострах.

А в спорах, догадках, дебатах
Вменяют тарелкам в вину
Утечку энергии в Штатах
И горькую нашу слюну.

Нашу жизнь не назовешь ты скучной, серенькой —
Тем не менее не радуется сейчас:
Кто-то видел пару блюдец над Америкой,
Кто-то видел две тарелки и у нас.

И в спорах, догадках, дебатах
Вменяют тарелкам в вину
Утечку энергии в Штатах
И горькую нашу слюну.

1968

Банька по-белому

Протопи ты мне баньку, хозяйюшка, —

Раскалю я себя, распалю,
На полоче, у самого краюшка,
Я сомненья в себе истреблю.

Разомлею я до неприличности,
Ковш холодной — и всё позади, —
И наколка времен культа личности
Засинеет на левой груди.

Протопи ты мне баньку по-белому, —
Я от белого свету отвык, —
Угорю я — и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.

Сколько веры и лесу повалено,
Сколь изведано горя и трасс!
А на левой груди — профиль Сталина,
А на правой — Маринка анфас.

Эх, за веру мою беззаветную
Сколько лет отдыхал я в раю!
Променял я на жизнь беспросветную
Несусветную глупость мою.

Протопи ты мне баньку по-белому, —
Я от белого свету отвык, —
Угорю я — и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.

Вспоминаю, как утречком раненько
Брату крикнуть успел: «Пособи!» —
И меня два красивых охранника
Повезли из Сибири в Сибирь.

А потом на карьере ли, в топи ли,
Наглотавшись слезы и сырца,
Ближе к сердцу кололи мы профили,
Чтоб он слышал, как рвутся сердца.

Не топи ты мне баньку по-белому, —
Я от белого свету отвык, —
Угорю я — и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.

Ох, знобит от рассказа дотошного!
Пар мне мысли прогнал от ума.
Из тумана холодного прошлого
Окунаюсь в горячий туман.

Застучали мне мысли под темечком:
Получилось — я зря им клеймен, —
И хлещу я березовым веничком
По наследию мрачных времен.

Протопи ты мне баньку по-белому, —
Чтоб я к белому свету привык, —
Угорю я — и мне, угорелому,
Ковш холодной развяжет язык.
Протопи!..

Не топи!..

Протопи!..

* * *

У нее

все свое — и белье, и жилье, —
Ну а я
ангажирую угол у тети.
Для нее —
все свободное время мое,
На нее
я гляжу из окна, что напротив.

У нее
и под утро не гаснет окно,
И вчера
мне лифтер рассказал за полбанки:
У нее
два знакомых артиста кино
И один
популярный артист из «Таганки».

И пока
у меня в ихнем жэке рука,
Про нее
я узнал очень много нюансов:
У нее
старший брат — футболист «Спартак»,
А отец —
референт в Министерстве финансов.

Я скажу,
что всегда на футболы хожу —
На «Спартак», —
и слова восхищенья о брате.

Я скажу,
 что с министром финансов дружу
И что
 сам как любитель играю во МХАТе.

У нее,
 у нее на окошке — герань,
У нее,
 у нее — занавески в разводах, —
У меня,
 у меня на окне — ни хера,
Только пыль,
 только толстая пыль на комодах...

1968

Песня о двух красивых автомобилях

Без запретов и следов,

Об асфальт сжигая шины,
Из кошмара городов
Рвутся за город машины, —
И громоздкие, как танки,
«Форды», «Линкольны», «Селены»,
Элегантные «Мустанги»,
«Мерседесы», «Ситроены».

Будто знают — игра стоит свеч, —
Это будет как кровная месть городам!
Поскорей — только б свечи не сжечь,
Карбюратор... и что у них есть еще там...

И не видно полотна —
Лимузины, лимузины...
Среди них — как два пятна —
Две красивые машины, —
Будто связанные тросом
(А где тонко, там и рвется).
Аксельраторам, подсосам
Больше дела не найдется.

Будто знают — игра стоит свеч, —
Только б вырваться — выплатят всё по
счетам!
Ну а может, он скажет ей речь
На клаксоне... и что у них есть еще там...

Это скопище машин
На тебя таит обиду, —
Светло-серый лимузин,
Не теряй ее из виду!
Впереди, гляди, разъезд, —
Больше риска, больше веры!
Опоздаешь!.. Так и есть —
Ты промедлил, светло-серый!

Они знали — игра стоит свеч, —
А теперь — что ж сигналить рекламным
щитам?!
Ну а может, гора ему с плеч, —
Иль с капота... и что у них есть еще там...

Нет, развилка — как беда:
Стрелки врозь — и вот не здесь ты!
Неужели никогда
Не сближают нас разъезды?
Этот — сходится, один! —
И, врубив седьмую скорость,
Светло-серый лимузин
Позабыл нажать на тормоз...

Что ж, съезжаться — пустые мечты?
Или это есть кровная месть городам?..
Покатались колеса, мосты, —
И сердца... или что у них есть еще там...

* * *

Марине

То ли — в избу и запеть,

Просто так, с морозу,
То ли взять да помереть
От туберкулезу,

То ли выстонать без слов,
А может — под гитару?..
Лучше — в сани рысаков
И уехать к «Яру»!

Вот напасть! — то не всласть,
То не в масть карту класть, —
То ли счастье украсть,
То ли просто упасть
В грязь...

Навсегда в никуда —
Вечное стремленье.
То ли — с неба вода,
То ль — разлив весенний...

Может, эта песня — без конца,
А может — без идеи...
А я строю печку в изразцах
Или просто сею.

Сколько лет счастья нет,
Впереди — все красный свет...
Недопетый куплет,
Недодаренный букет...
Бред!

На́зло всем — наовсем
Со звездою в лапах,
Без реклам, без эмблем,
В пимах косолапых...

Не догнал бы кто-нибудь,
Не почуял запах, —
Отдохнуть бы, продыхнуть
Со звездою в лапах!

Без нее, вне ее —
Ничего не мое,
Невеселое житье, —
И былье — и то ее...
Ё-моё!

1968

Песенка про метателя молота

Я раззудил плечо — трибуны замерли,

Молчанье в ожидании храня.

Эх, что мне мой соперник — Джонс ли, Крамер ли, —
Рекорд уже в кармане у меня!

Замётано, заказано, заколото, —

Мне кажется — я следом полечу.

Но мне нельзя, ведь я — метатель молота:

Приказано метать — и я мечу.

Эх, жаль, что я мечу его в Италии:

Я б дома кинул молот без труда, —

Ужасно далеко, куда подальше,

И лучше — если б враз и навсегда.

Я против восхищения повального,

Но я надеюсь: года не пройдет —

Я все же зашвырну в такую даль его,

Что и судья с ищейкой не найдет...

Сейчас кругом корреспонденты бешутся.

«Мне помогли, — им отвечаю я, —

Подняться по крутой спортивной лестнице

Мой коллектив, мой тренер и — семья».

1968

Оловянные солдатики

Будут и стихи и математика,

Почести, долги, неравный бой, —
Нынче ж оловянные солдатики
Здесь, на старой карте, встали в строй.

Лучше бы уж он держал в казарме их,
Только — на войне как на войне —
Падают бойцы в обеих армиях,
Поровну на каждой стороне.

Может быть — пробелы в воспитании
И в образование слабина, —
Но не может выиграть кампании
Та или другая сторона.

Совести проблемы окаянные —
Как перед собой не согрешить?
Тут и там — солдаты оловянные, —
Как решить, кто должен победить?

И какая, к дьяволу, стратегия,
И какая тактика, к чертям!
Вот сдалась нейтральная Норвегия
Ордам оловянных египтян.

Левою рукою Скандинавия
Лишена престижа своего, —
Но рука решительная правая
Вмиг восстановила статус-кво.

Где вы, легкомысленные гении,
Или вам являться недосуг?
Где вы, проигравшие сражения
Просто, не испытывая мук?

Или вы, несущие в венце зарю
Битв, побед, триумфов и могил, —
Где вы, уподобленные Цезарю,
Что пришел, увидел, победил?

Нервничает полководец маленький,
Непосильной ношей отягчен,
Вышедший в громадные начальники
Шестилетний мой Наполеон.

Чтобы прекратить его мучения,
Ровно половину тех солдат
Я покрасил синим — шутка гения, —
Утром вижу — синие лежат.

Я горжусь успехами такими, но
Мысль одна с тех пор меня гнетет:
Как решил он, чтоб погибли именно
Синие, а не наоборот?..

Поездка в город

Я — самый непьющий из всех мужиков:

Во мне есть моральная сила, —
И наша семья большинством голосов,
Снабдив меня списком на восемь листов,
В столицу меня снарядила.

Чтобы я привез снохе
с ейным мужем по дохе,
Чтобы брату с бабой — кофе растворимый,
Двум невесткам — по ковру,
зятю — черную икру,
Тестю — что-нибудь армянского разлива.

Я ранен, контужен — я малость боюсь
Забыть, что кому по порядку, —
Я список вещей заучил наизусть,
А деньги зашил за подкладку.

Значит, брату — две дохи,
сестрин муж — ему духи,
Тесть сказал: «Давай бери что попадется!»
Двум невесткам — по ковру,
зятю — заячью икру,
Куму — водки литра два, — пущай зальется!

Я тыкался в спины, блуждал по ногам,
Шел грудью к плащам и рубашам.
Чтоб список вещей не достался врагам,
Его проглотил я без страха.

Помню: шубу просит брат,
 куму с бабой — всё подряд,
Тестю — водки ереванского разлива,
Двум невесткам — по ковру,
 зятю — заячью нору,
А сестре — плевать чего, но чтоб — красиво!

Да что ж мне — пустым возвращаться назад?!
Но вот я набрел на товары.
«Какая валюта у вас?» — говорят.
«Не бойсь, — говорю, — не доллары!»

Растворимой мне махры
 зять — подохнет без икры,
Тестю, мол, даешь духи для опохмелки!
Двум невесткам — все равно,
 мужу сестрину — вино,
Ну а мне — вот это желтое в тарелке!

Не помню про фунты, про стервинги слов,
Сраженный ужасной загадкой:
Зачем я тогда проливал свою кровь,
Зачем ел тот список на восемь листов,
Зачем мне рубли за подкладкой?!

Где же все же взять доху
 зятю — кофе на меху?
Тестю — хрен, а кум и пивом обойдется.
Где мне взять коньяк в пуху,
 растворимую сноху?
Ну а брат и с самогоном перебьется!

Ноль семь

Для меня эта ночь — вне закона.
[затемнение]

Я пишу — по ночам больше тем.
Я хватаюсь за диск телефона,
Набираю вечное ноль семь.

«Девушка, здравствуйте! Как вас звать?» — «Тома»
«Семьдесят вторая! Жду дыханье затая...
Быть не может, повторите, я уверен — дома!..
Вот уже ответили.

Ну здравствуй, это я!»

Эта ночь для меня вне закона,
Я не сплю — я кричу: «Поскорей!..
Почему мне в кредит, по талону
Предлагают любимых людей!

«Девушка, слушайте! Семьдесят вторая!
Не могу дождаться, и часы мои стоят...
К дьяволу все линии — я завтра улетаю!..
Вот уже ответили.

Ну здравствуй, это я!»

Телефон для меня — как икона,
Телефонная книга — триптих,
Стала телефонистка мадонной,
Расстояние на миг сократив.

«Девушка, милая! Я прошу — продлите!
Вы теперь как ангел — не сходите ж с алтаря!
Самое главное — впереди, поймите...
Вот уже ответили.

Ну здравствуй, это я!»

Что, опять повреждение на трассе?
Что, реле там с ячейкой шалят?
Мне плевать — буду ждать, — я согласен
Начинать каждый вечер с нуля!

«Ноль семь, здравствуйте! Снова я». — «Да что вам?»
«Нет, уже не нужно, — нужен город Магадан.
Не даю вам слова, что звонить не буду снова, —
Просто друг один — узнать, как он, бедняга, там...»

Эта ночь для меня вне закона,
Ночи все у меня не для сна, —
А усну — мне приснится мадонна,
На кого-то похожа она.

«Девушка, милая! Снова я, Тома!
Не могу дождаться — жду дыханье затая...
Да, меня!.. Конечно, я!.. Да, я! Конечно, дома!»
«Вызываю... Отвечайте...» — «Здравствуй, это я!»

Несенка о переселении душ

Кто верит в Магомета, кто — в Аллаха, кто — в Исуса,

Кто ни во что не верит — даже в черта, назло всем, —
Хорошую религию придумали индусы:
Что мы, отдав концы, не умираем насовсем.

Стремилась ввысь душа твоя —
Родишься вновь с мечтою,
Но если жил ты как свинья —
Останешься свиньей.

Пусть косо смотрят на тебя — привыкни
к укоризне, —
Досадно — что ж, родишься вновь на колкости
горазд.
А если видел смерть врага еще при этой жизни —
В другой тебе дарован будет верный зоркий глаз.

Живи себе нормальненько —
Есть повод веселиться:
Ведь, может быть, в начальника
Душа твоя вселится.

Пускай живешь ты дворником — родишься
вновь прорабом,
А после из прораба до министра дорастешь, —
Но если туп как дерево — родишься баобабом
И будешь баобабом тыщу лет, пока помрешь.

Досадно попугаем жить,
Гадюкой с длинным веком, —

Не лучше ли при жизни быть
Приличным человеком?!

Так кто есть кто, так кто был кем? — мы никогда
не знаем.
Кто был никем, тот станет всем, — задумайся о том!
Быть может, тот облезлый кот — был раньше
негодяем,
А этот милый человек — был раньше добрым псом.

Я от восторга прыгаю,
Я обхожу искусства, —
Удобную религию
Придумали индусы!

1969

Я не люблю

Я не люблю фатального исхода,

От жизни никогда не устаю.
Я не люблю любое время года,
Когда веселых песен не пою.

Я не люблю холодного цинизма,
В восторженность не верю, и еще —
Когда чужой мои читает письма,
Заглядывая мне через плечо.

Я не люблю, когда — наполовину
Или когда прервали разговор.
Я не люблю, когда стреляют в спину,
Я также против выстрелов в упор.

Я ненавижу сплетни в виде версий,
Червей сомненья, почестей иглу,
Или — когда все время против шерсти,
Или — когда железом по стеклу.

Я не люблю уверенности сытой, —
Уж лучше пусть откажут тормоза.
Досадно мне, что слово «честь» забыто
И что в чести наветы за глаза.

Когда я вижу сломанные крылья —
Нет жалости во мне, и неспроста:
Я не люблю насилие и бессилие, —
Вот только жаль распятого Христа.

Я не люблю себя, когда я трушу,
Досадно мне, когда невинных бьют.
Я не люблю, когда мне лезут в душу,
Тем более — когда в нее плюют.

Я не люблю манежи и арены:
На них мильон меняют по рублю.
Пусть впереди большие перемены —
Я это никогда не полюблю!

1969

Несенка о слухах

Сколько слухов наши уши поражает,

Сколько сплетен разъедает, словно моль!

Ходят слухи, будто все подорожает —

абсолютно, —

А особенно — штаны и алкоголь!

Словно мухи, тут и там
Ходят слухи по домам,
А беззубые старухи
Их разносят по умам!

— Слушай, слышал? Под землею город строят, —

Говорят — на случай ядерной войны!

— Вы слышали? Скоро бани все закроют —

повсеместно

Навсегда, — и эти сведения верны!

Словно мухи, тут и там
Ходят слухи по домам,
А беззубые старухи
Их разносят по умам!

— А вы знаете? Мамыкина снимают —

За разврат его, за пьянство, за дебош!

— Кстати, вашего соседа забирают,

негодяя, —

Потому что он на Берию похож!

Словно мухи, тут и там
Ходят слухи по домам,
А беззубые старухи
Их разносят по умам!

— Ой, что деемся! Вчереась траншею рыли —

Откопали две коньячные струи!

— Говорят, шпионы воду отравили

самогоном,

Ну а хлеб теперь — из рыбной чешуи!

Словно мухи, тут и там

Ходят слухи по домам,

А беззубые старухи

Их разносят по умам!

Закаленные во многих заварухах,

Слухи ширятся, не ведая преград, —

Ходят сплетни, что не будет больше слухов

абсолютно,

Ходят слухи, будто сплетни запретят!

Словно мухи, тут и там

Ходят слухи по домам,

А беззубые старухи

Их разносят по умам!

* * *

Подумаешь — с женой не очень ладно,

Подумаешь — неважно с головой,
Подумаешь — ограбили в парадном, —
Скажи еще спасибо, что — живой!

Ну что ж такого — мучает саркома,
Ну что ж такого — начался запой,
Ну что ж такого — выгнали из дома,
Скажи еще спасибо, что — живой!

Плевать — партнер по покеру дал дуба,
Плевать, что снится ночью домовой,
Плевать — в «Софии» выбили два зуба,
Скажи еще спасибо, что — живой!

Да ладно — ну уснул вчера в опилках,
Да ладно — в челюсть врезали ногой,
Да ладно — потащили на носилках, —
Скажи еще спасибо, что — живой!

Да, правда — тот, кто хочет, тот и может,
Да, правда — сам виновен, бог со мной,
Да, правда, — но одно меня тревожит:
Кому сказать спасибо, что — живой!

1969

Посещение музы, или песенка плагиатора

Я щас взорвусь, как триста тонн тротила, —

Во мне заряд нетворческого зла:
Меня сегодня Муза посетила, —
Немного посидела и ушла!

У ней имелись веские причины —
Я не имею права на нытье, —
Представьте: Муза... ночью... у мужчины! —
Бог весть что люди скажут про нее.

И все же мне досадно, одиноко:
Ведь эта Муза — люди подтвердят! —
Засиживалась сутками у Блока,
У Пушкина жила не выходя.

Я бросился к столу, весь нетерпенье,
Но — господи помилуй и спаси —
Она ушла, — исчезло вдохновенье
И — три рубля: должно быть, на такси.

Я в бешенстве мечусь, как зверь, по дому,
Но бог с ней, с Музой, — я ее простил.
Она ушла к кому-нибудь другому:
Я, видно, ее плохо угостил.

Огромный торт, утыканный свечами,
Засох от горя, да и я иссяк,
С соседями я допил, сволочами,
Для Музы предназначенный коньяк.

...Ушли года, как люди в черном списке, —
Всё в прошлом, я зеваю от тоски.
Она ушла безмолвно, по-английски,
Но от нее остались две строки.

Вот две строки — я гений, прочь сомненья,
Даешь восторги, лавры и цветы:
«Я помню это чудное мгновенье,
Когда передо мной явилась ты!»

1969

* * *

И вкусы и запросы мои — странны, —

Я экзотичен, мягко говоря:
Могу одновременно грызть стаканы —
И Шиллера читать без словаря.

Во мне два Я — два полюса планеты,
Два разных человека, два врага:
Когда один стремится на балеты —
Другой стремится прямо на бега.

Я лишнего и в мыслях не позволю,
Когда живу от первого лица, —
Но часто вырывается на волю
Второе Я в обличье подлеца.

И я борюсь, давлю в себе мерзавца, —
О, участь беспокойная моя! —
Боюсь ошибки: может оказаться,
Что я давлю не то второе Я.

Когда в душе я раскрываю гранки
На тех местах, где искренность сама, —
Тогда мне в долг дают официантки
И женщины ласкают задарма.

Но вот летят к чертям все идеалы,
Но вот я груб, я нетерпим и зол,
Но вот сижусь и тупо ем бокалы,
Забрасывая Шиллера под стол.

...А суд идет, весь зал мне смотрит в спину.
Вы, прокурор, вы, гражданин судья,
Поверьте мне: не я разбил витрину,
А подлое мое второе Я.

И я прошу вас: строго не судите, —
Лишь дайте срок, но не давайте срок! —
Я буду посещать суды как зритель
И в тюрьмы заходить на огонек.

Я больше не намерен бить витрины
И лица граждан — так и запиши!
Я воссоединю две половины
Моей больной раздвоенной души!

Искореню, похороню, зарою, —
Очищусь, ничего не скрою я!
Мне чуждо это ё мое второе, —
Нет, это не мое второе Я!

1969

Про любовь в каменном веке

А ну отдай мой каменный топор!

И шкур моих набедренных не тронь!
Молчи, не вижу я тебя в упор, —
Сиди вон и поддерживай огонь!

Выгадывать не смей на мелочах,
Не опошляй семейный наш уклад!
Не убрана пещера и очаг, —
Разбаловалась ты в матриархат!

Придержи свое мнение:
Я — глава, и мужчина — я!
Соблюдай отношения
Первобытнообщинные!

Там мамонта убьют — поднимут вой,
Начнут добычу поровну делить...
Я не могу весь век сидеть с тобой —
Мне надо хоть кого-нибудь убить!

Старейшины сейчас придут ко мне, —
Смотри еще — не выйди голой к ним!
В век каменный — и не достать камней, —
Мне стыдно перед племенем моим!

Пять бы жен мне — наверное,
Разобрался бы с вами я!
Но дела мои — скверные,
Потому — моногамия.

А всё — твоя проклятая родня!
Мой дядя, что достался кабану,
Когда был жив, предупреждал меня:
Нельзя из людоедок брать жену!

Не ссорь меня с общиной — это ложь,
Что будто к тебе кой-то пристаёт, —
Не клеветчи на нашу молодежь,
Она — надежда наша и оплот!

Ну что глядишь — тебя пока не бьют, —
Отдай топор — добром тебя прошу!
И шкуры — где? Ведь люди засмеют!..
До трех считаю, после — задушу!

1969

Семейные дела в древнем Риме

Как-то вечером патриции

Собрались у Капитолия
Новостями поделиться и
Выпить малость алкоголя.

Не вести ж бесед тверёзыми!
Марк-патриций не мытарился —
Пил нектар большими дозами
И ужасно нанектарился.

И под древней под колонною
Он исторг из уст проклятия:
«Эх, с почтенною матрёною
Разойдусь я скоро, братия!

Она спуталась с поэтами,
Помешалась на театрах —
Так и шастает с билетами
На приезжих гладиаторов!

«Я, — кричит, — от бескультурия
Скоро стану истеричкою!» —
В общем, злобствует как фурия,
Поощряема сестричкою!

Только цыкают и шикают...
Ох, налейте снова мне «двойных»!
Мне ж — рабы в лицо хихикают.
На войну бы мне, да нет войны!

Я нарушу все традиции —
Мне не справиться с обеими, —
Опускаюсь я, патриции,
Дую горькую с плебеями!

Я ей дом оставлю в Персии —
Пусть берет сестру-мегерочку, —
На отцовские сестерции
Заведу себе гетерочку.

У гетер хотя безнравственной,
Но они не обезумели.
У гетеры пусть всё явственной,
Зато родственники умерли.

Там сумею исцелиться и
Из запоя скоро выйду я!•
...И пошли домой патриции,
Марку пьяному завидуя.

1969

Про любовь в средние века

Что сарацинов я убил во славу ей —

Прекрасной даме посвятил я сто смертей, —
Но сам король — лукавый сир —
затеял рыцарский турнир, —
Я ненавижу всех известных королей!

Вот мой соперник — рыцарь Круглого стола, —
Чужую грудь мне под копые король послал.
Но в сердце нежное ее
мое направлено копые, —
Мне наплевать на королевские дела!

Герб на груди его — там плаха и петля,
Но будет дырка там, как в днище корабля.
Он — самый первый фаворит,
к нему король благоволит, —
Но мне сегодня наплевать на короля!

Король сказал: «Он с вами справится шая! —
И пошутил: — Пусть будет пухом вам земля!»
Я буду пищей для червей —
тогда он женится на ней, —
Простит мне Бог, я презираю короля!

Вот подан знак — друг друга взглядом пепеля,
Коней мы гоним, задыхаясь и пыля.
Забрало поднято — изволь!
Ах, как волнуется король!..
Но мне, ей-богу, наплевать на короля!

Ну вот все кончено — пусть отдохнут поля, —
Вот льется кровь его на стебли ковыля.
Король от бешенства дрожит,
но мне она принадлежит —
Мне так сегодня наплевать на короля!

...Но в замке счастливо мы не прожили с ней:
Король в поход послал на сотни долгих дней, —
Не ждет меня мой идеал,
ведь он — король, а я — вассал, —
И рано, видимо, плевать на королей!

1969

Про любовь в эпоху возрождения

Может быть, выпив гюллитру,

Некий художник от бед
Встретил чужую палитру
И посторонний мольберт.

Дело теперь за немногим —
Нужно натуры живой, —
Глядь — симпатичные ноги
С гордой идут головой.

Он подбегает к Венере:
«Знаешь ли ты, говорят,
Данте к своей — Алигьери —
Запросто шастает в ад!

Ада с тобой нам не надо —
Холодно в царстве теней...
Кличут меня Леонардо.
Так раздевайся скорей!

Я тебя — даже нагую —
Действием не оскорблю, —
Дай я тебя нарисую
Или из глины слеплю!»

Но отвечала сестричка:
«Как же вам не ай-яй-яй!
Честная я католичка —
И несогласная я!

Вот испохабились нынче —
Так и таскают в постель!
Ишь — Леонардо да Винчи —
Тоже какой Рафаэль!

Я не привыкла без чувства —
Не соглашусь ни в жисть!
Мало что ты — для искусства, —
Сперва давай-ка женись!

Там и разденемся в спальной —
Как у людей повелось...
Мало что ты — гениальный! —
Мы не глупее небось!»

«Так у меня ж — вдохновенье, —
Можно сказать, что экстаз!» —
Крикнул художник в волненье...
Свадьбу сыграли на раз.

...Женщину с самого низа
Встретил я раз в темноте, —
Это была Мона Лиза —
В точности как на холсте.

Бывшим подругам в Сорренто
Хвасталась эта змея:
«Ловко я интеллигента
Заполучила в мужья!..»

Вкалывал он больше года —
Весь этот длительный срок
Все улыбалась Джоконда:
Мол, дурачок, дурачок!

...В песне разгадка дается
Тайны улыбки, а в ней —
Женское племя смеется
Над простодушьем мужей!

* * *

Теперь я буду сохнуть от тоски

И сожалеть, проглатывая слюни,
Что недоел в Батуми шашлыки
И глупо отказался от сулгуни.

Пусть много говорил белиберды
Наш тамада — вы тамаду не троньте, —
За Родину был тост алаверды,
За Сталина, — я думал — я на фронте.

И вот уж за столом никто не ест
И тамада над всем царит шерифом, —
Как будто бы двадцатый с чем-то съезд
Другой — двадцатый — объявляет мифом.

Пил тамада за город, за аул
И всех подряд хвалил с остервененьем, —
При этом он ни разу не икнул —
И я к нему проникся уваженьем.

Правда, был у тамады
Длинный тост алаверды
За него — вождя народов,
И за все его труды.

Мне тамада сказал, что я — родной,
Что если плохо мне — ему не спится, —
Потом спросил меня: «Ты кто такой?»
А я сказал: «Бандит и кровопийца».

В умах царил шашлык и алкоголь, —
Вот кто-то крикнул, что не любит прозы.

Что в море не поваренная соль —
Что в море человеческие слезы.

Но вот конец — уже из рога пьют,
Уже едят инжир и мандаринки,
Которые здесь запросто растут,
Точь-точь как те, которые на рынке.

Обхвалены все гости, и пока
Они не окончательно уснули —
Хозяина привычная рука
Толкает вверх бокал «Киндзмараули»...

О как мне жаль, что я и сам такой:
Пусть я молчал, но я ведь пил — не реже, —
Что не могу я моря взять с собой
И захватить все солнце побережья.

1969

* * *

Нет меня — я покинул Расею, —

Мои девочки ходят в соплях!
Я теперь свои семечки сею
На чужих Елисейских полях.

Кто-то вякнул в трамвае на Пресне:
«Нет его — умотал наконец!
Вот и пусть свои чуждые песни
Пишет там про Версальский дворец».

Слышу сзади — обмен новостями:
«Да не тот! Тот уехал — спроси!»
«Ах не тот?!» — и толкают локтями,
И сидят на коленях в такси.

Тот, с которым сидел в Магадане,
Мой дружок по гражданской войне —
Говорит, что пишу ему: «Ваня!
Скушно, Ваня, — давай, брат, ко мне!»

Я уже попросился обратно —
Унижался, юлил, умолял...
Ерунда! Не вернись, вероятно, —
Потому что я не уезжал!

Кто поверил — тому по подарку, —
Чтоб хороший конец, как в кино:
Забирай Триумфальную арку,
Налетай на заводы Рено!

Я смеюсь, умираю от смеха:
Как поверили этому бреду?! —
Не волнуйтесь — я не уехал,
И не надейтесь — я не уеду!

1970

Веселая покойница

Едешь ли в поезде, в автомобиле

Или гуляешь, хлебнувши винца, —
При современном машинном обилье
Трудно по жизни пройти до конца.

Вот вам авария: в Замоскворечье
Трое везли хоронить одного, —
Все, и шофер, получили увечья,
Только который в гробу — ничего.

Бабы по найму рыдали сквозь зубы,
Дьякон — и тот верхней ноты не брал,
Громко фальшивили медные трубы, —
Только который в гробу — не соврал.

Бывший начальник — и тайный
разбойник —
В лоб лобызал и брезгливо плевал,
Все приложились, — а скромный покойник
Так никого и не поцеловал.

Но грянул гром — ничего не попишешь,
Силам природы на речи плевать, —
Все разбежались под плиты и крыши, —
Только покойник не стал убежать.

Что ему дождь — от него не убудет, —
Вот у живущих — закалка не та.
Ну а покойники, бывшие люди, —
Смелые люди и нам не чета.

Как ни спеши, тебя опережает
Клейкий ярлык, как отметка на лбу, —
А ничего тебе не угрожает,
Только когда ты в дубовом гробу.

Можно в отдельный, а можно и в общий —
Мертвых квартирный вопрос не берет, —
Вот молодец этот самый — усопший —
Вовсе не требует лишних хлопот.

В царстве теней — в этом обществе
строгом —
Нет ни опасностей, нет ни тревог, —
Ну а у нас — все мы ходим под богом,
Только которым в гробу — ничего.

Слышу упрек: «Он покойников славит!»
Нет, — я в обиде на злую судьбу:
Всех нас когда-нибудь кто-то задавит, —
За исключением тех, кто в гробу.

1970

* * *

Переворот в мозгах из края в край,

В пространстве — масса трещин и
смещений:
В Аду решили черти строить рай
Для собственных грядущих поколений.

Известный черт с фамилией Черток —
Агент из Рая — ночью, внеурочно
Отстукал в Рай: в Аду черт знает что, —
Что точно — он, Черток, не знает точно.

Еще ввернул тревожную строку
Для шефа всех лазутчиков Амура:
«Я в ужасе, — сам Дьявол начеку,
И крайне ненадежна агентура».

Тем временем в Аду сам Вельзевул
Потребовал военного парада, —
Влез на трибуну, плакал и загнул:
«Рай, только рай — спасение для Ада!»

Рыдали черти и кричали: «Да!
Мы рай в родной построим Преисподней!
Даешь производительность труда!
Пять грешников на нос уже сегодня!»

«Ну что ж, вперед! А я вас поведу! —
Закончил Дьявол. — С Богом! Побежали!»
И задрожали грешники в Аду,
И ангелы в Раю затрепетали.

И ангелы толпой пошли к Нему —
К тому, который видит все и знает, —
А Он сказал: «Мне наплевать на тьму!» —
И заявил, что многих расстреляет.

Что Дьявол — провокатор и кретин,
Его возня и крики — всё не ново, —
Что ангелы — ублюдки как один
И что Черток давно перевербован.

«Не Рай кругом, а подлинный бедлам, —
Спустишь на землю — там хоть уважают!
Уйду от вас к людям ко всем чертям —
Пущай меня вторично распинают!..»

И Он спустился. Кто он? Где живет?..
Но как-то раз узрели прихожане —
На паперти у церкви нищий пьет.
«Я Бог, — кричит, — даешь на пропитанье!»

Конец печален (плачьте, стар и млад, —
Что перед этим всем сожженье Трои!):
Давно уже в Раю не рай, а ад, —
Но рай чертей в Аду зато построен!

1970

Про двух громилов — братьев Прова и Николая

Как в селе Большие Вилы,

Где еще сгорел сарай,
Жили-были два громилы
Огромной жуткой силы —
Братья Пров и Николай.

Николай — что понахальней —
По ошибке лес скосил,
Ну а Пров — в опочивальни
Рушил стены — и входил.

Как братья не вяжут лыка,
Пьют отвар из чаги —
Все от мала до велика
Прячутся в овраге.

В общем, лопнуло терпенье, —
Ведь добро — свое, не чье, —
Начинать вооруженье
И идти на усмиренье
Порешило мужичье.

Николай — что понахальней —
В тот момент быка ломал,
Ну а Пров в какой-то спальне
С маху стену прошибал.

«Эй, братан, гляди — ватага, —
С кольями, да слышь ли,
Чтой-то нынче из оврага
Рановато вышли!»

Неудобно сразу драться —
Наш мужик так не привык, —
Стали прежде задираться:
«Для чего, скажите, братцы,
Нужен вам безрогий бык?!»

Николаю это странно:
«Если жалко вам быка —
С удовольствием с братаном
Можем вам намять бока!»

Где-то в поле замер заяц,
Постоял — и ходу...
Пров ломается, мерзавец,
Сотворивши шкodu.

«Ну-ка, кто попробуй вылезь —
Вмиг разделаюсь с врагом!»
Мужики перекрестились —
Всей ватагой навалились:
Кто — багром, кто — батогом.

Николай, печась о брате,
Первый натиск отражал,
Ну а Пров укрылся в хате
И оттуда хохотал.

От могучего напора
Развалилась хата, —
Пров оттяпал ползабора
Для спасенья брата.

«Хватит, брат, обороняться —
Пропадать так пропадать!
Коля, нечего стесняться, —
Колья начали ломаться, —
Надо, Коля, нападать!»

По мужьям да по ребятам
Будут бабы слезы лить...
Но решили оба брата
С наступленьем погодить.

«Гляди в оба, братень, —
Со спины заходят!»
«Может, оборотень?»
«Не похоже вроде!»

Дело в том, что к нам в селенье
Напросился на ночлег —
И остался до Успенья,
А потом — на поселенье
Никчemuшный человек.

И сейчас вот из-за крика
Ни один не услышал:
Этот самый горемыка
Чтой-то братьям приказал.

Кровь уже лилась ручьями, —
Так о чем же речь-то?
«Бей братьев!» —
Но вдруг с братьями
Сотворилось нечто:

Братьев как бы подкосило —
Стали братья отступать —
Будто вмиг лишились силы...
Мужичье их попросило
Больше бед не сотворять.

...Долго думали-гадали,
Что блаженный им сказал, —
Как затылков ни чесали —
Ни один не угадал.

И решили: он заклатьем
Обладает, видно...
Ну а он сказал лишь: «Братья,
Как же вам не стыдно!»

1970

Странная сказка

В Тридевятом государстве

(Трижды девять — двадцать семь)
Все держалось на коварстве —
Без проблем и без систем.

Нет того чтобы сам — воевать, —
Стал король втихаря попивать,
Расплевался с королевой,
Дочь оставил старой девой, —
А наследник пошел воровать.

В Тридесятом королевстве
(Трижды десять — тридцать, что ль?)
В добром дружеском соседстве
Жил еще один король.

Тишь да гладь, да спокойствие там, —
Хоть король был отъявленный хам,
Он прогнал министров с кресел,
Оппозицию повесил —
И скучал от тоски по делам.

В Триединнадцатом царстве
(То бишь — в царстве Тридцать три)
Царь держался на лекарстве:
Воспалились пузыри.

Был он — милитарист и вандал, —
Двух соседей зазря оскорблял —
Слал им каждую субботу
Оскорбительную ноту, —
Шел на международный скандал.

В Тридцать третьем царь сказался:
Не хватает, мол, земли, —
На соседей покусился —
И взбесились короли:

«Обуздать его, смять!» — только глядь —
Нечем в Двадцать седьмом воевать,
А в Тридцатом — полководцы
Все утоплены в колодце
И вассалы восстать норовят...

1970

Несенка киноактера

Словно в сказке, на экране —

И не нужен чародей —
В новом фильме вдруг крестьяне
Превращаются в князей!

То купец — то неимущий,
То добряк — а то злодей, —
В жизни же — почти непьющий
И отец восьми детей.

Мальчишки, мальчишки бегут по дворам,
Загадочны и голосисты.
Скорее! Спешите! Приехали к вам
Живые киноартисты!

Но для нашего для брата,
Откровенно говоря,
Иногда сыграть солдата
Интересней, чем царя.

В жизни всё без изменений,
А в кино: то бог — то вор, —
Много взлетов и падений
Испытал киноактер.

Мальчишки, мальчишки бегут по дворам,
Загадочны и голосисты.
Скорее! Спешите! Приехали к вам
Живые киноартисты!

Сколько версий, сколько спора
Возникает тут и там!
Знают про киноактера
Даже больше, чем он сам.

И повсюду обсуждают,
И со знанием говорят —
Сколько в месяц получает
И в который раз женат.

Мальчишки, мальчишки — не нужно
реклам —
Загадочны и голосисты.
Спешите! Скорее! Приехали к вам
Живые киноартисты!

Хватит споров и догадок —
Дело поважнее есть.
Тем, кто до сенсаций падок,
Вряд ли интересно здесь.

Знаете, в кино эпоха
Может пролететь за миг.
Люди видят нас, но — плохо
То, что мы не видим их.

Вот мы и спешим к незнакомым друзьям —
И к взрослым и к детям, —
На вас посмотреть, — все, что хочется вам,
Спросите — ответим!

1970

* * *

Комментатор из своей кабины

Кроет нас для красного словца, —
Но недаром клуб «Фиорентины»
Предлагал мильон за Бышовца.

Что ж, Пеле как Пеле,
Объясняю Зине я,
Ест Пеле крем-брюле,
Вместе с Жаирзинио.

Муром занялась прокуратура, —
Что ему — реклама! — он и рад.
Здесь бы Мур не выбрался из МУРа —
Если б был у нас чемпионат.

Я сижусь на нуле, —
Дрянью купил жене — и рад.
А у Пеле — «Шевроле»
В Рио-де-Жанейро.

Может, не считает и до ста он, —
Но могу сказать без лишних слов:
Был бы глаз второй бы у Тостао —
Он вдвое больше б забивал голов.

Что ж, Пеле как Пеле,
Объясняю Зине я,
Ест Пеле крем-брюле,
Вместе с Жаирзинио.

Я сижу на нуле, —
Дрянь купил жене — и рад.
А у Пеле — «Шевроле»
В Рио-де-Жанейро.

1970

Песенка про прыгуна в высоту

Разбег, толчок... И стыдно подыматься:

Во рту опилки, слезы из-под век, —
На рубеже проклятом два двенадцать
Мне планка преградила путь наверх.

Я признаюсь вам как на духу:
Такова вся спортивная жизнь, —
Лишь мгновение ты наверху —
И стремительно падаешь вниз.

Но съем плоды запретные с древа я,
И за хвост подержаю славу я.
У кого толчковая — левая,
А у меня толчковая — правая!

Разбег, толчок... Свидетели паденья
Свистят и тянут за ноги ко дну.
Мне тренер мой сказал без сожаленья:
«Да ты же, парень, прыгаешь в длину!

У тебя — растяженье в паху;
Прыгать с правой — дурацкий каприз, —
Не удержишься ты наверху —
Ты стремительно падаешь вниз».

Но, задыхаясь словно от гнева я,
Объяснил толково я: главное,
Что у них толчковая — левая,
А у меня толчковая — правая!

Разбег, толчок... Мне не догнать канадца —
Он мне в лицо смеется на лету!
Я снова планку сбил на два двенадцать —
И тренер мне сказал напрямому,

Что — начальство в десятом ряду
И что мне прополочут мозги,
Если враз, в сей же час не сойду
Я с неправильной правой ноги.

Но лучше выпью зелье с отравою,
Я над собою что-нибудь сделаю —
Но свою неправую правую
Я не сменю на правую левую!

Трибуны дружно начали смеяться —
Но пыл мой от насмешек не ослаб:
Разбег, толчок, полет... И два двенадцать —
Теперь уже мой пройденный этап!

Пусть болит моя травма в паху,
Пусть допрыгался до хромоты, —
Но я все-таки был наверху —
И меня не спихнуть с высоты!

Я им всем показал «ху из ху», —
Жаль, жена подложила сюрприз:
Пока я был на самом верху —
Она с кем-то спустилася вниз...

Но съел плоды запретные с древа я,
И за хвост подергал все же славу я, —
Пусть у них толчковая — левая,
Но моя толчковая — правая!

Бег иноходца

Я скачу, но я скачу иначе, —

По камням, по лужам, по росе, —
Бег мой назван иноходью — значит:
По-другому, то есть — не как все.

Мне набили раны на спине,
Я дрожу боками у воды.
Я согласен бегать в табуне —
Но не под седлом и без узды!

Мне сегодня предстоит бороться, —
Скачки! — я сегодня фаворит.
Знаю, ставят все на иноходца, —
Но не я — жокей на мне хрипит!

Он вонзает шпоры в ребра мне,
Зубоскалят первые ряды...
Я согласен бегать в табуне —
Но не под седлом и без узды!

Нет, не будут золотыми горы —
Я последним цель пересеку:
Я ему припомню эти шпоры —
Засбою, отстану на скаку!..

Колокол! Жокей мой «на коне» —
Он смеется в предвкушение мзды.
Ох, как я бы бегал в табуне, —
Но не под седлом и без узды!

Что со мной, что делаю, как смею —
Потакаю своему врагу!
Я собою просто не владею —
Я прийти не первым не могу!

Что же делать? Остается мне —
Вышвырнуть жокея моего
И бежать, как будто в табуне, —
Под седлом, в узде, но — без него!

Я пришел, а он в хвосте плетется —
По камням, по лужам, по росе...
Я впервые не был иноходцем —
Я стремился выиграть, как все!

1970

* * *

Я несла свою Беду по весеннему по льду, —

Обломился лед — душа оборвалась —
Камнем под воду пошла, —
а Беда — хоть тяжела,
А за острые края задержалася.

И Беда с того вот дня
ищет по свету меня, —
Служи ходят — вместе с ней — с Кривотолками.
А что я не умерла —
знала голая ветла
И еще — перепела с перепелками.

Кто ж из них сказал ему,
господину моему, —
Только — выдали меня, проболтались, —
И, от страсти сам не свой,
он отправился за мной,
Ну а с ним — Беда с Молвой увязались.

Он настиг меня, догнал —
обнял, на руки поднял, —
Рядом с ним в седле Беда ухмылялася.
Но остаться он не мог —
был всего один денек, —
А Беда — на вечный срок задержалася...

1970

* * *

Здесь лапы у елей дрожат на весу,

Здесь птицы щебечут тревожно —
Живешь в заколдованном диком лесу,
Откуда уйти невозможно.

Пусть черемухи сохнут бельем на ветру,
Пусть дождем опадают сирени, —
Все равно я отсюда тебя заберу
Во дворец, где играют свирели!

Твой мир колдунами на тысячи лет
Укрыт от меня и от света, —
И думаешь ты, что прекраснее нет,
Чем лес заколдованный этот.

Пусть на листьях не будет росы поутру,
Пусть луна с небом пасмурным в ссоре, —
Все равно я отсюда тебя заберу
В светлый терем с балконом на море!

В какой день недели, в котором часу
Ты выйдешь ко мне осторожно,
Когда я тебя на руках унесу
Туда, где найти невозможно?

Украду, если кража тебе по душе, —
Зря ли я столько сил разбазарил?!
Соглашайся хотя бы на рай в шалаше,
Если терем с дворцом кто-то занял!

1970

* * *

Я все вопросы освещу сполна —

Дам любопытству удовлетворенье!
Да, у меня французенка жена —
Но русского она происхождения.

Нет, у меня сейчас любовниц нет.
А будут ли? Пока что не намерен.
Не пью примерно около двух лет.
Запью ли вновь? Не знаю, не уверен.

Да нет, живу не возле «Сокола»...
В Париж пока что не проник.
Да что вы всё вокруг да около —
Да спрашивайте напрямик!

Я все вопросы освещу сполна —
Как на духу попу в исповедальне!
В блокноты ваши капает слюна —
Вопросы будут, видимо, о спальне...

Да, так и есть! Вот густо покраснел
Интервьюер: «Вы изменяли женам?» —
Как будто за портьеру подсмотрел
Иль под кровать залег с магнитофоном.

Да нет, живу не возле «Сокола»...
В Париж пока что не проник.
Да что вы всё вокруг да около —
Да спрашивайте напрямик!

Теперь я к основному перейду.
Один, стоявший скромно в уголочке,
Спросил: «А что имели вы в виду
В такой-то песне и в такой-то строчке?»

Ответ: во мне Эзоп не воскресал,
В кармане фиги нет — не суетитесь, —
А что имел в виду — то написал, —
Вот — вывернул карманы — убедитесь!

Да нет, живу не возле «Сокола»...
В Париж пока что не проник.
Да что вы всё вокруг да около —
Да спрашивайте напрямик!

Зима 1970/71

Несенка про прыгуна в длину

Что случилось, почему кричат?

Почему мой тренер завопил?
Просто — восемь сорок результат, —
Правда, за черту переступил.

Ой, приходится до дна ее испить —
Чашу с ядом вместо кубка я беру, —
Стоит только за черту переступить —
Превращаюсь в человека-кенгуру.

Что случилось, почему кричат?
Почему соперник завопил?
Просто — ровно восемь шестьдесят, —
Правда, за черту переступил.

Что же делать мне, как быть, кого винить —
Если мне черта совсем не по нутру?
Видно, негру мне придется уступить
Этот титул человека-кенгуру.

Что случилось, почему кричат?
Стадион в единстве завопил...
Восемь девяносто, говорят, —
Правда, за черту переступил.

Посоветуйте вы все, ну как мне быть?
Так и есть, что негр титул мой забрал.
Если б ту черту да к черту отменить —
Я б Америку догнал и перегнал!

Что случилось, почему молчат?
Комментатор даже приуныл.
Восемь пять — который раз подряд, —
Значит — за черту не заступил.

1971

Марафон

Я бегу, топчу, скользя

По гаревой дорожке, —
Мне есть нельзя, мне пить нельзя,
Мне спать нельзя — ни крошки.

А может, я гулять хочу
У Гурьева Тимошки, —
Так нет: бегу, бегу, топчу
По гаревой дорожке.

А гвинеец Сэм Брук
Обошел меня на круг, —
А вчера все вокруг
Говорили: «Сэм — друг!
Сэм — наш гвинейский друг!»

Друг гвинеец так и прет —
Все больше отставанье, —
Ну, я надеюсь, что придет
Второе мне дыханье.

Третье за ним ищу,
Четвертое дыханье, —
Ну, я на пятом сокращу
С гвинейцем расстоянье!

Тоже мне — хорош друг, —
Обошел меня на круг!
А вчера все вокруг
Говорили: «Сэм — друг!
Сэм — наш гвинейский друг!»

Гвоздь программы — марафон,
А градусов — все тридцать, —
Но к жаре привыкший он —
Вот он и мастерится.

Я поглядел бы на него,
Когда бы — минус тридцать!
Ну а теперь — достань его, —
Осталось — материться!

Тоже мне — хорош друг, —
Обошел на третий круг!
Нужен мне такой друг, —
Как его — забыл... Сэм Брук!
Сэм — наш гвинейский Брут!

1971

Маски

Смеюсь навзрыд — как у кривых зеркал, —

Меня, должно быть, ловко разыграли:
Крючки носов и до ушей оскал —
Как на венецианском карнавале!

Вокруг меня смыкается кольцо —
Меня хватают, вовлекают в пляску, —
Так-так, мое нормальное лицо
Все, вероятно, приняли за маску.

Петарды, конфетти... Но всё не так, —
И маски на меня глядят с укором, —
Они кричат, что я опять — не в такт,
Что наступаю на ноги партнерам.

Что делать мне — бежать, да поскорей?
А может, вместе с ними веселиться?..
Надеюсь я — под масками зверей
Бывают человеческие лица.

Все в масках, в париках — все как один, —
Кто — сказочен, а кто — литературен...
Сосед мой слева — грустный арлекин,
Другой — палач, а каждый третий — дурень.

Один себя старался обелить,
Другой — лицо скрывает от огласки,
А кто — уже не в силах отличить
Свое лицо от непрменной маски.

Я в хоровод вступаю, хохоча, —
И все-таки мне беспокойно с ними:
А вдруг кому-то маска палача
Понравится — и он ее не снимет?

Вдруг арлекин навеки загрустит,
Любуясь сам своим лицом печальным;
Что, если дурень свой дурацкий вид
Так и забудет на лице нормальном?!

Как доброго лица не прозевать,
Как честных отличить наверняка мне? —
Все научились маски надевать,
Чтоб не разбить свое лицо о камни.

Я в тайну масок все-таки проник, —
Уверен я, что мой анализ точен:
Что маски равнодушья у иных —
Защита от плевков и от пощечин.

1971

I. ПЕВЕЦ У МИКРОФОНА

Я весь в свету, доступен всем глазам, —

Я приступил к привычной процедуре:
Я к микрофону встал как к образам...
Нет-нет, сегодня точно — к амбразуре.

И микрофону я не по нутру —
Да, голос мой любому опостылит, —
Уверен, если где-то я совру —
Он ложь мою безжалостно усилит.

Бьют лучи от рампы мне под ребра,
Светят фонари в лицо недобро,
И слепят с боков прожектора,
И — жара!.. Жара!.. Жара!..

Сегодня я особенно хриплю,
Но изменить тональность не рискую, —
Ведь если я душою покривлю —
Он ни за что не выпрямит кривую.

Он, бестия, потоньше остря —
Слух безотказен, слышит фальшь до
йоты, —
Ему плевать, что не в ударе я, —
Но пусть я верно выпеваю ноты!

Бьют лучи от рампы мне под ребра,
Светят фонари в лицо недобро,
И слепят с боков прожектора,
И — жара!.. Жара!.. Жара!..

На шее гибкой этот микрофон
Своей змеиной головою вертит:
Лишь только замолчу — ужалит он, —
Я должен петь — до одури, до смерти.

Не шевелись, не двигайся, не смей!
Я видел жало — ты змея, я знаю!
И я — как будто заклинитель змей:
Я не пою — я кобру заклинаю!

Бьют лучи от рампы мне под ребра,
Светят фонари в лицо недобро,
И слепят с боков прожектора,
И — жара!.. Жара!.. Жара!..

Прожорлив он, и с жадностью птенца
Он изо рта выхватывает звуки,
Он в лоб мне вlepит девять грамм свинца, —
Рук не поднять — гитара вяжет руки!

Опять не будет этому конца!
Что есть мой микрофон — кто мне ответит?
Теперь он — как лампада у лица,
Но я не свят, и микрофон не светит.

Мелодии мои попроще гамм,
Но лишь сбиваюсь с искреннего тона —
Мне сразу больно хлещет по щекам
Недвижимая тень от микрофона.

Бьют лучи от рампы мне под ребра,
Светят фонари в лицо недобро,
И слепят с боков прожектора,
И — жара!.. Жара!..

II. *И*ЗМЕНЕНИЯ МИКРОФОНА

Я оглох от ударов ладоней,

Я ослеп от улыбок певиц, —
Сколько лет я страдал от симфоний,
Потокал подражателям птиц!

Сквозь меня многократно просеясь,
Чистый звук в ваши души летел.
Стоп! Вот — тот, на кого я надеюсь,
Для кого я все муки стерпел.

Сколько раз в меня шептали про луну,
Кто-то весело орал про тишину,
На пиле один играл — шею спиливал, —
А я усиливал,
 усиливал,
 усиливал...

На «низах» его голос утробен,
На «верхах» он подобен ножу, —
Он покажет, на что он способен, —
Но и я кое-что покажу!

Он поет задыхаясь, с натугой —
Он устал, как солдат на плацу, —
Я тянусь своей шеей упругой
К золотому от пота лицу.

...Мы в чехле очень тесно лежали —
Я, штатив и другой микрофон, —
И они мне, смеясь, рассказали,
Как он рад был, что я заменен.

1971

Одна научная загадка, или почему аборигены съели Кука

Не хватайтесь за чужие талии,

Вырвавшись из рук своих подруг!
Вспомните, как к берегам Австралии
Подплывал покойный ныне Кук,

Как, в кружок усевшись под азалии,
Поедом — с восхода до зари —
Ели в этой солнечной Австралии
Друга дружку злые дикари.

Но почему аборигены съели Кука,
За что — неясно, молчит наука.
Мне представляется совсем простая штука:
Хотели кушать — и съели Кука!

Есть вариант, что ихний вождь — Большая Бука —
Сказал, что — очень вкусный кок на судне Кука...
Ошибка вышла — вот о чем молчит наука:
Хотели — кока, а съели — Кука!

И вовсе не было подвоха или трюка —
Вошли без стука, почти без звука, —
Пустили в действие дубинку из бамбука —
Тюк! прямо в темя — и нету Кука!

Но есть, однако же, еще предположение,
Что Кука съели из большого уваженья, —
Что всех науськивал колдун — хитрец и злюка:
«Агу, ребята, хватайте Кука!

Кто уплетет его без соли и без лука,
Тот сильным, смелым, добрым будет — вроде Кука!»
Кому-то под руку попался каменюка —
Метнул, гадюка, — и нету Кука!

А дикари теперь заламывают руки,
Ломают копья, ломают луки,
Сожгли и бросили дубинки из бамбука —
Переживают, что съели Кука!

1971, ред. 1979

Баллада о бане

Благодать или благословенье

Ниспошли на подручных твоих —
Дай нам, Бог, совершить омовенье,
Окунаясь в святая святых!

Исцеленьем от язв и уродства
Будет душ из живительных вод, —
Это — словно возврат первородства,
Или нет — осушение болот.

Все пороки, грехи и печали,
Равнодушие, согласие и спор —
Пар, который вот только наддали,
Вышибает, как пули, из пор.

Все, что мучит тебя, — испарится
И поднимется вверх, к небесам, —
Ты ж, очистившись, должен спуститься —
Пар с грехами расправится сам.

Не стремись прежде времени к душе,
Не равняй с очищением мытье, —
Нужно выпороть веником душу,
Нужно выпарить смрад из нее.

Здесь нет голых — стесняться не надо,
Что кривая рука да нога.
Здесь — подобие райского сада, —
Пропуск тем, кто раздет донага.

И в предбаннике сбросивши вещи,
Всю одетость свою позабудь —
Одинаково веничек хлещет,
Так что зря не выпячивай грудь!

Все равны здесь единым богатством,
Все легко переносят жару, —
Здесь свободу и равенство с братством
Ощущаешь в крошечном пару.

Загоняй по коленья в парную
И крещение принять убедь, —
Лей на нас свою воду святую —
И от варварства освободи!

1971

О фатальных датах и цифрах

Кто кончил жизнь трагически,

Моим друзьям-поэтам

тот — истинный поэт,

А если в точный срок, так — в полной мере:
На цифре 26 один шагнул под пистолет,
Другой же — в петлю слазил в «Англетере».

А в 33 Христу — он был поэт, он говорил:
«Да ни убий!» Убьешь — везде найду, мол.
Но — гвозди ему в руки, чтоб чего не сотворил,
Чтоб не писал и чтобы меньше думал.

С меня при цифре 37 в момент слетает хмель, —
Вот и сейчас — как холодом подуло:
Под эту цифру Пушкин подгадал себе дуэль
И Маяковский лег виском на дуло.

Задержимся на цифре 37! Коварен Бог —
Ребром вопрос поставил: или — или!
На этом рубеже легли и Байрон, и Рембо, —
А нынешние — как-то проскочили.

Дуэль не состоялась или — перенесена,
А в 33 распяли, но — не сильно,
А в 37 — не кровь, да что там кровь! — и седина
Испачкала виски не так обильно.

«Слабо стреляться?! В пятки, мол, давно ушла душа!»
Терпенье, психопаты и кликуши!
Поэты ходят пятками по лезвию ножа —
И режут в кровь свои босые души!

На слово «длинношее» в конце пришлось три «е», —
Укоротить поэта! — вывод ясен, —
И нож в него! — но счастлив он висеть на острие,
Зарезанный за то, что был опасен!

Жалею вас, приверженцы фатальных дат и цифр, —
Томитесь, как наложницы в гареме!
Срок жизни увеличился — и; может быть, концы
Поэтов отодвинулись на время!

1971

Горизонт

Чтоб не было следов, повсюду подмели...

Ругайте же меня, позорьте и трезвоньте:
Мой финиш — горизонт, а лента — край
земли, —

Я должен первым быть на горизонте!

Условия пари одобрили не все —

И руки разбивали неохотно.

Условье таково: чтоб ехать — по шоссе,

И только по шоссе — бесповоротно.

Наматываю мили на кардан

И еду параллельно проводам, —

Но то и дело тень перед мотором —

То черный кот, то кто-то в чем-то черном.

Я знаю — мне не раз в колеса палки ткнут.

Догадываюсь, в чем и как меня обманут.

Я знаю, где мой бег с ухмылкой пресекут

И где через дорогу трос натянут.

Но стрелки я топлю — на этих скоростях

Песчинка обретает силу пули, —

И я сжимаю руль до судорог в кистях —

Успеть, пока болты не затянули!

Наматываю мили на кардан

И еду вертикально проводам, —

Завинчивают гайки, — побыстрее! —

Не то поднимут трос как раз где шея.

И плавится асфальт, протекторы кипят,
Под ложечкой сосет от близости развязки.
Я голой грудью рву натянутый канат, —
Я жив — снимите черные повязки!

Кто вынудил меня на жесткое пари —
Нечистоплотны в споре и в расчетах.
Азарт меня пьянит, но, как ни говори,
Я торможу на скользких поворотах.

Наматываю мили на кардан,
Назло канатам, тросам, проводам, —
Вы только проигравших урезоньте,
Когда я появлюсь на горизонте!

Мой финиш — горизонт — по-прежнему далек,
Я ленту не порвал, но я покончил с тросом, —
Канат не пересек мой шейный позвонок,
Но из кустов стреляют по колесам.

Меня ведь не рубли на гонку завели, —
Меня просили: «Миг не проворонь ты —
Узнай, а есть предел — там, на краю земли,
И — можно ли раздвинуть горизонты?»

Наматываю мили на кардан
И пулю в скат влепить себе не дам.
Но тормоза отказывают, — кода! —
Я горизонт промахиваю с хода!

Мои похорона,
или страшный сон
очень смелого человека

Сон мне снится — вот те на:

Гроб среди квартиры,
На мои похорона
Съехались вампиры, —

Стали речи говорить —
Всё про долголетие, —
Кровь сосать решили погодить:
Вкусное — на третье.

В гроб вогнали кое-как,
А самый сильный вурдалак
Все втискивал, и всовывал,
И плотно утрамбовывал, —
Сопел с натуги, сплевывал
И желтый клык высовывал.

Очень бойкий упырек
Стукнул по колену,
Подогнал — и под шумок
Накусил мне вену.

А умудренный кровосос
Встал у изголовия
И очень вдохновенно произнес
Речь про полнокровие.

И почетный караул
Для приличия всплакнул, —
Но я чую взглядов серию

На сонную мою артерию:
А если кто пронзит артерию —
Мне это сна грозит потерю.

Погодите, спрячьте крюк!
Да куда же, черт, вы!
Я же слышу, что вокруг, —
Значит, я не мертвый!

Яду капнули в вино,
Ну а мы набросились, —
Опоить меня хотели, но
Опростоволосились.

Тот, кто в зелье губы клал, —
В самом деле дуба дал, —
Ну а на меня — как рвотное
То зелье приворотное:
Здоровье у меня добротное,
И закусил отраву плотно я.

Так почему же я лежу,
Дурака валяю, —
Ну почему, к примеру, не заржу —
Их не напугаю?!

Я ж их мог прогнать давно
Выходкою смелою —
Мне бы взять пошевелиться, но
Глупостей не делаю.

Безопасный как червяк,
Я лежу, а вурдалак
Со стаканом носится —
Сейчас наверняка набросится, —
Еще один на шею косится —
Ну, гад, он у меня допросится!

Кровожадно вопия,
Высунули жалы —
И кровиночка моя
Полилась в бокалы.

Погодите — сам налью, —
Знаю, знаю — вкусная!..
Ну нате, пейте кровь мою,
Кровососы гнусные!

А сам — и мышцы не напряг,
И не попытался сжать кулак, —
Потому что кто не напрягается,
Тот никогда не просыпается,
Тот много меньше подвергается
И много дольше сохраняется.

Вот мурашки по спине
Смертные крадутся...
А всего делов-то мне
Было, что — проснуться!

...Что, сказать, чего боюсь
(А сновиденья — тянутся)?
Да того, что я проснусь —
А они останутся!..

1971

Случай

Мне в ресторане вечером вчера

Сказали с юморком и с этикетом,
Что киснет водка, выдохлась икра —
И что у них ученый по ракетам.

И многих помня с водкой пополам,
Не разобрав, что плещется в бокале,
Я, улыбаясь, подходил к столам
И отзывался, если окликали.

Вот он — надменный, словно Ришелье,
Как благородный папа в старом скетче, —
Но это был — директор ателье,
И не был засекреченный ракетчик.

Со мной гитара, струны к ней в запас,
И я гордился тем, что тоже в моде:
К науке тяга сильная сейчас —
Но и к гитаре тяга есть в народе.

Я ахнул залпом и разбил бокал —
Мгновенно мне гитару дали в руки, —
Я три своих аккорда перебрал,
Запел и запил — от любви к науке.

Я пел и думал: вот икра стоит,
А говорят — кеты не стало в реках;
А мой ракетчик где-нибудь сидит
И мыслит в миллионах и в парсеках...

И, обнимая женщину в колье
И сделав вид, что хочет в песни вжиться,
Задумался директор ателье —
О том, что завтра скажет сослуживцам.

Он предложил мне позже на дому,
Успев включить магнитофон в портфеле:
«Давай дружить домами!» Я ему
Сказал: «Давай, — мой дом — твой дом
моделей».

И я нарочно разорвал струну
И, утаив, что есть запас в кармане,
Сказал: «Привет! Зайти не премину,
В другой раз, — если будет марсианин».

Я шел домой — под утро, как старик, —
Мне под ноги катились дети с горки,
И аккуратный первый ученик
Шел в школу получать свои пятерки.

Ну что ж, мне поделом и по делам —
Лишь первые пятерки получают...
Не надо подходить к чужим столам
И отзываться, если окликают.

1971

Несенка про мангустов

«Змеи, змеи кругом — будь им пусто!» —

Человек в исступленье кричал —
И позвал на подмогу мангуста,
Чтобы, значит, мангуст выручал.

И мангусты взялись за работу,
Не щадя ни себя, ни родных, —
Выходили они на охоту
Без отгулов и без выходных.

И в пустынях, в степях и в пампасах
Даже дали наказ патрулям —
Игнорировать змей безопасных
И сводить ядовитых к нулям.

Приготовьтесь — сейчас будет грустно:
Человек появился тайком —
И поставил силки на мангуста,
Объявив его вредным зверьком.

Он наутро пришел — с ним собака —
И мангуста упрятал в мешок, —
А мангуст отбивался и плакал,
И кричал: «Я — полезный зверек!»

Но зверьков в переломах и ранах
Всё швыряли в мешок, как грибы, —
Одуревших от боли в капканах
Ну и от поворота судьбы.

И гадали они: в чем же дело —
Почему нас несут на убой?
И сказал им мангуст престарелый
С перебитой передней ногой:

«Козы в Бельгии съели капусту,
Воробьи — рис в Китае с полей,
А в Австралии злые мангусты
Истребили полезнейших змей.

Вот за это им вышла награда
От расчетливых этих людей, —
Видно, люди не могут без яда,
Ну а значит — не могут без змей».

И снова:
«Змеи, змеи кругом — будь им пусто!» —
Человек в исступленье кричал —
И позвал на подмогу...

Ну, и так далее —
как «Сказка про Белого Бычка».

1971

Милицейский протокол

Считай по-нашему, мы выпили не много —

Не вру, ей-бога, — скажи, Серега!
И если б водку гнать не из опилок,
То чё б нам было с пяти бутылок!

...Вторую пили близ прилавка в закуточке, —
Но это были еще цветочки, —
Потом — в скверу, где детские грибочки,
Потом — не помню, — дошел до точки.

Я пил из горлышка, с устатку и не евши,
Но — как стекло был, — остекленевший.
А уж когда коляска подкатила,
Тогда в нас было — семьсот на рыло!

Мы, правда, третьего насильно затащили, —
Ну, тут промашка — переборщили.
А что очки товарищу разбили —
Так то портвейном усугубили.

Товарищ первый нам сказал, что, мол,
уймитесь,
Что — не буяньте, что — разойдитесь.
На «разойтись» я сразу ж согласился —
И разошелся, — и расходился!

Но если я кого ругал — карайте строго!
Но это вряд ли, — скажи, Серега!
А что упал — так то от помутнения,
Орал не с горя — от отупенья.

...Теперь дозвоьте пару слов без протокола.
Чему нас учит семья и школа?
Что жизнь сама таких накажет строго.
Тут мы согласны, — скажи, Серега!

Вот он проснется утром — протрезвеет —
скажет:
Пусть жизнь осудит, пусть жизнь накажет!
Так отпустите — вам же легче будет:
Чего возиться, раз жизнь осудит!

Вы не глядите, что Сережа все кивает, —
Он соображает, все понимает!
А что молчит — так это от волнения,
От осознания и просветленья.

Не запирайте, люди, — плачут дома
детки, —
Ему же — в Химки, а мне — в Медведки!..
Да, все равно: автобусы не ходят,
Метро закрыто, в такси не содят.

Приятно все-таки, что нас тут уважают:
Гляди — подвозят, гляди — сажают!
Разбудит утром не петух, прокукарекав, —
Сержант подымет — как человеков!

Нас чуть не с музыкой проводят, как
проспимся.
Я рупь заначил, — опохмелимся!
И все же, брат, трудна у нас дорога!
Эх, бедолага! Ну спи, Серега!

Песня про белого слона

Жили-были в Индии с самой старины

Дикие огромные серые слоны —
Слоны слонялись в джунглях без маршрута, —
Один из них был белый почему-то.

Добрый глазом, тихим нравом отличался он,
И умом, и мастью благородной, —
Средь своих собратьев серых — белый слон
Был, конечно, белою вороной.

И владыка Индии — были времена —
Мне из уважения подарил слона.
«Зачем мне слон?» — спросил я иноверца,
А он сказал: «В слоне — большое сердце...»

Слон мне сделал реверанс, а я ему — поклон,
Речь моя была незлой и тихой, —
Потому что этот самый — белый слон
Был к тому же белою слонихой.

Я прекрасно выглядел, сидя на слоне,
Ездил я по Индии — сказочной стране, —
Ах, где мы только вместе не скитались!
И в тесноте отлично уживались.

И бывало, шли мы петть под чей-нибудь балкон, —
Дамы так и прыгали из спален...
Надо вам сказать, что этот белый слон
Был необычайно музыкален.

Карту мира видели вы наверняка —
Знаете, что в Индии тоже есть река, —
Мой слон и я питались соком манго
И как-то потерялись в дебрях Ганга.

Я метался по реке, забыв еду и сон,
Безвозвратно подорвал здоровье...
А потом сказали мне: «Твой белый слон
Встретил стадо белое слоновье...»

Долго был в обиде я, только — вот те на! —
Мне владыка Индии вновь прислал слона:
В виде украшения для трости —
Белый слон, но из слоновой кости.

Говорят, что семь слонов иметь — хороший тон, —
На шкафу, как средство от напастей...
Пусть гуляет лучше в белом стаде белый слон —
Пусть он лучше не приносит счастья!

1972

С есть шахматной короны

I. Подготовка

Я кричал: «Вы что ж там, обалдели? —

Уронили шахматный престиж!»
Мне сказали в нашем спортотделе:
«Ага, прекрасно — ты и защитишь!

Но учти, что Фишер очень ярок, —
Даже спит с доскою — сила в ем,
Он играет чисто, без помарок...»
Ничего, я тоже не подарок, —
У меня в запасе — ход конем.

Ох вы мускулы стальные,
Пальцы цепкие мои!
Эх, резные, расписные
Деревянные ладьи!

Друг мой, футболист, учил: «Не бойся, —
Он к таким партнерам не привык.
За тылы и центр не беспокойся,
А играй по краю — напрямик!..»

Я налег на бег, на стометровки,
В бане вес согнал, отлично сплю,
Были по хоккею тренировки...
В общем, после этой подготовки —
Я его без мата задавлю!

Ох вы сильные ладони,
Мышцы крепкие спины!
Эх вы кони мои, кони,
Ох вы милые слоны!

«Не спеши и, главное, не горбись, —
Так боксер беседовал со мной. —
В ближний бой не лезь, работай в корпус,
Помни, что коронный твой — прямой».

Честь короны шахматной — на карте, —
Он от поражения не уйдет:
Мы сыграли с Талем десять партий —
В преферанс, в очко и на бильярде, —
Таль сказал: «Такой не подведет!»

Ох, рельеф мускулатуры!
Дельтовидные — сильные!
Что мне легкие фигуры,
Эти кони да слоны!

И в буфете, для других закрытом,
Повар успокоил: «Не робей!
Ты с таким прекрасным аппетитом —
Враз проглотишь всех его коней!»

Ты присядь перед дорогой дальней —
И бери с питанием рюкзак.
На двоих готовь пирог пасхальный:
Этот Шифер — хоть и гениальный, —
А небось покушать не дурак!»

Ох мы — крепкие орешки!
Мы корону — привезем!
Спать ложусь я — вроде пешки,
Просыпаюсь — ферзем!

II. Игра

Только прилетели — сразу сели.
Фишки все заранее стоят.
Фоторепортеры налетели —
И спят, и с толку сбить хотят.

Но меня и дома — кто положит?
 Репортерам с ног меня не сбить!..
 Мне же неумение поможет:
 Этот Шифер ни за что не сможет
 Угадать, чем буду я ходить.

Выпало ходить ему, задире, —
 Говорят, он белыми мастак! —
 Сделал ход с е2 на е4...
 Чтой-то мне знакомое... Так-так!

Ход за мной — что делать?! Надо, Сева, —
 Наугад, как ночью по тайге...
 Помню — всех главнее королева:
 Ходит взад-вперед и вправо-влево, —
 Ну а кони вроде — буквой «Г».

Эх, спасибо заводскому другу —
 Научил, как ходят, как сдают...
 Выяснилось позже — я с испугу
 Разыграл классический дебют!

Все следил, чтоб не было промашки,
 Вспоминал всё повара в тоске.
 Эх, сменить бы пешки на рюмашки —
 Живо б прояснилось на доске!

Вижу, он нацеливает вилку —
 Хочет есть, — и я бы съел ферзя...
 Под такой бы закусь — да бутылку!
 Но во время матча пить нельзя.

Я голодный, посудите сами:
 Здесь у них лишь кофе да омлет, —
 Клетки — как круги перед глазами,
 Королей я путаю с тузами
 И с дебютом путаю дуплет.

Есть примета — вот я и рискую:
В первый раз должно мне повезти.
Я его замучу, зашахую —
Мне дай только дамку провести!

Не мычу не телюсь, весь — как вата.
Надо что-то бить — уже пора!
Чем же бить? Ладью — страшновато,
Справа в челюсть — вроде рановато,
Неудобно — первая игра.

...Он мою защиту разрушает —
Старую индийскую — в момент, —
Это смутно мне напоминает
Индо-пакистанский инцидент.

Только зря он шутит с нашим братом —
У меня есть мера, даже две:
Если он меня прикончит матом,
Я его — через бедро с захватом,
Или — ход конем — по голове!

Я еще чуток добавил прыти —
Все не так уж сумрачно вблизи:
В мире шахмат пешка может выйти —
Если тренируется — в ферзи!

Шифер стал на хитрости пускаться:
Встанет, пробежится и — назад;
Предложил турами поменяться, —
Ну еще б ему меня не опасаться —
Когда я лежа жму сто пятьдесят!

Я его фигурку смерил оком,
И когда он объявил мне шах —
Обнажил я бицепс ненароком,
Даже снял для верности пиджак.

Фотопрет работы Валерия Плотникова

Гамлет. Спектакль
«Гамлет».

В роли Хлопуши. Спектакль
«Пугачев».

Галилей. Спектакль «Жизнь Галилея».

Юрий Любимов и Владимир Высоцкий.

В спектакле «10 дней, которые потрясли мир».

В гримерной.

В спектакле «Вишневый сад» с Аллой Демидовой.

С Михаилом Шемякиным. Париж, 1987 г.

И мгновенно в зале стало тише,
Он заметил, что я привстаю...
Видно, ему стало не до фишек —
И хваленый пресловутый Фишер
Тут же согласился на ничью.

1972

* * *

Прошла пора вступлений и прелюдий, —

Все хорошо — не вру, без дураков:
Меня к себе зовут большие люди —
Чтоб я им пел «Охоту на волков»...

Быть может, запись слышал из окон,
А может быть, с детьми ухи не сварил —
Как знать, — но приобрел магнитофон
Какой-нибудь ответственный товарищ.

И, предаваясь будничной беседе
В кругу семьи, где свет торшера тускл, —
Тихонько, чтоб не слышали соседи,
Он взял да и нажал на кнопку «пуск».

И там, не разобрав последних слов, —
Прескверный дубль достали на работе, —
Услышал он «Охоту на волков»
И кое-что еще на обороте.

И всё прослушав до последней ноты,
И разозлясь, что слов последних нет,
Он поднял трубку: «Автора «Охоты»
Ко мне пришлите завтра в кабинет!»

Я не хлебнул для храбрости винца, —
И, подавляя частую икоту,
С порога — от начала до конца —
Я проорал ту самую «Охоту».

Его просили дети, безусловно,
Чтобы была улыбка на лице, —
Но он меня прослушал благосклонно
И даже аплодировал в конце.

И об стакан бутылкою звеня,
Которую извлек из книжной полки,
Он выпалил: «Да это ж — про меня!
Про нас про всех — какие, к черту, волки!»

...Ну все, теперь, конечно, что-то будет —
Уже три года в день по пять звонков:
Меня к себе зовут большие люди —
Чтоб я им пел «Охоту на волков».

1972

* * *

Проложите, проложите

Хоть туннель по дну реки
И без страха приходите
На вино и шашлыки.

И гитару приносите,
Подтянув на ней колки, —
Но не забудьте — затупите
Ваши острые клыки.

А когда сообразите —
Все пути приводят в Рим, —
Вот тогда и приходите,
Вот тогда поговорим.

Нож забросьте, камень выньте
Из-за пазухи своей
И перебросьте, перекиньте
Вы хоть жердь через ручей.

За посев ли, за покос ли —
Надо взяться, поспешать, —
А прохлопав, сами после
Локти будете кусать.

Сами будете не рады,
Утром вставши, — вот те раз! —
Все мосты через преграды
Переброшены без нас.

Так проложите, проложите
Хоть туннель по дну реки!
Но не забудьте — затупите
Ваши острые клыки!

1972

Жертва телевиденья

Есть телевизор — подайте трибуну, —

Так проору — разнесется на мили!
Он — не окно, я в окно и не плюну, —
Мне будто дверь в целый мир прорубили.

Всё на дому — самый полный обзор:
Отдых в Крыму, ураган и Кобзон.
Фильм, часть седьмая — тут можно поесть:
Я не видал предыдущие шесть.

Врубаю первую — а там ныряют, —
Ну, это так себе, а с двадцати —
«А ну-ка, девушки!» — что вытворяют!
И все — в передничках, — с ума сойти!

Есть телевизор — мне дом не квартира, —
Я всею скорбью скорблю мировую,
Грудью дышу я всем воздухом мира,
Никсона вижу с его госпожою.

Вот тебе раз! Иностранный глава —
Прямо глаз в глаз, к голове голова, —
Чуть пододвинул ногой табурет —
И оказался с главой тет-на-тет.

Потом — ударники в хлебопекарне, —
Дают про выпечку до десяти.
И вот любимая — «А ну-ка, парни!» —
Стреляют, прыгают, — с ума сойти!

Если не смотришь — ну пусть не болван ты,
Но уж, по крайности, богом убитый:
Ты же не знаешь, что ищут таланты,
Ты же не ведаешь, кто даровитый!

Как убедить мне упрямую Настю?! —
Настя желает в кино — как суббота, —
Настя твердит, что проникся я страстью
К глупому ящику для идиота.

Да, я проникся — в квартиру зайду,
Глядь — дома Никсон и Жорж Помпиду!
Вот хорошо — я бутылочку взял, —
Жорж — посошок, Ричард, правда, не стал.

Ну а действительность еще кошмарней, —
Врубил четвертую — и на балкон:
«А ну-ка, девушки!» «А ну-ка, парням!»
Вручают премию в О-О-ООН!

...Ну а потом, на Канатчиковой даче,
Где, к сожаленью, навязчивый сервис,
Я и в бреду всё смотрел передачи,
Всё заступался за Анджелу Дэвис.

Слышу: не плачь — всё в порядке в тайге,
Выигран матч СССР — ФРГ,
Сто негодяев захвачены в плен,
И Магомаев поет в КВН.

Ну а действительность еще шикарней —
Два телевизора — крути-верти:
«А ну-ка, девушки!» — «А ну-ка, парни!», —
За них не боязно с ума сойти!

Дорожная история

Я вышел ростом и лицом —
[затемнение]

Спасибо матери с отцом, —
С людьми в ладу — не понукал, не помыкал,
Спины не гнул — прямым ходил,
И в ус не дул, и жил как жил,
И голове своей руками помогал...

Но был донос и был навет —
Кругом пятьсот и наших нет, —
Был кабинет с табличкой «Время уважай», —
Там прямо без соли едят,
Там штемпель ставят наугад,
Кладут в конверт — и посылают за Можай.

Потом — зачет, потом — домой
С семью годами за спиной, —
Висят года на мне — ни бросить, ни продать.
Но на начальника попал,
Который бойко вербовал, —
И за Урал машины стал перегонять.

Дорога, а в дороге — «МАЗ»,
Который по уши увяз,
В кабине — тьма, напарник третий час
молчит, —

Хоть бы кричал, аж зло берет —
Назад пятьсот, пятьсот вперед,
А он — зубами «Танец с саблями» стучит!

Мы оба знали про маршрут,
Что этот «МАЗ» на стройках ждут, —
А наше дело — сел, поехал — ночь, полночь!
Ну надо ж так — под Новый год —
Назад пятьсот, пятьсот вперед, —
Сигналим зря — пурга, и некому помочь!

«Глуши мотор, — он говорит, —
Пусть этот «МАЗ» огнем горит!»
Мол, видишь сам — тут больше нечего

ловить.

Мол, видишь сам — кругом пятьсот,
А к ночи точно — занесет, —
Так заровняет, что не надо хоронить!..

Я отвечаю: «Не канючь!»
А он — за гаечный за ключ
И волком смотрит (он вообще бывает крут), —
А что ему — кругом пятьсот,
И кто кого переживет,
Тот и докажет, кто был прав, когда припрут!

Он был мне больше чем родня —
Он ел с ладони у меня, —
А тут глядит в глаза — и холодно спине.
А что ему — кругом пятьсот,
И кто там после разберет,
Что он забыл, кто я ему и кто он мне!

И он ушел куда-то вбок.
Я отпустил, а сам — прилег, —
Мне снился сон про наш «веселый» наворот:
Что будто вновь кругом пятьсот,
Ищу я выход из ворот, —
Но нет его, есть только вход, и то — не тот.

...Конец простой: пришел тягач,
И там был трос, и там был врач,
И «МАЗ» попал куда положено ему, —
И он пришел — трясется весь...
А там — опять далекий рейс, —
Я зла не помню — я опять его возьму!

1972

Мишка Шифман

Мишка Шифман башковит —

У него предвиденье.
«Что мы видим, — говорит, —
Кроме телевиденья?!
Смотришь конкурс в Сопоте —
И глотаешь пыль,
А кого ни попадя
Пускают в Израиль!»

Мишка также сообщил
По дороге в Мневники:
«Голду Меир я словил
В радиоприемнике...»
И такое рассказал,
До того красиво! —
Я чуть было не попал
В лапы Тель-Авива.

Я сперва-то был не пьян,
Возразил два раза я —
Говорю: «Моше Даян —
Сука одноглазая, —
Агрессивный, бестия,
Чистый фараон, —
Ну а где агрессия —
Там мне не резон».

Мишка тут же впал в экстаз —
После литры выпитой —
Говорит: «Они же нас
Выгнали с Египета!»

Оскорбления простить
Не могу такого, —
Я позор желаю смыть
С Рождества Христова!»

Мишка взял меня за грудь:
«Мне нужна компания!
Мы ж с тобой не как-нибудь —
Здравствуй, до свидания, —
Побредем, паломники,
Чувства придавив!..
Хрена ли нам Мневники —
Едем в Тель-Авив!»

Я сказал: «Я вот он весь,
Ты ли меня спас в порту.
Но одна загвоздка есть:
Русский я по паспорту.
Только русские в родне,
Прадед мой — самарин, —
Если кто и влез ко мне,
Так и тот — татарин».

Мишку Шифмана не трожь,
С Мишкой — прочь сомнения:
У него евреи сплошь
В каждом поколении.
Дед, параличом разбит, —
Бывший врач-вредитель...
А у меня — антисемит
На антисемите.

Мишка — врач, он вдруг затих:
В Израиле бездна их, —
Гинекологов одних —
Как собак нерезаных;
Нет зубным врачам пути —

Слишком много просят.
Где на всех зубов найти?
Значит — безработица!

Мишка мой кричит: «К чертям!
Виза — или ванная!
Едем, Коля, — море там
Израилеванное!..»
Видя Мишкину тоску, —
А он в тоске опасный, —
Я еще хлебнул кваску
И сказал: «Согласный!»

...Хвост огромный в кабинет
Из людей, пожалуй, ста.
Мишке там сказали «нет»,
Ну а мне — «пожалуйста».
Он кричал: «Ошибка тут, —
Это я — еврей!..»
А ему: «Не шибко тут!
Выйдь, вон, из дверей!»

Мишку мучает вопрос:
Кто здесь враг таинственный?
А ответ ужасно прост —
И ответ единственный:
Я в порядке, тьфу-тьфу-тьфу, —
Мишка пьет проклятую, —
Говорит, что за графу
Не пустили — пятую.

Товарищи ученые

Товарищи ученые, доценты с кандидатами!

Замучились вы с иксами, запутались в нулях,
Сидите, разлагаете молекулы на атомы,
Забыв, что разлагается картофель на полях.

Из гнили да из плесени бальзам извлечь пытаетесь
И корни извлекаете по десять раз на дню, —
Ох, вы там добалуетесь, ох, вы доизвлекаетесь,
Пока сгниет, заплесневет картофель на корню!

Автобусом до Сходни доезжаем,
А там — рысцой, и не стонать!
Небось картошку все мы уважаем, —
Когда с сольцой ее намять.

Вы можете прославиться почти на всю Европу, коль
С лопатами проявите здесь свой патриотизм, —
А то вы всем кагалом там набросились на опухоль,
Собак ножами режете, а это — бандитизм!

Товарищи ученые, кончайте поножовщину,
Бросайте ваши опыты, гидрид и ангидрид:
Садитесь в полуторки, валяйте к нам
в Тамбовщину, —
А гамма-излучение денек повременит.

Полуторкой к Тамбову подъезжаем,
А там — рысцой, и не стонать!
Небось картошку все мы уважаем, —
Когда с сольцой ее намять.

К нам можно даже с семьями, с друзьями
и знакомыми —
Мы славно тут разместимся, и скажете потом,
Что бог, мол, с ними, с генами, бог с ними,
с хромосомами,
Мы славно поработали и славно отдохнем!

Товарищи ученые, Эйнштейны драгоценные,
Ньютоны ненаглядные, любимые до слез!
Ведь лягут в землю общую остатки наши бранные, —
Земле — ей всё едино: апатиты и навоз.

Так приезжайте, милые, — рядами и колоннами!
Хотя вы все там химики и нет на вас креста,
Но вы ж ведь там задохнетесь
за синхрофазотронами, —
А тут места отличные — воздушные места!

Товарищи ученые, не сумлевайтесь, милые:
Коль что у вас не ладится, — ну, там, не тот
аффект, —
Мы мигом к вам заявимся с лопатами и с вилами,
Денечек покумекаем — и выправим дефект!

* * *

Когда я спотыкаюсь на стихах,

Когда ни до размеров, ни до рифм,
Тогда друзьям пою о морях,
До белых пальцев стискивая гриф.

Всем делам моим на суше вопреки
И назло моим заботам на земле
Вы возьмите меня в море, моряки,
Я все вахты отстою на корабле!

Любая тварь по морю знай плывет,
Под винт попасть не каждый норовит,
А здесь, на суше, встречный пешеход
Наступит, оттолкнет — и убежит.

Так всем делам моим на суше вопреки,
Так назло моим заботам на земле
Вы возьмите меня в море, моряки, —
Я все вахты отстою на корабле!

Известно вам — мир не на трех китах,
А нам известно — он не на троих.
Вам вольничать нельзя в чужих портах —
А я забыл, как вольничать в своих.

Так всем делам моим на суше вопреки,
Так назло моим заботам на земле
Вы за мной пришлите шлюпку, моряки,
Поднесите рюмку водки на весле!

Заповедник

Бегают по лесу стаи зверей —

Не за добычей, не на водопой:
Денно и ночью они егерей
Ищут веселой толпой.

Звери, забыв вековые страхи,
С твердою верой, что всё по плечу,
Шкуры рванув на груди как рубахи,
Падают навзничь — бери не хочу!

Сколько их в кущах,
Сколько их в чащах —
Ревом ревущих,
Рыком рычащих,
Сколько бегущих,
Сколько лежащих —
В дебрях и кущах,
В рощах и чащах!

Рыбы пошли косяком против волн —
Черпай руками, иди по ним вброд!
Столько желающих прямо на стол,
Сразу на блюдо — и в рот!

Рыба не мясо — она хладнокровней, —
В сеть норовит, на крючок, в невода:
Рыбы погреться хотят на жаровне, —
Море по жабры, вода не вода!

Сколько их в кущах,
Сколько их в чащах —
Скопом плывущих,

Кишмя кишащих,
Друг друга жрущих,
Хищных и тощих —
В дебрях и кущах,
В чащах и рощах!

Птица на дробь устремляет полет —
Птица на выдумки стала хитра:
Чтобы им яблоки всунуть в живот,
Гуси не ели с утра.

Сильная птица сама на охоте
Слабым собратьям кричит: «Сторонись!» —
Жизнь прекращает в зените, на взлете,
Даже без выстрела падая вниз.

Сколько их в кущах,
Сколько их в чащах —
Выстрела ждущих,
В силки летящих,
Сколько плывущих,
Сколько парящих —
В дебрях и кущах,
В рощах и чащах!

Шубы не хочет пушнина носить —
Так и стремится в капкан и в загон, —
Чтобы людей приодеть, утеплить,
Рвется из кожи вон.

В ваши силки — призадумайтесь, люди! —
Прут добровольно в отменных мехах
Тысячи сот в иностранной валюте,
Тысячи тысячей в наших деньгах.

В рощах и чащах,
В дебрях и кущах
Сколько рычащих,
Сколько ревущих,

Сколько пасущихся,
Сколько кишащих,
Мечущих, рвущихся,
Живородящих,
Серых, обычных,
В перьях нарядных,
Сколько их, хищных
И травоядных,
Шерстью линяющих,
Шкуру меняющих,
Блеющих, лающих,
Млекопитающих,
Сколько летящих,
Бегущих, ползущих,
Сколько непьющих
В рощах и кущах
И некурящих
В дебрях и чащах,
И пресмыкающихся,
И парящих,
И подчиненных,
И руководящих,
Вещих и вящих,
Рвущих и врущих —
В рощах и кущах,
В дебрях и чащах!

Шкуры — не порчены, рыба — живьем,
Мясо — без дробы — зубов не сломать, —
Ловко, продуманно, просто, с умом,
Мирно — зачем же стрелять!

Каждому егерю — белый передник!
В руки — таблички: «Не бей!», «Не губи!»
Все это вместе зовут — заповедник, —
Заповедь только одна: не убий!

Но сколько в рощах,
Дебрях и кущах —
И сторожащих,
И стерегущих,
И загоняющих,
В меру азартных,
Плохо стреляющих
И предынфарктных,
Травящих, лающих,
Конных и пеших,
И отдыхающих
С внешностью леших,
Сколько их, знающих
И искушенных,
Не попадающих
В цель, разозленных,
Сколько дрожащих,
Портящих шкуры,
Сколько ловящих
На самодуры,
Сколько их, язвенных,
Сколько всеядных,
Сетью повязанных
И кровожадных,
Полных и тучных,
Тощих, ледащих —
В дебрях и кущах,
В рощах и чащах!

1972

I. Песня автозавистника

Произошел необъяснимый катаклизм:
Я шел домой по тихой улице своей —
Глядь, мне навстречу нагло прет капитализм,
Звериный лик свой скрыв под маской «Жигулей»!

Я по подземным переходам не пойду:
Визг тормозов мне — как романс о трех рублях, —
За то ль я гиб и мер в семнадцатом году,
Чтоб частный собственник глумился в «Жигулях»!

Он мне не друг и не родственник,
Он мне — заклятый враг, —
Очкастый частный собственник
В зеленых, серых, белых «Жигулях»!

Но ничего, я к старой тактике пришел:
Ушел в подполье — пусть ругают за прогул!
Сегодня ночью я три шины пропорол, —
Так полегчало — без снотворного уснул!

Дверь проломить — купил отбойный
молоток,
Электродрель, — попробуй крышу пропили!
Не дам порочить наш советский городок,
Где пиво варят золотое «Жигули»!

Он мне не друг и не родственник,
Он мне — заклятый враг, —
Очкастый частный собственник
В зеленых, серых, белых «Жигулях»!

Мне за грехи мои не будет ничего:
Я в психбольнице все права завоевал.
И я б их к стенке ставил через одного
И направлял на них груженный самосвал!

Но вскоре я машину сделаю свою —
Все части есть, — а от владения уволь:
Отполирую — и с разгону разобью
Ее под окнами отеля «Метрополь».

Нет, чтой-то ёкнуло — ведь части-то свои! —
Недосыпал, недоедал, пил только чай...
Всё — еду, еду регистрировать в ГАИ!..
Ах, черт! — «Москвич» меня забрызгал, негодяй!

Он мне не друг и не родственник,
Он мне — заклятый враг, —
Очкастый частный собственник
В зеленых, серых, белых «москвичах»!

1971

II. Песня автомобилиста

Отбросив прочь свой деревянный посох,
Упав на снег и лежа на ничком,
Я встал — и сел в «погибель на колесах»,
Презрев передвижение пешком.

Я не предполагал играть с судьбою,
Не собирался спирт в огонь подлить, —
Я просто этой быстрою ездою
Намеревался жизнь себе продлить.

Подошвами своих спортивных «чешек»
Топтал я прежде тропы и полы —
И был неуязвим я для насмешек,
И был недостижим для хулы.

Но я в другие перешел разряды —
Меня не примут в общую кадрили,
Я еду, я ловлю косые взгляды
И на меня, и на автомобиль.

Прервав общенье и рукопожатья,
Отворотилась прочь моя среда, —
Но кончилось глухое неприятие —
И началась открытая вражда.

Я в мир вкатился, чуждый нам по духу,
Все правила движения поправ, —
Орудовцы мне робко жали руку,
Вручая две квитанции на штраф.

Я во вражду включился постепенно,
Я утром зрел плоды ночных атак:
Морским узлом завязана антенна...
То был намек: с тобою будет так!

Прокравшись огородами, полями,
Вонзали шило в шины, как кинжал. —
Я ж отбивался целый день рублями —
И не сдавался, и в боях мужал.

Безлунными ночами я нередко
Противника в засаде поджидал, —
Но у него поставлена разведка —
И он в засаду мне не попадал.

И вот — как «языка» — бесшумно сняли
Передний мост и унесли во тьму.
Передний мост!.. Казалось бы — детали, —
Но без него и задний ни к чему.

Я доставал мосты, рули, колеса, —
Не за глаза красивые — за мзду.
Но понял я: не одолеть колосса, —
Назад — пока машина на ходу!

Назад, к моим нетленным пешеходам!
Пусти назад, о отворись, сезам!
Назад в метро, к подземным переходам!
Разгон, руль влево и — по тормозам!

...Восстану я из праха, вновь обыден,
И улыбнусь, выплевывая пыль:
Теперь народом я не ненавижим
За то, что у меня автомобиль!

Сужая колея

Сам виноват — и слезы лью,
и охаю:

Попал в чужую колею
глубокую.
Я цели намечал свои
на выбор сам —
А вот теперь из колеи
не выбраться.

Крутые скользкие края
Имеет эта колея.

Я клянусь проложивших ее —
Скоро лопнет терпенье мое —
И склоняю, как школьник плохой:
Колею, в колее, с колеей...

Но почему неймется мне —
нахальный я, —
Условия, в общем, в колее
нормальные:
Никто не стукнет, не притрет —
не жалуйся, —
Желаешь двигаться вперед —
пожалуйста!

Отказа нет в еде-питье
В уютной этой колее —

И я живо себя убедил:
Не один я в нее угодил, —
Так держать — колесо в колее! —
И доеду туда, куда все.

Вот кто-то крикнул сам не свой:
«А ну пусти!» —
И начал спорить с колёй
по глупости.
Он в споре сжег запас до дна
тепла души —
И полетели клапана
и вкладыши.

Но покорежил он края —
И шире стала колея.

Вдруг его обрывается след...
Чудака оттащили в кювет,
Чтоб не мог он нам, задним, мешать
По чужой колее проезжать.

Вот и ко мне пришла беда —
стартёр заел. —
Теперь уж это не езда,
а ёрзанье.
И надо б выйти, подтолкнуть —
но прыти нет, —
Авось подъедет кто-нибудь
и вытянет.

Напрасно жду подмоги я —
Чужая эта колея.

Расплеваться бы глиной и ржой
С колёй этой самой — чужой, —
Тем, что я ее сам углубил,
Я у задних надежду убил.

Прошиб меня холодный пот
до косточки,
И я прошелся чуть вперед
по досточке, —

Гляжу — размыли край ручьи
весенние,
Там выезд есть из колен —
спасение!

Я грязью из-под шин плюю
В чужую эту колею.

Эй вы, задние, делай как я!
Это значит — не надо за мной,
Колея эта — только моя,
Выбирайтесь своей колеей!

1973

Я из дела ушел

Я из дела ушел, из такого хорошего дела!

Ничего не унес — отвалился в чем мать родила, —
Не затем, что приспичило мне, — просто время
приспело,
Из-за синей горы понагнало другие дела.

Мы многое из книжек узнаём,
А истины передают изустно:
«Пророков нет в отечестве своем», —
Но и в других отечествах — не густо.

Растащили меня, но я счастлив, что львиную долю
Получили лишь те, кому я б ее отдал и так.
Я по скользкому полу иду, каблуки канифолю,
Подымаюсь по лестнице и прохожу на чердак.

Пророков нет — не сыщешь днем с огнем, —
Ушли и Магомет, и Заратустра.
Пророков нет в отечестве своем, —
Но и в других отечествах — не густо.

А внизу говорят — от добра ли, от зла ли, не знаю:
«Хорошо, что ушел, — без него стало дело верней!»
Паутину в углу с образов я ногтями сдираю,
Тороплюсь — потому что за домом седлают коней.

Открылся лик — я встал к нему лицом,
И Он поведал мне светло и грустно:
«Пророков нет в отечестве своем, —
Но и в других отечествах — не густо».

Я влетаю в седло, я врастаю в коня — тело в тело, —
Конь падет подо мной — я уже закусил удила!
Я из дела ушел, из такого хорошего дела:
Из-за синей горы понагнало другие дела.

Скачу — хрустят колосья под конем,
Но ясно различаю из-за хруста:
«Пророков нет в отечестве своем, —
Но и в других отечествах — не густо».

1973

Диалог у телевизора

— Ой, Вань, гляди, какие клоуны!

Рот — хочь завязочки пришей...
Ой, до чего, Вань, размалеваны,
И голос — как у алкашей!

А тот похож — нет, правда, Вань, —
На шурина — такая ж пьянь.
Ну нет, ты глянь, нет-нет, ты глянь, —
Я — правду, Вань!

— Послушай, Зин, не трогай шурина:
Какой ни есть, а он — родня, —
Сама намазана, прокурена —
Гляди, дожدهшься у меня!

А чем болтать — взяла бы, Зин,
В антракт сгоняла в магазин...
Что, не пойдешь? Ну, я — один, —
Подвинься, Зин!..

— Ой, Вань, гляди, какие карлики!
В джерси одеты, не в шевьёт, —
На нашей Пятой швейной фабрике
Такое вряд ли кто пошьет.

А у тебя, ей-богу, Вань,
Ну все друзья — такая рвань
И пьют всегда в такую рань
Такую дрянь!

— Мои друзья — хоть не в болонии,
Зато не тащут из семьи, —
А гадость пьют — из экономии:
Хоть поутру — да на свои!

А у тебя самой-то, Зин,
Приятель был с завода шин,
Так тот — вообще хлебал бензин, —
Ты вспомни, Зин!..

— Ой, Вань, гляди-кось — попугайчики!
Нет, я, ей-богу, закричу!..
А это кто в короткой маечке?
Я, Вань, такую же хочу.

В конце квартала — правда, Вань, —
Ты мне такую же сваргань...
Ну что «отстань», опять «отстань», —
Обидно, Вань!

— Уж ты б, Зин, лучше помолчала бы —
Накрылась премия в квартал!
Кто мне писал на службу жалобы?
Не ты?! Да я же их читал!

К тому же эту майку, Зин,
Тебе напяль — позор один.
Тебе шитья пойдет аршин —
Где деньги, Зин?..

— Ой, Вань, умру от акробатиков!
Смотри, как вертится, нахал!
Завцеха наш — товарищ Сатиков —
Недавно в клубе так скакал.

А ты придешь домой, Иван,
Поешь и сразу — на диван,
Иль, вон, кричишь, когда не пьян...
Ты что, Иван?

— Ты, Зин, на грубость нарываешься,
Все, Зин, обидеть норовишь!
Тут за день так накувыркаешься...
Придешь домой — там ты сидишь!

Ну, и меня, конечно, Зин,
Все время тянет в магазин, —
А там — друзья... Ведь я же, Зин,
Не пью один!

1973

Песенка про козла отпущения

В заповеднике (вот в каком — забыл)

Жил да был Козел — роги длинные, —
Хоть с волками жил — не по-волчьи был —
Блеял песенки всё козлиные.

И пощипывал он травку, и нагуливал бока,
Не услышишь от него худого слова, —
Толку было с него, правда, как с козла молока,
Но вреда, однако, тоже — никакого.

Жил на выпасе, возле озера, —
Не вторгаясь в чужие владения, —
Но заметили скромного Козлика
И избрали в козлы отпущения!

Например, Медведь — баламут и плут —
Обхамит кого-нибудь по-медвежьему, —
Враз Козла найдут, приведут и бьют:
По рогам ему и промеж ему...

Не противился он, серенький, насилию со злом,
А сносил побои весело и гордо.
Сам Медведь сказал: «Робяты, я горжусь Козлом —
Героическая личность, козья морда!»

Берегли Козла как наследника, —
Вышло даже в лесу запрещение
С территории заповедника
Отпускать Козла отпущения.

А Козел себе все скакал козлом,
Но пошаливать он стал втихомолочку:
Как-то бороду завязал узлом —
Из кустов назвал Волка сволочью.

А когда очередное отпущенье получал —
Всё за то, что волки лишку откусили, —
Он, как будто бы случайно, по-медвежьи
зарычал, —
Но внимания тогда не обратили.

Пока хищники меж собой дрались,
В заповеднике крепло мнение,
Что дороже всех медведей и лис —
Дорогой Козел отпущения!

Услыхал Козел — да и стал таков:
«Эй вы, бурые, — кричит, — эй вы, пегие!
Отниму у вас рацион волков
И медвежие привилегии!

Покажу вам «козью морду» настоящую в лесу,
Распишу туда-сюда по трафарету, —
Всех на роги намотаю и по кочкам разнесу,
И ославлю по всему по белу свету!

Не один из вас будет землю жрать,
Все подохнете без прощенья, —
Отпускать грехи кому — это мне решать:
Это я — Козел отпущения!»

...В заповеднике (вот в каком — забыл)
Правит бал Козел не по-прежнему:
Он с волками жил — и по-волчьи взвыл, —
И рычит теперь по-медвежьему.

Смотрины

В. Золотухину и В. Можаяву

Там у соседа — пир горой,

И гость — солидный, налитой,
Ну а хозяйка — хвост трубой —
Идет к подвалам, —
В замок врезаются ключи,
И вынимаются харчи;
И с тягой ладится в печи,
И с поддувалом.

А у меня — сплошные передряги:
То в огороде недород, то скот падет,
То печь чадит от нехорошей тяги,
А то щеку на сторону ведет.

Там у соседа мясо в щах —
На всю деревню хруст в хрящах,
И дочь — невеста, вся в прыщах, —
Дозрела, значит.
Смотрины, стало быть, у них —
На сто рублей гостей одних,
И даже тощенький жених
Поет и скачет.

А у меня цепные псы взбесились —
Средь ночи с лая перешли на вой,
Да на ногах моих мозоли прохудились
От топотни по комнате пустой.

Ох, у соседа быстро пьют!
А что не пить, когда дают?
А что не петь, когда уют
И не накладно?
А тут, вон, баба на сносях,
Гусей некормленных косяк...
Да дело даже не в гусях, —
А все неладно.

Тут у меня постены появились,
Я их гоню и так и сяк — они опять,
Да в неудобном месте чирей вылез —
Пора пахать, а тут — ни сесть ни встать.

Сосед малёночка прислал —
Он от щедрот меня позвал, —
Ну, я, понятно, отказал,
А он — сначала.
Должно, литровую огрел —
Ну и, конечно, подобрел...
И я пошел — попил, поел, —
Не полегчало.

И посредине этого разгула
Я пошептал на ухо жениху —
И жениха как будто ветром сдуло, —
Невеста, вон, рыдает наверху.

Сосед орет, что он — народ,
Что основной закон блюдет:
Что — кто не ест, тот и не пьет, —
И выпил, кстати.
Все сразу повскакали с мест,
Но тут малец с поправкой влез:
«Кто не работает — не ест, —
Ты спутал, батя!»

А я сидел с засаленною трешкой,
Чтоб завтра гнать похмелье мое,
В обнимочку с обшарпанной гармошкой —
Меня и пригласили за нее.

Сосед другую литру съел —
И осовел, и опсовел.
Он захотел, чтоб я попел, —
Зря, что ль, поили?!
Меня схватили за бока
Два здоровенных мужика:
«Играй, паскуда, пой, пока
Не удавили!»

Уже дошло веселие до точки,
Уже невесту тискали тайком —
И я запел про светлые денечки,
«Когда служил на почте ямщиком».

Потом у них была уха
И заливные потроха,
Потом поймали жениха
И долго били,
Потом пошли плясать в избе,
Потом дрались не по злобе —
И всё хорошее в себе
Доистребили.

А я стонал в углу болотной выпью,
Набычась, а потом и подбочась, —
И думал я: а с кем я завтра выпью
Из тех, с которыми я пью сейчас?!

Наутро там всегда покой,
И хлебный мякиш за щекой,
И без похмелья перепой,
Еды навалом,

Никто не лаётся в сердцах,
Собачка маётся в сенцах,
И печка — в синих изразцах
И с поддувалом.

А у меня — и в ясную погоду
Хмарь на душе, которая горит, —
Хлебаю я колодезную воду,
Чиню гармошку, и жена корит.

1973

Баллада о короткой шее

Нолководец — с шеєю короткой

Должен быть в любые времена:
Чтобы грудь — почти от подбородка,
От затылка — сразу чтоб спина.

На короткой незаметной шее
Голове удобнее сидеть, —
И душить значительно труднее,
И арканом не за что задеть.

А они вытягивают шеи
И встают на кончики носков:
Чтобы видеть дальше и вернее —
Нужно посмотреть поверх голов.

Все, теперь ты — темная лошадка,
Даже если видел свет вдали, —
Поза — неустойчива и шатка,
И открыта шея для петли.

И любая подлая ехидна
Сосчитает позвонки на ней, —
Дальше видно, но — недальновидно
Жить с открытой шеей меж людей.

Вот какую притчу о Востоке
Рассказал мне старый аксакал.
«Даже сказки здесь — и те жестоки», —
Думал я — и шею измерял.

Кто за чем бежит

На дистанции — четверка первачей, —

Каждый думает, что он-то побойчей,
Каждый думает, что меньше всех устал,
Каждый хочет на высокий пьедестал.

Кто-то кровью холодней, кто горячей, —
Все наслушались напутственных речей,
Каждый съел примерно поровну харчей, —
Но судья не зафиксирует ничьей.

А борьба на всем пути —
В общем, равная почти.

«Расскажите, как идут,
бога ради, а?»
«Телевиденье тут
вместе с радио!
Нет особых новостей —
все равнехонько,
Но зато накал страстей —
о-хо-хо какой!»

Номер первый — рвет подметки как герой,
Как под гору катит, хочет под горой
Он в победном ореоле и в пыли
Твердой поступью приблизиться к котлу.

Почему высоких мыслей не имел? —
Потому что в детстве мало каши ел,
Голодал он в этом детстве, не дерзал, —
Успевал переодеться — и в спортзал.

Что ж, идеи нам близки —
Первым лучшие куски

А вторым — чего уж тут,
он все выверил —
В утешение дадут
кости с ливером.

Номер два — далек от плотских тех утех, —
Он из сытых, он из этих, он из тех, —
Он надеется на славу, на успех —
И уж ноги задирает выше всех.

Ох, наклон на вираже — бетон у щек!
Краше некуда уже, а он — еще!
Он стратег, он даже тактик, словом — спец, —
Сила, воля плюс характер — молодец!

Четок, собран, напряжен
И не лезет на рожон, —

Этот — будет выступать
на Салониках,
И детишек поучать
в кинохрониках,
И соперничать с Пеле
в закаленности,
И являть пример целе-
устремленности !

Номер третий — убелен и умудрен, —
Он всегда — второй надежный эшелон, —
Вероятно, кто-то в первом заболел,
Ну а может, его тренер пожалел.

И назойливо в ушах звенит струна:
У тебя последний шанс, эх, старина!
Он в азарте — как мальчишка, как шпана, —
Нужен спурт — иначе крышка и хана!

Переходит сразу он
В задний старенький вагон,

Где бывшие имена —
предынфарктные,
Где местам одна цена —
все плацкартные.

А четвертый — тот, что крайний, боковой, —
Так бежит — ни для чего, ни для кого:
То приблизится — мол, пятки оттопчу,
То отстанет, постоит — мол, так хочу.

Не проглотит первый лакомый кусок,
Не надеть второму лавровый венок,

Ну а третьему — ползти
На запасные пути...

Сколько все-таки систем
в беге нынешнем! —
Он вдруг взял да сбавил темп
перед финишем,
Майку сбросил — вот те на, —
не противно ли?
Поведенье бегуна —
неспортивное!

На дистанции — четверка первачей,
Злых и добрых, бескорыстных и рвачей.
Кто из них что исповедует, кто чей?
...Отделяются лопатки от плечей —
И летит уже четверка первачей!

Песня про Джеймса Бонда, агента 007

Себя от надоевшей славы спрятав,

В одном из их Соединенных Штатов,
В глуши и в дебрях чуждых нам систем
Жил-был известный больше чем Иуда,
Живое порожденье Голливуда —
Артист, Джеймс Бонд, шпион, агент 07.

Был этот самый парень —
Звезда, ни дать ни взять, —
Настолько популярен,
Что страшно рассказать.

Да шуточное ль дело —
Почти что полубог!
Известный всем Марчелло
В сравненье с им — щенок.

Он на своей на загородной вилле
Скрывался, чтоб его не подловили,
И умирал от скуки и тоски.
А то, бывало, встретят у квартиры —
Набросятся и рвут на сувениры
Последние штаны и пинджак.

Вот так и жил как в клетке,
Ну а в кино — потел:
Различные разведки
Дурачил как хотел.

То ходит в чьей-то шкуре,
То в пепельнице спит,
А то на абажуре
Ково-нибудь соблазнит.

И вот артиста этого — Джеймс Бонда —
Товарищи из Госафильмофонда
В совместную картину к нам зовут, —
Чтоб граждане его не узнавали,
Он к нам решил приехать в одеяле:
Мол, все равно на ключья разорвут.

Ну посудите сами:
На проводах в ЮСА
Все хиппи с волосами
Побрили волоса;

С его сорвали свитер,
Отгрызли вмиг часы
И растащили плиты
Со взлетной полосы.

И вот в Москве нисходит он по трапу,
Дает доллар носильщику на лапу
И прикрывает личность на ходу, —
Вдруг ктой-то шасть на «газике» к агенту
И — киноленту вместо документу:
Что, мол, свои, мол, хау ду ю ду!

Огромная колонна
Стоит сама в себе, —
Но встречает чемпиона
По стендовой стрельбе.

Попал во все, что было,
Тот выстрелом с руки, —
Ну все с ума сходило,
И даже мужики.

Довольный, что его не узнавали,
Он одеяло снял в «Национале», —
Но, несмотря на личность и акцент,
Его там обозвали оборванцем,
Который притворялся иностранцем
И заявлял, что, дескать, он — агент.

Швейцар его — за ворот, —
Решил открыться он:
«07 я!» — «Вам межгород —
Так надо взять талон!»

Во рту скопилась пена
И горькая слюна, —
И в позе супермена
Он уселся у окна.

Но вот киношестерки прибежали
И недоразумение замяли,
И разменяли фунты на рубли.
...Уборщица ворчала: «Вот же пройда!
Подумаешь — агентешка какой-то!
У нас в девятом — принц из Сомали!»

1974

Очи черные

I. Погоня

Во хмелю слегка

Лесом правил я.
Не устал пока, —
Пел за здравие.
А умел я петь
Песни вздорные:
«Как любил я вас,
Очи черные...»

То плелись, то неслись, то трусили рысцой.
И болотную слизь конь швырял мне в лицо.
Только я проглочу вместе с грязью слюну,
Штофу горло скручу — и опять затяну:

«Очи черные!
Как любил я вас...»
Но — прикончил я
То, что впрок припас.
Головой тряхнул,
Чтоб слетела блажь,
И вокруг взглянул —
И присвистнул аж:

Лес стеной впереди — не пускает стена, —
Кони прядут ушами, назад подают.
Где просвет, где прогал — не видать ни рожна!
Колют иглы меня, до костей достают.

Коренной ты мой,
Выручай же, брат!
Ты куда, родной, —

Почему назад?!
Дождь — как яд с ветвей —
Недобром пропах.
Пристязной моей
Волк нырнул под пах.

Вот же пьяный дурак, вот же налил глаза!
Ведь погибель пришла, а бежать — не суметь, —
Из колоды моей утащили туза,
Да такого туза, без которого — смерть!

Я ору волкам:
«Побери вас прах!..» —
А коней пока
Подгоняет страх.
Шевелю кнутом —
Бью крученые
И ору притом:
«Очи черные!..»

Храп, да топот, да лязг, да лихой перепляс —
Бубенцы плясовую играют с дуги.
Ах вы кони мои, погублю же я вас, —
Выносите, друзья, выносите, враги!

...От погони той
Даже хмель иссяк.
Мы на кряж крутой —
На одних осях,
В хлопьях пены мы —
Струи в кряж лились, —
Отдышались, отхрипели
Да откашлялись.

Я лошадам забитым, что не подвели,
Поклонился в копыта, до самой земли,
Сбросил с воза манатки, повел в поводу...
Спаси бог вас, лошадки, что целым иду!

II. Старый дом

Что за дом притих,
Погружен во мрак,
На семи лихих
Продувных ветрах,
Всеми окнами
Обратись в овраг,
А воротами —
На проезжий тракт?

Ох, устал я, устал, — а лошадок распряг.
Эй, живой кто-нибудь, выходи, помоги!
Никого — только тень промелькнула в сенях
Да стервятник спустился и сузил круги.

В дом заходишь как
Все равно в кабак,
А народишко —
Каждый третий — враг.
Своротят скулу,
Гость непрошенный!
Образа в углу —
И те перекошены.

И затеялся смутный, чуждой разговор,
Кто-то песню стонал и гитару терзал,
И припадочный малый — придурок и вор —
Мне тайком из-под скатерти нож показал.

«Кто ответит мне —
Что за дом такой,
Почему — во тьме,
Как барак чумной?
Свет лампад погас,
Воздух вылился...
Али жить у вас
Разучились?

Двери настежь у вас, а душа взаперти.
Кто хозяином здесь? — напоил бы вином».
А в ответ мне: «Видать, был ты долго в пути —
И людей позабыл, — мы всегда так живем!

Траву кушаем,
Век — на щавеле,
Скисли душами,
Опрыщавели,
Да еще вином
Много тешились, —
Разоряли дом,
Дрались, вешались».

«Я коней заморил, — от волков ускакал.
Укажите мне край, где светло от лампад,
Укажите мне место, какое искал, —
Где поют, а не стонут, где пол не покат».

«О таких домах
Не слышали мы,
Долго жить впотьмах
Привыкали мы.
Испокону мы —
В зле да шепоте,
Под иконами
В черной копоти».

И из смрада, где косо висят образа,
Я башку очертя гнал, забросивши кнут,
Куда кони несли да глядели глаза,
И где люди живут, и — как люди живут.

...Сколько кануло, сколько схлынуло!
Жизнь кидала меня — не докинула.
Может, спел про вас неумело я,
Очи черные, скатерть белая?!

О знаках зодиака

*Н*есправда, над нами не бездна, не мрак —

Каталог наград и возмездий:
Любуемся мы на ночной зодиак,
На вечное танго созвездий.

Глядим, запрокинули головы вверх,
В безмолвие, в тайну и вечность:
Там трассы судеб и мгновенный наш век —
Отмечены в виде невидимых вех,
Что могут хранить и беречь нас.

Горячий нектар в холода февралей —
Как сладкий елей вместо грога, —
Льет звездную воду чудак Водолей
В бездонную пасть Козерога.

Вселенский поток и извилист и крут,
Окрашен то ртутью, то кровью, —
Но, вырвавшись мартовской мглой из пут,
Могучие Рыбы на нерест плывут
По Млечным протокам — к верховью.

Декабрьский Стрелец отстрелялся вконец,
Он мается, копыя ломая, —
И может без страха резвиться Телец
На светлых урочищах мая.

Из августа изголодавшийся Лев
Глядит на Овена в апреле.
В июнь — к Близнецам свои руки воздев,

Нежнейшие девы созвездия Дев
Весы превратили в качели.

Лучи световые пробились сквозь мрак,
Как нить Ариадны конкретны, —
Но и Скорпион, и таинственный Рак —
От нас далеки и безвредны.

На свой зодиак человек не роптал —
Да звездам страшна ли опала! —
Он эти созвездия с неба достал,
Оправил он их в драгоценный металл —
И тайна доступною стала.

<1974 или 1975>

I. Инструкция перед поездкой за рубеж, или полчаса в месткоме

Я вчера закончил ковку,

Я два плана залудил, —
И в заграникомандировку
От завода угодил.

Копоть, сажу смысл под душем,
Съел холодного язя, —
И инструктора послушал —
Что там можно, что нельзя.

Там у них пока что лучше
бытово, —
Так чтоб я не отчубучил
не того,
Он мне дал прочесть брошюру —
как наказ,
Чтоб не вздумал жить там сдуру
как у нас.

Говорил со мной как с братом
Про коварный зарубеж,
Про поездку к демократам
В польский город Будапешт:

«Там у них уклад особый —
Нам так сразу не понять, —
Ты уж их, браток, попробуй
Хоть немного уважать.

Могут действовать они
 не прямым:
Шась в купе — и притворится
 мужиком, —
А сама наложит тола
 под корсет...
Проверяй, какого пола
 твой сосед!»

Тут давай его пытаться я:
«Опасаясь — маху дам, —
Как проверить? — лезть под платье —
Так схлопочешь по мордам!»

Но инструктор — парень дока,
Деловой — попробуй срезь!
И опять пошла морока
Про коварный зарубеж...

**Популярно объясняю для
 невежд:
Я к болгарам уезжаю —
 в Будапешт.
«Если темы там возникнут —
 сразу снять, —
Бить не нужно, а не вникнут —
 разъяснять!»**

Я ж по-ихнему — ни слова, —
Ни в дугу и ни в тую!
Молот мне — так я любого
В своего перекую!

Но ведь я — не агитатор,
Я — потомственный кузнец...
Я к полякам в Улан-Батор
Не поеду наконец!

Сплю с женой, а мне не спится:

«Дусь, а Дусь!

Может, я без заграницы

обойдусь?

Я ж не ихнего замесу —

я сбегу,

Я на ихнем — ни бельмеса,

ни гуту!»

Дуся дремлет как ребенок,

Накрутивши бигуди, —

Отвечает мне спросонок:

«Знаешь, Коля, — не зуди!

Что ты, Коля, больно робок —

Я с тобою разведусь! —

Двадцать лет живем бок о бок —

И все время: «Дуся, Дусь...»

Обещал, — забыл ты нешто?

ну хорош! —

Что клеенку с Бангладешта

привезешь.

Сбереги там пару рупий —

не бузи, —

Мне хоть чё — хоть чёрта в ступе —

привези!»

Я уснул, обняв супругу —

Дусю нежную мою, —

Снилось мне, что я кольчугу,

Щит и меч себе кую.

Там у них другие мерки, —

Не поймешь — съедят живьем, —

И всё снились мне венгерки

С бородами и с ружьем.

Снились Дусины клеенки
цвета беж
И нахальные шпийёнки
в Бангладеш...
Поживу я — воля божья —
у румын, —
Говорят — они с Поволжья,
как и мы!

Вот же женские замашки! —
Провожала — стала петь.
Отутюжила рубашки —
Любо-дорого смотреть.

До свиданья, цех кузнечный,
Аж до гвоздика родной!
До свиданья, план мой встречный,
Перевыполненный мной!

Пили мы — мне спирт в аорту
проникал, —
Я весь путь к аэропорту
проикал.
К трапу я, а сзади в спину —
будто лай:
«На кого ж ты нас покинул,
Николай!»

1974

II. Случай на таможне

Над Шере-
метьево
В ноябре
третьего —
Метеоусловия не те, —
Я стою встревоженный,

Бледный, но ухоженный,
На досмотр таможенный, в хвосте.

Стоял сначала — чтоб не нарываться:
Ведь я спиртного лишку загрузил, —
А впереди шмонали уругвайца,
Который контрабанду провозил.

Крест на груди в густой шерсти, —
Толпа как хором ахнет:
«За ноги надо потрясти, —
Глядишь — чего и звякнет!»

И точно: ниже живота —
Смешно, да не до смеха —
Висели два литых креста
Пятнадцатого века.

Ох, как он сетовал:
Где закон — нету, мол!
Я могу, мол, опоздать на рейс!..
Но Христа распятого
В половине пятого
Не пустили в Буэнос-Айрес.

Мы все-таки мудреем год от года —
Распятыя нам самим теперь нужны, —
Они — богатство нашего народа,
Хотя и — пережиток старины.

А раньше мы во все края —
И надо и не надо —
Дарили лики, жития,
В окладе, без оклада...
Из пыльных ящиков косясь
Безропотно, устало, —
Искусство древнее от нас,
Бывало, и — сплывало.

Доктор зуб
 высверлил,
Хоть слезу
 мистер лил,
Но таможник вынул из дупла,
Чуть поддев лопатой, —
Мраморную статую —
Целенькую, только без весла.

Обшупали заморского барыгу,
Который подозрительно притих, —
И сразу же нашли в кармане фигу,
А в фиге — вместо косточки — триптих.

«Зачем вам складень, пассажир? —
Купили бы за трешку
В «Березке» русский сувенир —
Гармонь или матрешку!»

«Мир-дружба! Прекратить огонь!» —
Попер он как на кассу.
Козе — баян, попу — гармонь,
Икона — папуасу!

Тяжело
 с истыми
Контрабан-
 дистами!
Этот, что статуи был лишен, —
Малый с подковыркою, —
Цыкнул зубом с дыркою,
Сплюнул — и уехал в Вашингтон.

Как хорошо, что бдительнее стало, —
Таможня ищет ценный капитал —
Чтоб золотишки с нимба не упало,
Чтобы гвоздок с распятья не пропал!

Таскают — кто иконостас,
Кто крестик, кто иконку, —
И веру в Господа от нас
Увозят потихоньку.

И на поездки в далеко —
Навек, бесповоротно —
Угодники идут легко,
Пророки — неохотно.

Реки льют
 потные!
Весь я тут,
 вот он я —
Слабый для таможни интерес, —
Правда, возле щиколот
Синий крестик выколот, —
Но я скажу, что это — Красный Крест.

Один мулла триптих запрятал в книги, —
Да, контрабанда — это ремесло!
Я пальцы сжал в кармане в виде фиги —
На всякий случай — чтобы пронесло.

Арабы нынче — ну и ну! —
Европу поприжали, —
Мы в «шестидневную войну»
Их очень поддержали,

Они к нам ездят неспроста —
Задумайтесь об этом! —
И возят нашего Христа
На встречу с Магометом.

...Я пока
 здесь еще,
Здесь мое
 детище, —
Все мое — и дело, и родня!

Лики — как товарищи —
Смотрят понимающе
С почерневших досок на меня.

Сейчас, как в вытрезвителе ханыгу,
Разденут — стыд и срам — при всех святых, —
Найдут в мозгу туман, в кармане фигу,
Крест на ноге — и кликнут понятых!

Я крест сцарапывал, кляня
Судьбу, себя — всё вкупе, —
Но тут вступился за меня
Ответственный по группе.

Сказал он тихо, делово —
Такого не обшаришь:
Мол, вы не трогайте его,
Мол, кроме водки — ничего, —
Проверенный товарищ!

1975

Песня о вольных стрелках

Если рыщут за твоею

Непокорной головой,
Чтоб петлей худую шею
Сделать более худой, —
Нет надежнее приюта:
Скройся в лес — не пропадешь, —
Если продан ты кому-то
С потрохами ни за грош.

Бедняки и бедолаги,
Презирая жизнь слуги,
И бездомные бродяги,
У кого одни долги, —
Все, кто загнан, неприкаян,
В этот вольный лес бегут, —
Потому что здесь хозяин —
Славный парень Робин Гуд!

Здесь с полслова понимают,
Не боятся острых слов,
Здесь с почетом принимают
Оторви-сорви-голов.
И скрываются до срока
Даже рыцари в лесах:
Кто без страха и упрёка —
Тот всегда не при деньгах!

Знают все оленьи тропы,
Словно линии руки,
В прошлом — слуги и холопы,
Ныне — вольные стрелки.

Здесь того, кто все теряет,
Защитят и сберегут:
По лесной стране гуляет
Славный парень Робин Гуд!

И живут да поживают
Всем запретам вопреки
И ничуть не унывают
Эти вольные стрелки, —
Спят, укрывшись звездным небом,
Мох под ребра подложив, —
Им какой бы холод ни был —
Жив, и славно, если жив!

Но вздыхают от разлуки —
Где-то дом и клочок земли —
Да поглаживают луки,
Чтоб в бою не подвели, —
И стрелков не сыщешь лучших!..
Что же завтра, где их ждут —
Скажет первый в мире лучник
Славный парень Робин Гуд!

1975

Баллада о любви

Когда вода Всемирного потопа

Вернулась вновь в границы берегов,
Из пены уходящего потока
На сушу тихо выбралась Любовь —
И растворилась в воздухе до срока,
А срока было — сорок сороков...

И чудачки — еще такие есть —
Вдыхают полной грудью эту смесь,
И ни наград не ждут, ни наказанья,
И, думая, что дышат просто так,
Они внезапно попадают в такт
Такого же — неровного — дыханья.

Я поля влюбленным постелю —
Пусть поют во сне и наяву!..
Я дышу, и значит — я люблю!
Я люблю, и значит — я живу!

И много будет странствий и скитаний:
Страна Любви — великая страна!
И с рыцарей своих — для испытаний —
Все строже станет спрашивать она:
Потребует разлук и расстояний,
Лишит покоя, отдыха и сна...

Но вспять безумцев не поворотить —
Они уже согласны заплатить:
Любой ценой — и жизнью бы рискнули, —

Чтобы не дать порвать, чтоб сохранить
Волшебную невидимую нить,
Которую меж ними протянули.

Я поля влюбленным постелю —
Пусть поют во сне и наяву!..
Я дышу, и значит — я люблю!
Я люблю, и значит — я живу!

Но многих захлебнувшихся любовью
Не докричишься — сколько ни зови, —
Им счет ведут молва и пустословье,
Но этот счет замешан на крови.
А мы поставим свечи в изголовье
Погибших от невиданной любви...

И душам их дано бродить в цветах,
Их голосам дано сливаться в такт,
И вечностью дышать в одно дыхание,
И встретиться — со вздохом на устах —
На хрупких переправах и мостах,
На узких перекрестках мироздания.

Свежий ветер избранных пьянил,
С ног сбивал, из мертвых
воскрешал, —
Потому что если не любил —
Значит, и не жил, и не дышал!

1975

Песня о двух погибших лебедях

т рубят рога: скорей, скорей!

И копошится свита.
Душа у ловчих без затей,
Из жил воловьих свита.

Ну и забава у людей —
Убить двух белых лебедей!
И стрелы ввысь помчались...
У лучников наметан глаз, —
А эти лебеди как раз
Сегодня повстречались.

Она жила под солнцем — там,
Где синих звезд без счета,
Куда под силу лебедям
Высокого полета.

Ты воспари — крыла раскинь —
В густую трепетную синь,
Скользи по божьим склонам, —
В такую высь, куда и впредь
Возможно будет долететь
Лишь ангелам и стонам.

Но он и там ее настиг —
И счастлив миг единый, —
Но, может, был тот яркий миг
Их песней лебединой...

Двум белым ангелам сродни,
К земле направились они —
Опасная повадка!
Из-за кустов, как из-за стен,
Следят охотники за тем,
Чтоб счастье было кратко.

Вот утирают пот со лба
Виновники паденья:
Сбылась последняя мольба —
«Остановись, мгновенье!»

Так пелся вечный этот стих
В пик лебединой песне их —
Счастливицев одночасья:
Они упали вниз вдвоем,
Так и оставшись на седьмом,
На высшем небе счастья.

1975

Разбойничья

Как во смутной волости

Лютой, злой губернии
Выпадали молодцу
Всё шипы да тернии.

Он обиды зачерпнул, зачерпнул
Полные пригоршни,
Ну а горе, что хлебнул, —
Не бывает горше.

Пей отраву, хочь залейся!
Благо, денег не берут.
Сколь веревочка ни вейся —
Все равно совьешься в кнут!

Гонит неудачников
По миру с котомкою,
Жизнь текёт меж пальчиков
Паутинкой тонкою.

А которых повело, повлекло
По лихой дороге —
Тех ветрами сволокло
Прямиком в остроги.

Тут на милость не надейся —
Стиснуть зубы да терпеть!
Сколь веревочка ни вейся —
Все равно совьешься в плеть!

Ах, лихая сторона,
Сколь в тебе ни рыскаю —
Лобным местом ты красна
Да веревкой склизкою!

А повешенным сам дьявол-сатана
Голы пятки лижет.
Смех, досада, мать честна! —
Ни пожить ни выжить!

Ты не вой, не плачь, а смейся —
Слез-то нынче не простят.
Сколь веревочка ни вейся —
Все равно укоротят!

Ночью думы муторней.
Плотники не мешкают —
Не успеть к заутрене:
Больно рано вешают.

Ты об этом не жалеи, не жалеи, —
Что тебе отсрочка?!
На веревочке твоей
Нет ни узелочка!

Лучше ляг да обогрейся —
Я, мол, казни не просплю...
Сколь веревочка ни вейся —
А совьешься ты в петлю!

I. Ошибка вышла

Я был и слаб и уязвим,
[затемнение]

Дрожал всем существом своим,
Кровоточил своим больным
Истерзанным нутром, —

И, словно в пошлом поপুরри,
Огромный лоб возник в двери
И озарился изнутри
Здоровым недобром.

И властно дернулась рука:
«Лежать лицом к стене!» —
И вот мне стали мять бока
На липком топчане.

А самый главный — сел за стол,
Вздохнул осатанело
И что-то на меня завел,
Похожее на «дело».

Вот в пальцах цепких и худых
Смешно задергался кадык,
Нажали в пах, потом — под дых,
На печень-бедолагу, —
Когда давили под ребро —
Как ёкало мое нутро!
И кровью харкало перо
В невинную бумагу.

В полубреду, в полупылу
Разделся донага, —
В углу готовила иглу
Нестарая карга, —

И от корней волос до пят
По телу ужас плелся:
А вдруг уколом усыпят,
Чтоб сонный раскололся?!

Он, потрудясь над животом,
Сдавил мне череп, а потом
Предплечье мне стянул жгутом
И крови ток прервал, —
Я, было, взвизгнул, но замолк, —
Сухие губы на замок, —
А он кряхтел, кривился, мок,
Писал и ликовал.

Он в раж вошел — знакомый раж, —
Но я как заору:
«Чего строчишь? А ну покажь
Секретную муру!..»

Подручный — бывший психопат —
Вязал мои запястья, —
Тускнели, выложившись в ряд,
Орудия пристрастья.

Я терт, и бит, и нравом крут,
Могу — вразнос, могу — враскрут, —
Но тут смиряют, но тут уймут —
Я никну и скучаю.
Лежу я голый как сокол,
А главный — шмыг да шмыг за стол —
Все что-то пишет в протокол,
Хоть я не отвечаю.

Нет, надо силы поберечь,
А то уже устал, —
Ведь скоро пятки станут жечь,
Чтоб я захохотал.

Держусь на нерве, начеку,
Но чувствую отвратно, —
Мне в горло всунули кишку —
Я выплюнул обратно.

Я взят в тиски, я в клещи взят —
По мне елозят, егозят,
Всё вызнать, вывести хотят,
 Всё пробуют на ощупь, —
Тут не пройдут и пять минут,
Как душу вынут, изомнут,
Всю испоганят, изорвут,
 Ужмут и прополощут.

«Дыши, дыши поглубже ртом!
Да выдохни — умрешь!»
«У вас тут выдохни — потом
Навряд ли и вздохнешь!»

Во весь свой пересохший рот
Я скалюсь: «Ну, порядки!
У вас, ребята, не пройдет
Играть со мною в прятки!»

Убрали свет и дали газ,
Доска какая-то зажглась, —
И гноем брызнуло из глаз,
 И булькнула трахея.
Он стервенел, входил в экстаз,
Приволокли зачем-то таз...
Я видел это как-то раз —
 Фильм в качестве трофея.

Ко мне заходят со спины
И делают укол...
«Колите, сукины сыны,
Но дайте протокол!»

Я даже на колени встал,
Я к тазу лбом прижался;
Я требовал и угрожал,
Молил и унижался.

Но туже затянули жгут,
Вон вижу я — спиртовку жгут,
Все рыжую чертовку ждут
С волосняным кнутом.
Где-где, а тут свое возьмут!
А я гадаю, старый шут:
Когда же раскаленный прут —
Сейчас или потом?

Шабаш калился и лысел,
Пот лился горячо, —
Раздался звон — и ворон сел
На белое плечо.

И ворон крикнул: «Nevermore!» —
Проворен он и прыток, —
Напоминает: прямо в морг
Выходит зал для пыток.

Я слабо подымаю хвост,
Хотя для них я глуп и прост:
«Эй! За пристрастный ваш допрос
Придется отвечать!
Вы, как вас там по именам, —
Вернулись к старым временам!
Но протокол допроса нам
Обязаны давать!»

И я через плечо кошу
На писанину ту:
«Я это вам не подпишу,
Покуда не прочту!»

Мне чья-то желтая спина
Ответила бесстрастно:
«А ваша подпись не нужна —
Нам без нее все ясно».

«Сестренка, милая, не трусь —
Я не смолчу, я не утрусь,
От протокола отопрусь
При встрече с адвокатом!
Я ничего им не сказал,
Ни на кого не показал, —
Скажите всем, кого я знал:
Я им остался братом!»

Он молвил, подведя черту:
Читай, мол, и остынь!
Я впился в писанину ту,
А там — одна латынь...

В глазах — круги, в мозгу — нули, —
Проклятый страх, исчезни:
Они же просто завели
Историю болезни!

1975

II. Никакой ошибки

На стене висели в рамках бородатые мужчины —
Все в очечках на цепочках, по-народному —
в пенсне, —
Все они открыли что-то, все придумали вакцины,
Так что если я не умер — это все по их вине.

Мне сказали: «Вы больны», —
И меня заколотило,
Но сердечное светило
Улыбнулось со стены, —

Здесь не камера — палата,
Здесь не нары, а скамья,
Не подследственный, ребята,
А исследуемый я!

И хотя я весь в недугах, мне не страшно почему-то, —
Подмахну давай, не глядя, медицинский протокол!
Мне приятен Склифосовский, основатель института,
Мне знаком товарищ Боткин — он желтуху изобрел.

В положении моем
Лишь чужак права качает:
Доктор, если осерчает,
Так упрячет в «желтый дом».

Все зависит в доме оном
От тебя от самого:
Хочешь — можешь стать Буденным,
Хочешь — лошадью его!

У меня мозги за разум не заходят — верьте слову, —
Задаю вопрос с намеком, то есть лезу на скандал:
«Если б Кашенко, к примеру, лег лечиться

к Пирогову —

Пирогов бы без причины резать Кашенку не стал...»

Доктор мой не лыком шит —
Он хитер и осторожен:
«Да, вы правы, но возможен
Ход обратный», — говорит.

Вот палата на пять коек,
Вот профессор входит в дверь —
Тычет пальцем: «Параноик», —
И пойдя его проверь!

Хорошо, что вас, светила, всех повесили на стенку —
Я за вами, дорогие, как за каменной стеной:
На Вишневского надеюсь, уповаю на Бурденку, —
Подтвердят, что не душевно, а духовно я больной!

Род мой крепкий — весь в меня, —
Правда, прадед был незрячий;
Шурин мой — белогорячий,
Но ведь шурин — не родня!

«Доктор, мы здесь с глазу на глаз —
Отвечай же мне, будь скор:
Или будет мне диагноз,
Или будет приговор?»

И врачи, и санитары, и светила все смутились,
Заоконное светило закатилось за спиной,
И очечки на цепочке как бы влагою покрылись,
У отца желтухи щечки вдруг покрылись белизной.

И нависло остриё,
И поежилась бумага, —
Доктор действовал во благо,
Жалко — благо не мое, —

Но не лист перо стальное —
Грудь пронзило как стилет:
Мой диагноз — паранойя,
Это значит — пара лет!

1975

III. История болезни

Вдруг словно канули во мрак
Портреты и врачи,
Жар от меня струился как
От доменной печи.

Я злую ловкость ощутил —
Пошел как на таран, —
И фельдшер еле защитил
Рентгеновский экран.

И — горлом кровь, и не уймешь —
Залью хоть всю Россию, —
И — крик: «На стол его, под нож!
Наркоз! Анестезию!»

Мне обложили шею льдом —
Спешат, рубаху рвут, —
Я ухмыляюсь красным ртом,
Как на манеже шут.

Я сам кричу себе: «Трави! —
И напрягаю грудь. —
В твоей запекшейся крови
Увязнет кто-нибудь!»

Я б мог, когда б не глаз да глаз,
Всю землю окровавить, —
Жаль, что успели медный таз
Не вовремя подставить!

Уже я свой не слышу крик,
Не узнаю сестру, —
Вот сладкий газ в меня проник,
Как водка поутру.

Цветастый саван скрыл и зал
И лица докторов, —
Но я им все же доказал,
Что умственно здоров!

Слабею, дергаюсь и вновь
Травлю, — но иглы вводят
И льют искусственную кровь —
Та горлом не выходит.

«Хирург, пока не взял наркоз,
Ты голову нагни, —
Я важных слов не произнес —
Послушай, вот они.

Врезайте с богом, помолясь,
Тем более бойчей,
Что эти строки не про вас,
А про других врачей!..

Я лег на сгибе бытия,
На полдороге к бездне, —
И вся история моя —
История болезни.

Я был здоров — здоров как бык,
Как целых два быка, —
Любому встречному в час пик
Я мог намять бока.

Идешь, бывало, и поёшь,
Общаешься с людьми,
И вдруг — на стол тебя, под нож, —
Допился, черт возьми!..»

«Не огорчайтесь, милый друг, —
Врач стал чуть-чуть любезней. —
Почти у всех людей вокруг —
История болезни.

Все человечество давно
Хронически больно —
Со дня творения оно
Болезь обречено.

Сам первый человек хандрил —
Он только это скрыл, —
Да и Создатель болен был,
Когда наш мир творил.

Вы огорчаться не должны —
Для вас покой полезней, —
Ведь вся история страны —
История болезни.

У человечества всего —
То колики, то рези, —
И вся история его —
История болезни.

Живет больное всё бодрей,
Всё злей и бесполезней —
И наслаждается своей
Историей болезни...»

1976

Гербарий

*Л*ихие пролетарии,

Закушав водку килечкой,
Спешат в свои подполия
Налаживать борьбу, —
А я лежу в гербарии,
К доске пришпилен шпилечкой,
И пальцами до боли я
По дереву скребу.

Корячусь я на гвоздике,
Но не меняю позы.
Кругом — жуки-навозники
И мелкие стрекозы, —
По детству мне знакомые —
Ловил я их, копал,
Давил, — но в насекомые
Я сам теперь попал.

Под всеми экспонатами —
Эмалевые планочки, —
Всё строго по-научному —
Указан класс и вид...
Я с этими ребятами
Лежал в стеклянной баночке,
Дрались мы, — это к лучшему:
Узнал, кто ядовит.

Я представляю мысленно
Себя в большой постели, —
Но подо мной написано:
«Невиданный доселе»...

Я гомо был читающий,
Я сапиенсом был,
Мой класс — млекопитающий,
А вид... уже забыл.

В лицо ль мне дуло, в спину ли,
В бушлате или в робе я —
Тянулся, кровью крашенный,
 Как звали, к шалашу, —
И на тебе — задвинули
В наглядные пособия, —
Я злой и ошарашенный
 На стеночке вишу.

Оформлен как на выданье,
Стыжусь как ученица, —
Жужжат шмели солидные,
Что надо подчиниться,
А бабочки хихикают
На странный экспонат,
Сороконожки хмыкают
И куколки язвят.

Ко мне с опаской движутся
Мои собратья прежние —
Двуногие, разумные, —
 Два пишут — три в уме.
Они пропишут ижицу —
Глаза у них не нежные, —
Один брезгливо ткнул в меня
 И вывел резюме:

«Итак, с ним не налажены
Контакты, и не ждем их, —
Вот потому он, гражданин,
Лежит у насекомых.
Мышление в ем не развито,

И вечно с ним ЧП, —
А здесь он может разве что
Вертеться на пупе».

Берут они не круто ли?! —
Меня нашли не во поле!
Ошибка это глупая —
Увидится изъян, —
Накажут тех, кто спутали,
Заставят, чтоб откнопили, —
И попаду в подгруппу я
Хотя бы обезьян.

Нет, не ошибка — акция
Свершилась надо мною, —
Чтоб начал пресмыкаться я
Вниз пузом, вверх спиною, —
Вот и лежу, расхристанный,
Разыгранный вничью,
Намеренно причисленный
К ползучему жучью.

Червяк со мной не кланится,
А оводы со слепнями
Питают отвращение
К навозной голытьбе, —
Чванливые созданыица
Довольствуются сплетнями, —
А мне нужны общения
С подобными себе!

Пригрел сверчка-дистрофика —
Блоха сболтнула, гнида, —
И глядь — два тертых клопика
Из третьего подвида, —
Сверчок полузадушенный
Вполсилы свиристел,
Но за покой нарушенный
На два гвоздочка сел.

А может, все провертится
И соусом приправится...
В конце концов, ведь досочка —
 Не плаха, говорят, —
Все слюбится да стерпится:
Мне даже стали нравиться
Молоденькая осочка
 И кокон-шелкопряд.

Да, мне приятно с осами —
От них не пахнет псиной,
Средь них бывают особи
И с талией осиной.
И кстати, вдруг из коконов
Родится что-нибудь
Такое, что из локонов
И что имеет грудь...

Паук на мозг мой зарится,
Клопы кишат — нет роздыха,
Невестой хороводится
 Красавица оса...
Пусть что-нибудь заварится,
А там — хоть на три гвоздика, —
А с трех гвоздей, как водится,
 Дорога — в небеса.

В мозгу моем нахмуренном
Страх льется по морщинам:
Мне будет шершень шурином —
А что мне будет сыном?..
Я не желаю, право же,
Чтоб трутень был мне тесть!
Пора уже, пора уже
Напрячься и воскресть!

Когда в живых нас тыкали
Булавочками колкими —
Махали пчелы крыльями,
 Пищали муравьи, —

Мы вместе горе мыкали —
Все проткнуты иголками, —
Забудем же, кем были мы,
Товарищи мои!

Заносчивый немного я,
Но — в горле горечь комом:
Поймите, я, двуногое,
Попало к насекомым!
Но кто спасет нас, выручит,
Кто снимет нас с доски?!
За мною — прочь со шпилечек,
Сограждане жуки!

И, как всегда в истории,
Мы разом спины выгнули, —
Хоть осы и гундосили,
Но кто силен, тот прав, —
Мы с нашей территории
Клопов сначала выгнали
И паучишек сбросили
За старый книжный шкаф.

Скандал потом уляжется,
Зато у нас все дома,
И поживают, кажется,
Вполне не насекомо.
А я — я тешусь ванночкой
Без всяких там обид...
Жаль, над моею планочкой
Другой уже прибит.

* * *

Наши помехи эпохе под стать,

Все наши страхи причинны.
Очень собаки нам стали мешать —
Эти бездомные псины.

Бред, говоришь... Но — судить потерпи, —
Не обойдешься без бредней.
Что говорить — на надежной цепи
Пес несравненно безвредней.

Право, с ума посходили не все —
Это не бредни, не басни:
Если хороший ошейник на псе —
Это и псу безопасней.

Едешь хозяином ты вдоль земли —
Скажем, в Великие Луки, —
А под колеса снуют кобели,
И попадаютсу суки.

Их на дороге размазавши в слизь,
Что вы за чушь создадите?
Вы поощряете сюрреализм,
Милый товарищ водитель.

Дрожь проберет от такого пятна!
Дворников следом когорты
Будут весь день соскребать с полотна
Мрачные те натюрморты.

Пса без намордника чуть раздражи —
Он только челюстью лязгни! —
Вот и кончай свои грешные дни
В приступе водобоязни.

Не напасутся и тоненьких свеч
За упокой наши дьяки...
Все же намордник — прекрасная вещь, —
Ежели он на собаке!

Мы и собаки — легли на весы!
Всем нам спокойствия нету,
Если бездомные шалые псы
Бродят свободно по свету.

И кружозор крайне узок у вас,
Если вас цирк не пленяет, —
Пляшут собачки под музыку вальс —
Прямо слеза прошибает!

Или — ступают, вселяя испуг,
Страшные пасти раззявив, —
Будто у них даже больше заслуг,
Нежели чем у хозяев.

Эти собак не заманишь во двор —
Им отдохнуть бы, поспать бы, —
Стыд просто им и семейный позор —
Эти собачие свадьбы.

Или — на выставке псы, например,
Даже хватают медали, —
Пусть не за доблесть, а за экстерьер,
Но награждают — беда ли?

Эти хозяева славно живут,
Не получая получку, —
Слышал, огромные деньги гребут
За... извините — за случку.

Значит, к чему это я говорю, —
Что мне, седому, неймется?
Очень я, граждане, благодарю
Всех, кто решили бороться!

Вон, притаившись в ночные часы,
Из подворотен укромных
Лают в свое удовольствие псы —
Не приручить их, никчемных.

Надо с бездомностью этой кончать,
С неприручённостью — тоже.
Слава же собаколовам! Качать!..
Боже! Прости меня, боже!..

Некуда деться бездомному псу?
Места не хватит собакам?..
Это — при том, что мы строим вовсю,
С невероятным размахом?!

1976

Две судьбы

Жил я славно в первой трети

Двадцать лет на белом свете —
по учению,

Жил безбедно и при деле,
Плыл, куда глаза глядели, —
по течению.

Заскрипит ли в повороте,
Затрещит в водовороте —
я не слушаю.

То разуюсь, то обуюсь,
На себя в воде люблюсь —
брагу кушаю.

И пока я наслаждался,
Пал туман и оказался
в гиблом месте я, —

И огромная старуха
Хохотнула прямо в ухо,
злая bestия.

Я кричу, — не слышу крика,
Не вяжу от страха лыка,
вижу плохо я,

На ветру меня качает...
«Кто здесь?» Слышу — отвечает:
«Я, Нелегкая!

Брось креститься, причитая, —
Не спасет тебя святая
Богородица:

Кто рули да весла бросит,
Тех Нелегкая заносит —
так уж водится!»

И с одышкой, ожиреньем
Ломит, тварь, по пням, кореньям
тяжкой поступью.

Я впотьмах ищу дорогу,
Но уж брагу понемногу —
только по сту пью.

Вдруг навстречу мне — живая
Колченогая Кривая —
морда хитрая:
«Не горюй, — кричит, —
болезный,
Горемыка мой нетрезвый, —
слезы вытру я!»

Взвыл я, ворот разрывая:
«Вывози меня, Кривая, —
я на привязи!
Мне плевать, что кривобока,
Криворука, кривоока, —
только вывези!»

Влез на горб к ней с перепугу, —
Но Кривая шла по кругу —
ноги разные.
Падал я и полз на брюхе —
И хихикали старухи
безобразные.

Не до жиру — быть бы живым, —
Много горя над обрывом,
а в обрыве — зла.
«Слышь, Кривая, четверть ставлю —
Кривизну твою исправлю,
раз не вывезла!

Ты, Нелегкая, маманя!
Хочешь истины в стакане —
на лечение?
Тяжело же столько весить,
А хлебнешь стаканов десять —
облегчение!»

И припали две старухи
Ко бутылки медовухи —
пьянь с ханыгою, —
Я пока за кочки прячусь,
К бережку тихонько пачусь —
с кручи прыгаю.

Огляделся — лодка рядом, —
А за мною по корягам,
дико охая,
Припустились, подывая,
Две судьбы мои —
Кривая да Нелегкая.

Греб до умопомраченья,
Правил против ли теченья,
на стремнину ли, —
А Нелегкая с Кривою
От досады, с перепоею
там и сгнули!

Песня о судьбе

Куда ни втисну душу я, куда себя ни дену,

За мною пес — Судьба моя, беспомощна, больна,
Я гнал ее камнями, но жметесь пес к колену —
Глядит, глаза навывкате, и с языка — слюна.

Морока мне с нею —
Я оком грустнею,
Я ликом тускнею
И чревом урчу,
Нутром коченею,
А горлом немею, —
И жить не умею,
И петь не хочу!

Должно быть, старею, —
Пойти к палачу...
Пусть вздернет на рею,
А я заплачу.

Я зарекался столько раз, что на Судьбу я плюну,
Но жаль ее, голодную, — ласкается, дрожит, —
Я стал тогда из жалости подкармливать Фортуну —
Она, когда насытится, всегда подолгу спит.

Тогда я гуляю,
Петляю, вихляю,
Я ваньку валяю
И небо копчу.
Но пса охраняю,

Сам вою, сам лаю
О чем пожелаю,
Когда захочу.

Нет, не постарею —
Пойду к палачу, —
Пусть вздернет скорее,
А я приплачу.

Бывают дни, я голову в такое пекло всуну,
Что и Судьба попятится, испуганна, бледна, —
Я как-то влил стакан вина для храбрости
в Фортуну —
С тех пор ни дня без стакана, еще ворчит она:

Закуски — ни корки!
Мол, я бы в Нью-Йорке
Ходила бы в норке,
Носила б парчу!..
Я ноги — в опорки,
Судьбу — на закорки, —
И в гору и с горки
Пьянчугу влачу.

Когда постарею,
Пойду к палачу, —
Пусть вздернет на рею,
А я заплачу.

Однажды пере-перелил Судьбе я ненароком —
Пошла, родимая, вразнос и изменила лик, —
Хамила, безобразила и обернулась Роком, —
И, сзади прыгнув на меня, схватила за кадык.

Мне тяжело под нею,
Гляди — я синюю,
Уже сатанею,
Кричу на бегу:

«Не надо за шею!
Не надо за шею!
Не надо за шею —
Я петь не смогу!»

Судьбу, коль сумею,
Снесу к палачу, —
Пусть вздернет на рею,
А я заплачу!

<1976>

Мореплаватель-одиночка

Вот послал Господь родителям сыночка:

Люльку в лодку переделать велел, —
Мореплаватель родился одиночка —
Сам укачивал себя, сам болел...

Не по году он мужал — по денечку,
И уже из колыбели дерзал:
К мореплаванью готовясь в одиночку,
Из пеленок паруса вырезал.

...Прямо по́ носу — глядите! — то ли бочка,
То ли яхта, то ли плот, то ли — нет:
Мореплаватель, простите, одиночка
Посылает нам мудреный привет!

Ой, ребята, не к добру проволочка!
Сплюньте трижды все, кто на корабле:
Мореплаватель на море одиночка —
Вроде черного кота на земле!

«Вы откуда — отвечайте нам, и точка, —
Не могли же вы свалиться с небес?!
Мы читали, что какой-то одиночка
В треугольнике Бермудском исчез...»

«Это утка, это бред — все до строчки! —
И простите, если резок и груб, —
Я там плавал, извините, в одиночку:
Он совсем не треугольник, а — куб!

Были бедствия — посуда на кусочки!
Била Бетси — ураган — все подряд, —
Мореплаватели нынче — одиночки —
Из летающих тарелок едят!..»

Вот добавил он в планктон кипяточку...
Как орудует: хоть мал, да удал!
Глядь — и ест деликатесы в одиночку, —
А из нас — таких никто не едал.

И поведал он, что пьет он по глоточку,
Чтоб ни капле не пропасть в бороде, —
Мореплаватель, простите, в одиночку
Философию развел на воде.

«Не искусственную ли оболочку
Вы вокруг себя, мой друг, возвели?
Мореплаванью, простите, в одиночку
Наше общество предпочли?»

Он ответил: «Вы попали прямо в точку!
Жаль, на суше не пожать вам руки:
В море плавая подолгу в одиночку,
Я по вас затосковал, моряки!»

Мы, услыша что-нибудь, сразу — в строчку,
Мы, завидя что-нибудь, — в негатив!
Мореплавателя сняли, одиночку,
В фотографию его превратив.

Ах, побольше б нам немного юморочку! —
Поскучнели, отрешась от земли, —
Мореплавателя — брата — одиночку
Мы хотя бы как смогли развлекли!

Так поменьше им преград, и отсрочек,
И задорин на пути, и сучков!
Жаль, что редко их встречаешь — одиночек, —
Славных малых и таких чудаков!

1976

Про глупцов

Этот шум — не начало конца,

Не повторная гибель Помпеи —
Спор вели три великих глупца:
Кто из них, из великих, глупее.

Первый выл: «Я физически глуп, —
Руки вздел, словно вылез на клирос. —
У меня даже мудрости зуб,
Невзирая на возраст, не вырос!»

Но не приняли это в расчет —
Даже умному эдак негоже:
«Ах, подумаешь, зуб не растет!
Так другое растет — ну и что же?..»

К синяку прижимая пятак,
Встрял второй: «Полно вам, загалдели!
Я — способен все видеть не так,
Как оно существует на деле!»

«Эх, нашел чем хвалиться, простак, —
Недостатком всего поколенья!..
И к тому же все видеть не так —
Доказательство слабого зренья!»

Третий был непреклонен и груб,
Рвал лицо на себе, лез из платья:
«Я — единственный подлинно глуп, —
Ни про что не имею понятия».

Долго спорили — дни, месяца, —
Но у всех аргументы убоги...
И пошли три великих глупца
Глупым шагом по глупой дороге.

Вот и берег — дороге конец.
Откатив на обочину бочку,
В ней сидел величайший мудрец, —
Мудрецам хорошо в одиночку.

Молвил он подступившим к нему:
Дескать, знаю — зачем, кто такие, —
Одного только я не пойму —
Для чего это вам, дорогие!

Или, может, вам нечего есть,
Или — мало друг дружку побили?
Не кажитесь глупее, чем есть, —
Оставайтесь такими, как были.

Стоит только не спорить о том,
Кто главней, — уживетесь отлично, —
Покуражьтесь еще, а потом —
Так и быть — приходите вторично!..

Он залез в свою бочку с торца —
Жутко умный, седой и лохматый...
И ушли три великих глупца —
Глупый, глупенький и глуповатый.

Удаляясь, ворчали в сердцах:
«Стар мудрец — никакого сомненья!
Мир стоит на великих глупцах, —
Зря не выказал старый почтенья!»

Потревожат вторично его —
Темной ночью попросят: «Вылазьте!»
Все бы это еще ничего,
Но глупцы — состояли при власти...

И у сказки бывает конец:
Больше нет на обочине бочки —
В «одиночку» отправлен мудрец.
Хорошо ли ему в «одиночке»?

1977

Притча о правде и лжи

Булату Окуджава

Нежная Правда в красивых одеждах ходила,
Принарядившись для сырых, блаженных, калек, —

Грубая Ложь эту Правду к себе заманила:
Мол, оставайся-ка ты у меня на ночлег.

И легковерная Правда спокойно уснула,
Слюни пустила и разулыбалась во сне, —
Грубая Ложь на себя одеяло стянула,
В Правду впилась — и осталась довольна вполне.

И поднялась, и скроила ей рожу бульдожью:
Баба как баба, и что ее ради радеть?! —
Разницы нет никакой между Правдой и Ложью, —
Если, конечно, и ту и другую раздеть.

Выплела ловко из кос золотистые ленты
И прихватила одежды, примерив на глаз;
Деньги взяла, и часы, и еще документы, —
Сплюнула, грязно ругнулась — и вон подалась.

Только к утру обнаружила Правда пропажу —
И подивилась, себя оглядев делово:
Кто-то уже, раздобыв где-то черную сажу,
Вымазал чистую Правду, а так — ничего.

Правда смеялась, когда в нее камни бросали:
«Ложь это все, и на Лжи одеянье мое...»
Двое блаженных калек протокол составляли
И обзывали дурными словами ее.

Стервой ругали ее, и похуже чем стервой,
Мазали глиной, спустили дворового пса...
«Духу чтоб не было, — на километр сто первый
Выселить, выслать за двадцать четыре часа!»

Тот протокол заключался обидной тирадой
(Кстати, навесили Правде чужие дела):
Дескать, какая-то мразь называется Правдой,
Ну а сама — пропилась, проспалась догола.

Чистая Правда божилась, клялась и рыдала,
Долго скиталась, болела, нуждалась в деньгах, —
Грязная Ложь чистокровную лошадь украла —
И ускакала на длинных и тонких ногах.

Некий чудак и поныне за Правду воюет, —
Правда, в речах его правды — на ломаный грош:
«Чистая Правда со временем восторжествует!..»
Если проделает то же, что явная Ложь!

Часто, разлив по сто семьдесят граммов на брата,
Даже не знаешь, куда на ночлег попадешь.
Могут раздеть — это чистая правда, ребята, —
Глядь — а штаны твои носит коварная Ложь.
Глядь — на часы твои смотрит коварная Ложь.
Глядь — а конем твоим правит коварная Ложь.

Про речку Вачу и попутчицу Валю

Под собою ног не чую —

И качается земля...
Третий месяц я бичую,
Так как списан подчистую
С китобоя-корабля.

Ну а так как я бичую,
Беспартийный, не еврей, —
Я на лестницах ночую,
Где тепло от батарей.

Это жизни! Живи и грейся —
Хрен вам, пуля и петля!
Пью, бывает, хочь залейся:
Кореша приходят с рейса —
И гуляют «от рубля»!

Рупь — не деньги, рупь — бумажка,
Экономить — тяжкий грех.
Ах, душа моя тельняшка —
В сорок полос, семь прорех!

Но послал Господь удачу —
Заработал свечку он! —
Увидав, как горько плачу,
Он сказал: «Валяй на Вачу!
Торопись, пока сезон!»

Что такое эта Вача —
Разузнал я у бича, —
Он на Вачу ехал плача —
Возвращался хохоча.

Вача — это речка с мелью
Во глубине сибирских руд,
Вача — это дом с постелью,
Там стараются артелью, —
Много золота берут!

Как вербованный ишачу —
Не ханыжу, не «торчу»...
Взял билет — лечу на Вачу,
Прилечу — похохочу!

Нету золота богаче —
Люди знают, им видней!
В общем, так или иначе,
Заработал я на Ваче
Сто семнадцать трудодней.

Подсчитали, отобрали —
За еду, туда-сюда, —
Но четыре тыщи дали
Под расчет — вот это да!

Рассовал я их в карманы,
Где и рупь не ночевал,
И уехал в жарки страны,
Где кафе да рестораны —
Позабыть, как бичевал.

Выпью — там такая чача! —
За советчика бича:
Я на Вачу ехал плача —
Возвращаюсь хохоча!

...Проводник в преддверье пьянки
Извертелся на пупе,
То же и официантки,
А на первом полустанке
Села женщина в купе.

Может, вам она — как кляча,
Мне — так просто в самый раз!
Я на Вачу ехал плача —
Возвращаюсь веселясь!

То да сё, да трали-вали, —
Как узнала про рубли...
Слово по слову, у Вали
Сотни по столу шныряли —
С Вaley вместе и сошли.

С нею вышла незадача, —
Я и это залечу!
Я на Вачу ехал плача,
Возвращаюсь — хохочу!..

Суток пять — как просквозило, —
Море вот оно — стоит.
У меня что было — сплыло, —
Проводник воротит рыло
И за водкой не бежит.

Рупь последний в Сочи трачу —
Телеграмму накатал:
Шлите денег — отбатрачу,
Я их все прохохотал.

Где вы, где вы, рассыпные, —
Хоть ругайся, хоть кричи!
Снова ваш я, дорогие, —
Магаданские, родные,
Незабвенные бичи!

Мимо носа носят чачу,
Мимо рта — алычу...
Я на Вачу еду, плачу,
Над собою хохочу!

1977

Письмо в редакцию
телевизионной передачи
«Очевидное — невероятное»
из сумасшедшего дома —
с Канатчиковой дачи

Дорогая передача!

Во субботу, чуть не плача,
Вся Канатчикова дача
К телевизору рвалась, —
Вместо чтоб поест, помыться,
Уколоться и забыться,
Вся безумная больница
У экрана собралась.

Говорил, ломая руки,
Краснобай и баламут
Про бессилие науки
Перед тайною Бермуд, —
Все мозги разбил на части,
Все извилины заплел —
И канатчиковы власти
Колют нам второй укол.

Уважаемый редактор!
Может, лучше — про реактор?
Про любимый лунный трактор?!
Ведь нельзя же! — год подряд:
То тарелками пугают —
Дескать, подлые, летают;
То у вас собаки лают,
То руины — говорят!

Мы кой в чем поднаторели:
Мы тарелки бьем весь год —
Мы на них собаку съели, —
Если повар нам не врет.
А медикаментов груды —
В унитаз, кто не дурак.
Это жизнь! И вдруг — Бермуды!
Вот те раз! Нельзя же так!

Мы не сделали скандала —
Нам вождя доставало:
Настоящих буйных мало —
Вот и нету вожаков.
Но на происки и бредни
Сети есть у нас и бредни —
Не испортят нам обедни
Злые происки врагов!

Это их худые черти
Бермутят воду во пруду,
Это все придумал Черчилль
В восемнадцатом году!
Мы про взрывы, про пожары
Сочиняли ноту ТАСС...
Тут примчались санитары —
Зафиксировали нас.

Тех, кто был особо боек,
Прикрутили к спинкам коек —
Бился в пене параноик
Как ведьмак на шабаше:
«Развяжите полотенцы,
Иноверы, изуверцы!
Нам бермutorно на сердце
И бермutorно на душе!»

Сорок душ посменно воют —
Раскалились добела, —

Во как сильно беспокоют
Треугольные дела!
Все почти с ума свихнулись —
Даже кто безумен был, —
И тогда главврач Маргулис
Телевизор запретил.

Вон он, змей, в окне маячит —
За спиною штепсель прячет, —
Подал знак кому-то — значит,
Фельдшер вырвет провода.
Нам осталось уколиться —
И упасть на дно колодца,
И пропасть на дне колодца,
Как в Бермудах, навсегда.

Ну а завтра спросят дети,
Навещая нас с утра:
«Папы, что сказали эти
Кандидаты в доктора?»
Мы откроем нашим чадам
Правду — им не все равно:
«Удивительное рядом —
Но оно запрещено!»

Вон дантист-надомник Рудик —
У него приемник «грундиг», —
Он его ночами крутит —
Ловит, контра, ФРГ.
Он там был купцом по шмуткам —
И подвинулся рассудком, —
К нам попал в волнение жутком
С номерочком на ноге.

Прибежал, взволнован крайне, —
Сообщеньем нас потряс,
Будто — наш научный лайнер
В треугольнике погряз:
Сгинул, топливо истратив,

Весь распался на куски, —
Двух безумных наших братьев
Подобрали рыбаки.

Те, кто выжил в катаклизме,
Пребывают в пессимизме, —
Их вчера в стеклянной призме
К нам в больницу привезли —
И один из них, механик,
Рассказал, сбежав от нянек,
Что Бермудский многогранник —
Незакрытый пуп Земли.

«Что там было? Как ты спасся?» —
Каждый лез и приставал, —
Но механик только трясся
И чинарики стрелял.
Он то плакал, то смеялся,
То щетинился как еж, —
Он над нами издевался, —
Сумасшедший — что возьмешь!

Взвился бывший алкоголик,
Матерщинник и крамольник:
«Надо выпить треугольник!
На троих его! Даешь!»
Разошелся — так и сыпит:
«Треугольник будет выпит! —
Будь он параллелепипед,
Будь он круг, едрена вошь!»

Больно бьют по нашим душам
«Голоса» за тыщи миль, —
Зря «Америку» не глушим,
Зря не давим «Израиль»:
Всей своей враждебной сутью
Подрывают и вредят —

Кормят, поят нас бермутью
Про таинственный квадрат!

Лектора из передачи!
Те, кто так или иначе
Говорят про неудачи
И нервируют народ!
Нас берите, обреченных, —
Треугольник вас, ученых,
Превратит в умалишенных,
Ну а нас — наоборот.

Пусть — безумная идея, —
Не решайте сгоряча.
Отвечайте нам скорее
Через доку главврача!
С уваженьем... Дата. Подпись,
Отвечайте нам — а то,
Если вы не отзоветесь,
Мы напишем... в «Спортлото»!

1977

* * *

*М*не судьба — до последней черты, до креста

Спорить до хрипоты (а за ней — немота),
Убеждать и доказывать с пеной у рта,
Что — не то это вовсе, не тот и не та!
Что — лабазники врут про ошибки Христа,
Что — пока еще в грунт не вляжалась плита, —
Триста лет под татарами — жизнь еще та:
Маета трехсотлетняя и нищета.

Но под властью татар жил Иван Калита,
И уж был не один, кто один против ста.
<Пот> намерений добрых и бунтов тщета,
Пугачевщина, кровь и опять — нищета...
Пусть не враз, пусть сперва не поймут

ни черта, —

Повторю даже в образе злого шута, —
Но не стоит предмет, да и тема не та, —
Суета всех сует — все равно суета.

Только чашу испить — не успеть на бегу,
Даже если разлить — все равно не смогу;
Или выплеснуть в наглую рожу врагу —
Не ломаюсь, не лгу — все равно не могу!
На вертящемся гладком и скользком кругу
Равновесье держу, изгибаюсь в дугу!
Что же с чашею делать?! Разбить — не могу!
Потерплю — и достойного подстерегу:
Передам — и не надо держаться в кругу
И в кромешную тьму, и в неясную згу, —
Другу передоверивши чашу, сбегу!
Смог ли он ее выпить — узнать не смогу.

Я с сошедшими с круга пасусь на лугу,
Я о чаше невыпитой здесь ни гугу —
Никому не скажу, при себе сберегу, —
А сказать — и затопчут меня на лугу.

Я до рвоты, ребята, за вас хлопочу!
Может, кто-то когда-то поставит свечу
Мне за голый мой нерв, на котором кричу,
И веселый манер, на котором шучу...
Даже если сулят золотую парчу
Или порчу грозят напустить — не хочу, —
На ослабленном нерве я не зазвучу —
Я уж свой подтяну, подновлю, подвинчу!
Лучше я загуляю, запью, заторчу,
Все, что ночью кропаю, — в чаду растопчу,
Лучше голову песне своей откручу —
Но не буду скользить, словно пыль по лучу!
...Если все-таки чашу испить мне судьба,
Если музыка с песней не слишком груба,
Если вдруг докажу, даже с пеной у рта, —
Я умру и скажу, что не всё суета!

1978

Из детства

Аркадию Вайнеру

Ах, черная икорочка

Да едкая махорочка!..

А помнишь — кепка, челочка

Да кабаки до трех?..

А чёрненькая Норочка

С подъезда пять — айсорочка?

Глядишь — всего пятерочка,

А вдоль и поперек...

А вся братва одесская...

Два тридцать — время детское.

Куда, ребята, деться, а?

К цыганам в «поплавок»!

Пойдемте с нами, Верочка!..

Цыганская венгерочка!

Пригладь виски, Валерочка,

Да чуть примни сапог!..

А помнишь — вечериночки

У Солиной Мариночки,

Две бывших балериночки

В гостях у пацанов?..

Сплошная безотцовщина:

Война, да и ежовщина, —

А значит — поножовщина,

И годы — до обнов...

На всех клифты казенные —

И флотские, и зонные, —

И братья заблатненные

Имеются у всех.
Потом отцы появятся,
Да очень не понравятся, —
Кой с кем, конечно, справятся,
И то — от сих до сех...

Дворы полны — ну надо же! —
Танго хватает за души, —
Хоть этому, да рады же,
Да вот еще — нагул.
С Малошени — богатые,
Там — шпанцири «поднятые»,
Там и червонцы мятые,
Там Клещ меня пырнул...

А у Толяна Рваного
Братан пришел с «Желанного» —
И жить задумал наново,
А был хитер и смел, —
Да хоть и в этом возрасте,
А были позанозистей, —
Помыкался он в гордости —
И снова загремел...

А всё же брали «соточку»
И бацали чечеточку, —
А ночью взял обмоточку —
И чтой-то завернул...
У матери бессонница —
Все сутки книзу клонится.
Спи! Вдруг чего обломится, —
Небось — не в Барнаул...

* * *

Другу моему
Михаилу Шемякину

Открытые двери

Больниц, жандармерий —
Предельно натянута нить, —
Французские бесы —
Большие балбесы,
Но тоже умеют кружить.

Я где-то точно — наследил, —
Последствия предвижу:
Меня сегодня бес водил
По городу Парижу,
Канючил: «Выпей-ка бокал!
Послушай-ка гитары!» —
Таскал по русским кабакам,
Где — венгры да болгары.
Я рвался на природу, в лес,
Хотел в траву и в воду, —
Но это был — французский бес:
Он не любил природу.
Мы — как сбежали из тюрьмы, —
Веди куда угодно, —
Пьянели и трезвели мы
Всегда поочередно.
И бес водил, и пели мы,
И плакали свободно.

А друг мой — гений всех времен,
Безумец и повеса, —
Когда бывал в сознание он —

Седлал хромого беса.
Трезвея, он вставал под душ,
Изничтожая вялость, —
И бесу наших русских душ
Сгубить не удавалось.
А то, что друг мой сотворил, —
От бога, не от беса, —
Он крупного помола был,
Крутого был замеса.
Его снутри не провернешь
Ни острым, ни тяжелым,
Хотя он огорожен сплошь
Враждебным частоколом.

Пить — наши пьяные умы
Считали делом кровным, —
Чего наговорили мы
И правым и виновным!
Нить порвалась — и понеслась, —
Спасайте наши шкуры!
Больницы плакали по нас,
А также префектуры.
Мы лезли к бесу в кабалу,
С гранатами — под танки, —
Блестели слезы на полу,
А в них тускнели франки.
Цыгане пели нам про шаль
И скрипками качали —
Вливали в нас тоску-печаль, —
По горло в нас печали.

Уж влага из ушей лилась —
Все чушь, глупее чуши, —
Но скрипки снова эту мразь
Заталкивали в души.
Армян в браслетах и серьгах
Икрой кормили где-то,
А друг мой в черных сапогах —

Стрелял из пистолета.
Набрякли жилы, и в крови
Образовались сгустки, —
И бес, сидевший визави,
Хихикал по-французски.
Всё в этой жизни — суета, —
Плевать на префектуры!
Мой друг подписывал счета
И раздавал купюры.

Распахнуты двери
Больниц, жандармерий —
Предельно натянута нить, —
Французские бесы —
Такие балбесы! —
Но тоже умеют кружить.

1978

Письмо к другу, или зарисовка о Париже

Ах, милый Ваня! Я гуляю по Парижу —

то, что слышу, и то, что вижу, —
Пишу в блокнотик, впечатлениям вдогонку:
Когда состарюсь — издам книжонку

Про то, что, Ваня, мы с тобой в Париже
Нужны — как в бане пассатижи.

Все эмигранты тут второго поколения —
От них сплошные недоразуменья:
Они всё путают — и имя, и названья, —
И ты бы, Ваня, у них был — «Ванья».

А в общем, Ваня, мы с тобой в Париже
Нужны — как в русской бане лыжи!

Я сам завел с француженкою шашни,
Мои друзья теперь — и Пьер, и Жан.
Уже плевал я с Эйфелевой башни
На головы беспечных парижан!

Проникновенье наше по планете
Особенно заметно вдалеке:
В общественном парижском туалете
Есть надписи на русском языке!

1978

I. Охота на волков

Рвусь из сил — и из всех сухожилий,

Но сегодня — опять как вчера:
Обложили меня, обложили —
Гонят весело на номера!

Из-за елей хлопочут дустволки —
Там охотники прячутся в тень, —
На снегу кувыркаются волки,
Превратившись в живую мишень.

Идет охота на волков, идет охота —
На серых хищников, матерых и щенков!
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты,
Кровь на снегу — и пятна красные флажков.

Не на равных играют с волками
Егеря — но не дрогнет рука, —
Оградив нам свободу флажками,
Бьют уверенно, наверняка.

Волк не может нарушить традиций, —
Видно, в детстве — слепые щенки —
Мы, волчата, сосали волчицу
И всосали: нельзя за флажки!

И вот — охота на волков, идет охота, —
На серых хищников, матерых и щенков!
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты,
Кровь на снегу — и пятна красные флажков.

Наши ноги и челюсти быстры, —
Почему же, вожак, — дай ответ —
Мы затравленно мчимся на выстрел
И не пробуем — через запрет?!

Волк не может, не должен иначе.
Вот кончается время мое:
Тот, которому я предназначен,
Улыбнулся — и поднял ружье.

Идет охота на волков, идет охота —
На серых хищников, матерых и щенков!
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты,
Кровь на снегу — и пятна красные флажков.

Я из повиновения вышел —
За флажки, — жажда жизни сильней!
Только сзади я радостно слышал
Удивленные крики людей.

Рвусь из сил — и из всех сухожилий,
Но сегодня не так, как вчера:
Обложили меня, обложили —
Но остались ни с чем егеря!

Идет охота на волков, идет охота —
На серых хищников, матерых и щенков!
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты,
Кровь на снегу — и пятна красные флажков.

II. Конец «Охоты на волков», или охота с вертолетов

Михаилу Шемякину

Словно бритва, рассвет полоснул по глазам,

Отворились курки, как волшебный сезам,
Появились стрелки, на помине легки, —
И взлетели стрекозы с протухшей реки,
И потеха пошла — в две руки, в две руки!

Вы легли на живот и убрали клыки.
Даже тот, даже тот, кто нырял под флажки,
Чуял волчьи ямы подушками лап;
Тот, кого даже пуля догнать не могла б, —
Тоже в страхе взопрел и прилег — и ослаб.

Чтобы жизнь улыбалась волкам — не слышал, —
Зря мы любим ее, однолюбы.
Вот у смерти — красивый широкий оскал
И здоровые, крепкие зубы.

Улыбнемся же волчьей ухмылкой врагу —
Псам еще не намылены холки!
Но — на татуированном кровью снегу
Наша роспись: мы больше не волки!

Мы ползли, по-собачьи хвосты подобрал,
К небесам удивленные морды задрал:
Либо с неба возмездье на нас пролилось,
Либо света конец — и в мозгах перекош, —
Только били нас в рост из железных стрекоз.

Кровью вымокли мы под свинцовым дождем —
И смирились, решив: все равно не уйдем!
Животами горячими плавил снег.
Эту бойню затеял не Бог — человек:
Улетающим — влет, убегающим — в бег...

Свора псов, ты со стаей моей не вяжись,
В равной сваре — за нами удача.
Волки мы — хороша наша волчья жизнь,
Вы собаки — и смерть вам собачья!

Улыбнемся же волчьей ухмылкой врагу —
Чтобы в корне пресечь кривотолки!
Но — на татуированном кровью снегу
Наша роспись: мы больше не волки!

К лесу — там хоть немногих из вас сберегу!
К лесу, волки, — труднее убить на бегу!
Уносите же ноги, спасайте щенков!
Я мечусь на глазах полупьяных стрелков
И скликаю заблудшие души волков.

Те, кто жив, затаились на том берегу.
Что могу я один? Ничего не могу!
Отказали глаза, притупилось чутье...
Где вы, волки, бывшее лесное зверье,
Где же ты, желтоглазое племя мое?! ^

...Я живу, но теперь окружают меня
Звери, волчьих не знавшие кличей, —
Это псы, отдаленная наша родня,
Мы их раньше считали добычей.

Улыбаюсь я волчьей ухмылкой врагу —
Обнажаю гнилые осколки.
Но — на татуированном кровью снегу
Таёт роспись: мы больше не волки!

Летела жизнь

Я сам с Ростова, я вообще подкидыш —

Я мог бы быть с каких угодно мест, —
И если ты, мой Бог, меня не выдашь,
Тогда моя Свинья меня не съест.

Живу — везде, сейчас, к примеру, — в Туле.
Живу — и не считаю ни потерь, ни барышей.
Из детства помню детский дом в ауле
В республике чечено-ингушей.

Они нам детских душ не загубили,
Делили с нами пищу и судьбу.
Летела жизнь в плохом автомобиле
И вылетала с выхлопом в трубу.

Я сам не знал, в кого я воспитаюсь,
Любил друзей, гостей и анашу.
Теперь чуть что, чего — за нож хватаюсь, —
Которого, по счастью, не ношу.

Как сбитый куст я по ветру волокся,
Питался при дороге, помня зло, но и добро.
Я хорошо усвоил чувство локтя —
Который мне совали под ребро.

Бывал я там, где и другие были, —
Все те, с кем резал пополам судьбу.
Летела жизнь в плохом автомобиле
И вылетала с выхлопом в трубу.

Нас закаляли в климате морозном,
Нет никому ни в чем отказа там.
Так что чечены, жившие при Грозном,
Намылились с Кавказа в Казахстан.

А там — Сибирь — лафа для брадобреев:
Скопление народов и нестриженных бичей, —
Где место есть для зэков, для евреев
И недоистребленных басмачей.

В Анадыре что надо мы намыли,
Нам там ломы ломали на горбу.
Летела жизнь в плохом автомобиле
И вылетала с выхлопом в трубу.

Мы пили всё, включая политуру, —
И лак, и клей, стараясь не взболтнуть.
Мы спиртом обманули пулю-дуру —
Так, что ли, умных нам не обмануть?!

Пью водку под орехи для потехи,
Коньяк под плов с узбеками, по-ихнему — пилав, —
В Норильске, например, в горячем цехе
Мы пробовали пить стальной расплав.

Мы дыры в деснах золотом забили,
Состарюсь — выну — денег наскребу.
Летела жизнь в плохом автомобиле
И вылетала с выхлопом в трубу.

Какие песни пели мы в ауле!
Как прыгали по скалам нагишом!
Пока меня с пути не завернули,
Писался я чечено-ингушом.

Одним досталась рана ножевая,
Другим — дела другие, ну а третьим —
третья треть...

Сибирь, Сибирь — держава бичевая, —
Где есть где жить и есть где помереть.

Я был кудряв, но кудри истребили —
Семь пядей из-за лысины во лбу.
Летела жизнь в плохом автомобиле
И вылетала с выхлопом в трубу.

Воспоминанья только потревожь я —
Всегда одно: «На помощь! Караул!..»
Вот бьют чеченов немцы из Поволжья,
А место битвы — город Барнаул.

Когда дошло почти до самосуда,
Я встал горой за горцев, чье-то горло теребя, —
Те и другие были не отсюда,
Но воевали — словно за себя.

А те, кто нас на подвиги подбили,
Давно лежат и корчатся в гробу, —
Их всех свезли туда в автомобиле,
А самый главный — вылетел в трубу.

1978

Райские яблоки

Я когда-то умру — мы когда-то всегда умираем, —

Как бы так угадать, чтоб не сам — чтобы
в спину ножом:

Убиенных щадят, отпевают и балуют раем, —
Не скажу про живых, а покойников мы бережем.

В грязь ударю лицом, завалюсь покрасивее на бок —
И ударит душа на ворованных клячах в галоп,
В дивных райских садах наберу бледно-розовых
яблок...

Жаль, сады сторожат и стреляют без промаха в лоб.

Прискакали — гляжу — пред очами не райское
что-то:
Неродящий пустырь и сплошное ничто — беспредел.
И среди ничего возвышались литые ворота,
И огромный этап — тысяч пять — на коленях сидел.

Как ржанет коренной! Я смирил его ласковым
словом,
Да репы из мочал еле выдрал и гриву заплел.
Седовласый старик слишком долго возился
с засовом —

И кряхтел, и ворчал, и не смог отворить — и ушел.

И измученный люд не издал ни единого стона,
Лишь на корточки вдруг с онемевших колен пересел.
Здесь малина, братва, — нас встречают малиновым
звоном!

Все вернулось на круг, и распятый над кругом висел.

Всем нам блага подай, да и много ли требовал
я благ?!

Мне — чтоб были друзья, да жена — чтобы пала
на гроб, —

Ну а я уж для них наберу бледно-розовых яблок...
Жаль, сады сторожат и стреляют без промаха в лоб.

Я узнал старика по слезам на щеках его дряблых:
Это Петр Святой — он апостол, а я — остолоп.
Вот и кущи-сады, в коих прорва мороженных яблок...
Но сады сторожат — и убит я без промаха в лоб.

И погнал я коней прочь от мест этих гиблых
и зяблых, —

Кони просят овсу, но и я закусил удила.
Вдоль обрыва с кнутом по-над пропастью
пазуху яблок

Для тебя я везу: ты меня и из рая ждала!

Лекция о международном положении,
прочитанная человеком, посаженным
на 15 суток за мелкое хулиганство,
своим сокамерникам

Я вам, ребята, на мозги не капаю,

Но вот он перегиб и парадокс:
Ковой-то выбирают римским папою —
Ковой-то запирают в тесный бокс.

Там все места — блатные расхватили и
Пришипелись, надеясь на авось, —
Тем временем во всей честной Италии
На папу кандидата не нашлось.

Жаль, на меня не вовремя накинули аркан, —
Я б засосал стакан — и в Ватикан!

Церковники хлебальники разинули,
Замешкался маленько Ватикан, —
Мы тут им папу римского подкинули —
Из наших, из поляков, из славян.

Сижу на нарах я, в Наро-Фоминске я.
Когда б ты знала, жизнь мою губя,
Что я бы мог бы выйти в папы римские, —
А в мамы взять — естественно, тебя!

Жаль, на меня не вовремя накинули аркан, —
Я б засосал стакан — и в Ватикан!

При власти, при деньгах ли, при короне ли —
Судьба людей швыряет как котят.
Но как мы место шаха проворожили?!
Нам этого потомки не простят!

Шах расписался в полном неумении —
Вот тут его возьми и замени!
Где взять? У нас любой второй в Туркмении —
Аятолла и даже Хомейни.

Всю жизнь мою в ворота бью рогами,
как баран, —
А мне бы взять Коран — и в Тегеран!

В Америке ли, в Азии, в Европе ли —
Тот нездоров, а этот вдруг умрет...
Вот место Голды Меир мы прохлопали, —
А там — на четверть бывший наш народ.

Плывут у нас по Волге ли, по Каме ли
Таланты — все при шпаге, при плаще, —
Руслан Халилов, мой сосед по камере, —
Там Мао делать нечего вообще!

1979

Рос. 10 N

— А. Н. Шайхитдинов. Стихи. — М.: Советский писатель, 1979. — 128 с. — (Библиотека поэта).
В книге — 10 стихов, 10 песен, 10 баллад. Стихи — 10, песни — 10, баллады — 10.
Стихи: 1. Стихи. 2. Стихи. 3. Стихи. 4. Стихи. 5. Стихи. 6. Стихи. 7. Стихи. 8. Стихи. 9. Стихи. 10. Стихи.
Песни: 1. Песни. 2. Песни. 3. Песни. 4. Песни. 5. Песни. 6. Песни. 7. Песни. 8. Песни. 9. Песни. 10. Песни.
Баллады: 1. Баллады. 2. Баллады. 3. Баллады. 4. Баллады. 5. Баллады. 6. Баллады. 7. Баллады. 8. Баллады. 9. Баллады. 10. Баллады.

I. Москва — Одесса

В который раз лечу Москва — Одесса, —

Опять не выпускают самолет.
А вот прошла вся в синем стюардесса
как принцесса —
Надежная, как весь гражданский флот.

Над Мурманском — ни туч, ни облаков,
И хоть сейчас лети до Ашхабада,
Открыты Киев, Харьков, Кишинев,
И Львов открыт, — но мне туда не надо!

Сказали мне: «Сегодня не надейся —
Не стоит уповать на небеса!»
И вот опять дают задержку рейса на Одессу
Теперь — обледенела полоса.

А в Ленинграде — с крыши потекло, —
И что мне не лететь до Ленинграда?!
В Тбилиси — там все ясно, там тепло,
Там чай растет — но мне туда не надо!

Я слышу: ростовчане вылетают, —
А мне в Одессу надо позарез!
Но надо мне туда, куда меня не принимают, —
И потому откладывают рейс.

Мне надо — где сугробы намело,
Где завтра ожидают снегопада!..
А где-нибудь все ясно и светло —
Там хорошо — но мне туда не надо!

Отсюда не пускают, а туда не принимают, —
Несправедливо — грустно мне, — но вот
Нас на посадку скучно стюардесса приглашает,
Доступная, как весь гражданский флот.

Открыли самый дальний закуток,
В который не заманят и награды,
Открыт закрытый порт Владивосток,
Париж открыт — но мне туда не надо!

Взлетим мы, распогодится — теперь запреты
снимут!

Напрягся лайнер, слышен визг турбин...
А я уже не верю ни во что — меня не примут, —
Опять найдется множество причин.

Мне надо — где метели и туман,
Где завтра ожидают снегопада!..
Открыли Лондон, Дели, Магадан —
Открыто все — но мне туда не надо!

Я прав, хоть плачь, хоть смейся, — но опять
задержка рейса —

И нас обратно к прошлому ведет
Вся стройная, как «Ту», та стюардесса
мисс Одесса, —

Похожая на весь гражданский флот.

Опять дают задержку до восьми —
И граждане покорно засыпают...
Мне это надоело, черт возьми, —
И я лечу туда, где принимают!

II. Через десять лет

Еще бы — не бояться мне полетов,

Когда начальник мой, Е. Б. Изотов,
Жалея вроде, колет как игла:
«Эх, — говорит, — бедняга!
У них и то в Чикаго
Три дня назад авария была!..»

Хотя бы сплюнул: всё же люди — братья,
И мы вдвоем и не под кумачом, —
Но знает, черт, и так для предприятия
Я — хоть куда, хоть как и хоть на чем!

Мне не страшно: я навеселе, —
Чтоб по трапу пройти не моргнув,
Тренируюсь, уже на земле
Туго-натуго пояс стянув.

Но, слава богу, я не вылетаю —
В аэропорте время коротаю
Еще с одним таким же — побратим, —
Мы пьем седьмую за день
За то, что все мы сядем,
И может быть — туда, куда летим.

Пусть в ресторане не дают навынос,
Там радио молчит — там благодать, —
Вбежит швейцар и рявкнет: «Кто на
Вильнюс!..
Спокойно продолжайте выпивать!»

Мне летать — острый нож и петля:
Ни поест, ни распить, ни курнуть,
И еще — безопасности для —
Должен я сам себя пристегнуть!

У автомата — в нем ума палата —
Стою я, улыбаюсь глуповато:
 Такое мне ответил автомат!..
Невероятно — в Ейске —
Почти по-европейски:
 Свобода слова, — если это мат.

Мой умный друг к полудню стал ломаться —
Уже наряд милиции зовут:
Он гнул винты у «Ила-18»
И требовал немедля парашют.

Я приятеля стал вразумлять:
«Паша, Пашенька, Паша, Пашут!
Если нам по чуть-чуть добавлять,
Так на кой тебе шут парашют!..»

Он пояснил — такие врать не станут:
Летел он раз, ремнями не затянут,
 Вдруг — взрыв! Но он был к этому готов:
И тут нашел лазейку —
Расправил телогрейку
 И приземлился в клумбу от цветов...

Мы от его рассказа обалдели!
А здесь всё переносят — и не зря —
Все рейсы за последние недели
На завтра — тридцать третье декабря.

Я напрасно верчусь на пупе,
Я напрасно волнуюсь вообще:
Если в воздухе будет ЧП —
Приземлюсь на китайском плаще!

Но, смутно беспокойство ощущая,
Припоминаю: вышел без плаща я, —
Ну что ж ты натворила, Кать, а Кать!
Вот только две соседки —
С едой всучили сетки,
А сетки воздух будут пропускать...

Мой вылет объявили, что ли? Я бы
Не встал — теперь меня не подымай!
Я слышу: «Пассажиры на ноябрь!
Ваш вылет переносится на май!»

Зря я дергаюсь: Ейск не Бейрут, —
Пассажиры спокойней ягнят,
Террористов на рейс не берут,
Неполадки к весне устранят.

Считайте меня полным идиотом,
Но я б и там летал Аэрофлотом:
У них — гуд бай — и в небо, хошь
не хошь.

А здесь — сиди и грейся:
Всегда задержка рейса, —
Хоть день, а все же лишний проживешь!

Мы взяли пунш и кожу индюка — бр-р!
Снуем теперь до ветру в темноту:
Удобства — во дворе, хотя — декабрь,
И Новый год — летит себе на «Ту».

Друг мой честью клянется спьяна,
Что он всех, если надо, сместит.
«Как же так, — говорит, — вся страна
Никогда никуда не летит!..»

...А в это время гдей-то в Красноярске,
На кафеле рассевшись по-татарски,
О промедленье вовсе не скорбя,

Проводит сутки третьи
С шампанским в туалете
Сам Новый год — и пьет сам за себя!

Помешивая воблюю в бокале,
Чтоб вышел газ — от газа он блюет, —
Сидит себе на аэровокзале
И ждет, когда наступит новый год.

Но в Хабаровске рейс отменен —
Там надежно засел самолет, —
Потому-то и новых времен
В нашем городе не настает!

1979

Грусть моя, тоска моя

Вариации на цыганские темы

Шел я, брел я, наступал то с пятки, то с носка, —

Чувствую — дышу и хорошею...
Вдруг тоска змеиная, зеленая тоска,
Изловчась, мне прыгнула на шею.

Я ее и знать не знал, меняя города, —
А она мне шепчет: «Как ждала я!..»
Как теперь? Куда теперь? Зачем да и когда?
Сам связался с нею, не желая.

Одному идти — куда ни шло, еще могу, —
Сам себе судья, хозяин-барин.
Впрягся сам я вместо коренного под дугу, —
С виду прост, а изнутри — коварен.

Я не клеветшу, подобно вредному клещу
Впился сам в себя, трясу за плечи,
Сам себя бичую я и сам себя хлещу, —
Так что — никаких противоречий.

Одари, судьба, или за деньги отоварь! —
Буду дань платить тебе до гроба.
Грусть моя, тоска моя — чахоточная тварь, —
До чего ж живучая хвороба!

Поутру не пикнет — как бичами ни бичуй,
Ночью — бац! — со мной на боковую.
С кем-нибудь другим хотя бы ночь переночуй, —
Гадом буду, я не приревную!

1980

* * *

Люди говорили морю: «До свиданья»,

Чтоб приехать вновь они могли —
В воду медь бросали, загадав желанья, —
Я ж бросал тяжелые рубли.

Может, это глупо, может быть — не нужно, —
Мне не жаль их — я ведь не Гобсек.
Ну а вдруг найдет их совершенно чуждый
По мировоззренью человек!

Он нырнет, отыщет, радоваться будет,
Удивляться первых пять минут, —
После злиться будет: «Вот ведь, — скажет, — люди!
Видно, денег куры не клюют».

Будет долго мыслить головою бычей:
«Пятаки — понятно — это медь.
Ишь — рубли кидают, — завели обычай!
Вот бы, гаду, в рожу посмотреть!»

Что ж, гляди, товарищ! На, гляди, любуйся!
Только не дожدهшься, чтоб сказал —
Что я здесь оставил, как хочу вернуться,
И тем боле — что я загадал!

<1962 или 1963>

* * *

Экспресс Москва — Варшава, тринадцатое место, —

В приметы я не верю — приметы ни при чем:
Ведь я всего до Минска, майор — всего до Бреста, —
Толкуем мы с майором, и каждый — о своем.

Я ему про свои неполадки,
Но ему незнакома печаль:
Материально — он в полном порядке,
А морально... Плевать на мораль!

Майор неразговорчив — кончал войну солдатом, —
Но я ему от сердца — и потеплел майор.
Но через час мы оба пошли ругаться матом,
И получился очень конкретный разговор.

Майор чуть-чуть не плакал, что снова уезжает,
Что снова под Берлином еще на целый год:
Ему без этих немцев своих забот хватает, —
Хотя бы воевали, а то — наоборот...

Майор сентиментален — не выдержали нервы:
Жена ведь провожала, — я с нею говорил.
Майор сказал мне после: «Сейчас не сорок первый,
А я — поверишь, парень! — как снова пережил».

1966

* * *

Что сегодня мне суды и заседания —

Мчусь галопом, закусивши удила:
У меня приехал друг из Магадана —
Так какие же тут могут быть дела!

Он привез мне про колымскую столицу небылицы, —
Ох, чего-то порасскажет он под водку мне
в охотку! —

Может, даже прослезится долгожданная девица —
Комом в горле ей рассказы про Чукотку.

Не начну сегодня нового романа,
Плюнь в лицо от злости — только вытрешь я:
У меня не каждый день из Магадана
Приезжают мои лучшие друзья.

Спросит он меня, конечно, как ребятки, —
всё в порядке! —

И предложит рюмку водки без опаски — я в завязке.
А потом споем на пару — ну конечно, дай гитару! —
«Две гитары», или нет — две новых сказки.

Не уйду — пускай решит, что прогадала, —
Ну и что же, что она его ждала:
У меня приехал друг из Магадана —
Попрошу не намекать, — что за дела!

Он приехал не на день — он все успеет, — он умеет! —
У него на двадцать дней командировка —
правда, ловко?

Он посмотрит все хоккей — поболееет, похудеет, —
У него к большому старту подготовка.

Он стихов привез небось — два чемодана, —
Хорошо, что есть кому его встречать!
У меня приехал друг из Магадана, —
Хорошо, что есть откуда приезжать!

1966

* * *

Подымайте руки,

в урны суйте
Бюллетени, даже не читав, —
Помереть от скуки!
Голосуйте,
Только, чур, меня не приплюсуйте:
Я не разделяю ваш устав!

<1967>

Забыли

Икона висит у них в левом углу —

Наверно, они молокане, —
Лежит мешковина у них на полу,
Затоптанная каблуками.

Кровати да стол — вот и весь их уют, —
И две — в прошлом винные — бочки, —
Я словно попал в инвалидный приют —
Прохожий в крахмальной сорочке.

Мне дали вино — и откуда оно! —
На рубль — два здоровых кувшина, —
А дед — инвалид без зубов и без ног —
Глядел мне просительно в спину.

«Желаю удачи!» — сказал я ему.
«Какая там на хрен удача!»
Мы выпили с ним, посидели в дыму, —
И начал он сразу, и начал!..

«А что, — говорит, — мне дала эта власть
За зубы мои и за ноги!
А дел — до черта, — напиваешься всласть —
И роешь культами дороги.

Эх, были бы ноги — я б больше успел,
Обил бы я больше порогов!
Да толку, я думаю, — дед просипел, —
Да толку б и было немного».

«Что надобно, дед?» — я спросил старика.
«А надобно самую малость:
Чтоб — бог с ним, с ЦК, — но хотя бы ЧК
Судьбою интересовалась...»

<1967>

* * *

Запретили все цари всем царевичам

Строго-настрого ходить

по Гуревичам,

К Рабиновичам не смей, тоже — к Шифманам, —
Правда, Шифманы нужны лишь для рифмы нам.

В основном же речь идет за Гуревичей —
Царский род ну так и прет к ихней девичьей:
Там три дочки, три сестры, три красавицы —
За царевичей цари опасаются.

И Гуревичи всю жизнь озабочены —
Хоть живьем в гроба ложись из-за доченек!
Не устали бы про них песню петь бы мы,
Но назвали всех троих дочек ведьмами.

И сожгли всех трех — цари — их умеючи, —
И рыдали до зари все царевичи,
Не успел растаять дым от костров еще,
А царевичи пошли к Рабиновичам.

Там три дочки, три сестры, три красавицы —
И опять, опять цари опасаются.
Ну а Шифманы смекнули — и Жмеринку
Вмиг покинули, — махнули в Америку.

<1967 или 1968>

* * *

*М*аринка, слушай, милая Маринка,

Кровиночка моя и половинка, —
Ведь если разорвать, то — рубль за сто —
Вторая будет совершать не то!

Маринка, слушай, милая Маринка,
Прекрасная, как детская картинка!
Ну кто сейчас ответит — что есть то?
Ты, только ты, ты можешь — и никто!

Маринка, слушай, милая Маринка,
Далекая, как в сказке Метерлинка,
Ты — птица моя синяя вдали, —
Вот только жаль — ее в раю нашли!

Маринка, слушай, милая Маринка,
Загадочная, как жилище инка,
Идем со мной! Куда-нибудь, идем, —
Мне все равно куда, но мы найдем!

Поэт — и слово долго не стареет —
Сказал: «Россия, Лета, Лорелея», —
Россия — ты, и Лета, где мечты.
Но Лорелея — нет. Ты — это ты!

1969

* * *

Я все чаще думаю о судьях, —

Я такого не предполагал:
Если обниму ее при людях —
Будет политический скандал!

Будет тон в печати комедийный,
Я представлен буду чудаком, —
Начал целоваться с беспартийной,
А теперь целуюсь — с вожакom!

Трубачи, валяйте — дуйте в трубы!
Я еще не сломлен и не сник:
Я в ее лице целую в губы —
Общество «Франс-Юньон Советик»!

<Между 1968 и 1970>

Энгибарову — от зрителей

Шут был вор: он воровал минуты —

Грустные минуты, тут и там, —
Грим, парик, другие атрибуты
Этот шут дарил другим шутам.

В светлом цирке между номерами
Незаметно, тихо, налегке
Появлялся клоун между нами
В иногда дурацком колпаке.

Зритель наш шутами избалован —
Жаждет смеха он, потряхнув мошной,
И кричит: «Да разве это клоун!
Если клоун — должен быть смешной!»

Вот и мы... Пока мы вслух ворчали:
«Вышел на арену — так смеши!» —
Он у нас тем временем печали
Вынимал тихонько из души.

Мы опять в сомнение — век двадцатый:
Цирк у нас, конечно, мировой, —
Клоун, правда, слишком мрачноватый —
Невеселый клоун, не живой.

Ну а он, как будто в воду канув,
Вдруг при свете, нагло, в две руки
Крал тоску из внутренних карманов
Наших душ, одетых в пиджаки.

Мы потом смеялись обалдело,
Хлопали, ладони раздробя.
Он смешного ничего не делал, —
Горе наше брал он на себя.

Только — балагурия, тараторя —
Все грустнее становился мим:
Потому что груз чужого горя
По привычке он считал своим.

Тяжелы печали, ошутимы —
Шут сгибался в световом кольце, —
Делались всё горше пантомимы,
И морщины — глубже на лице.

Но тревоги наши и невзгоды
Он горстями выгребал из нас —
Будто обезболивал нам роды, —
А себе — защиты не припас.

Мы теперь без боли хохотали,
Весело по нашим временам:
Ах, как нас приятно обокрали —
Взяли то, что так мешало нам!

Время! И, разбив себе колени,
Уходил он, думая свое.
Рыжий воцарился на арене,
Да и за пределами ее.

Злое наше вынес добрый гений
За кулисы — вот нам и смешно.
Вдруг — весь рой украденных мгновений
В нем сосредоточился в одно.

В сотнях тысяч ламп погасли свечи.
Барабана дробь — и тишина...
Слишком много он взвалил на плечи
Нашего — и сломана спина.

Зрители — и люди между ними —
Думали: вот пьяница упал...
Шут в своей последней пантомиме
Заигрался — и переиграл.

Он застыл — не где-то, не за морем —
Возле нас, как бы прилег, устав, —
Первый клоун захлебнулся горем,
Просто сил своих не рассчитав.

Я шагал вперед неумоимо,
Но успев склониться перед ним.
Этот трюк — уже не пантомима:
Смерть была — царица пантомим!

Этот вор, с коленей срезав путы,
По ночам не угонял коней.
Умер шут. Он воровал минуты —
Грустные минуты у людей.

Многие из нас бахвальства ради
Не давались: проживем и так!
Шут тогда подкрадывался сзади
Тихо и бесшумно — на руках...

Сгинул, канул он — как ветер сдунул!
Или это шутка чудака?..
Только я колпак ему — придумал, —
Этот клоун был без колпака.

Мой Гамлет

Я только малость объясню в стихе —

На все я не имею полномочий...
Я был зачат как нужно, во грехе —
В поту и в нервах первой брачной ночи.

Я знал, что, отрываясь от земли, —
Чем выше мы, тем жестче и суровой;
Я шел спокойно прямо в короли
И вел себя наследным принцем крови.

Я знал — все будет так, как я хочу,
Я не бывал внакладе и в уроне,
Мои друзья по школе и мечу
Служили мне, как их отцы — короне.

Не думал я над тем, что говорю,
И с легкостью слова бросал на ветер, —
Мне верили и так, как главарю,
Все высокопоставленные дети.

Пугались нас ночные сторожа,
Как оспую, болело время нами.
Я спал на кожах, мясо ел с ножа
И злую лошадь мучил стремями.

Я знал — мне будет сказано: «Царуй!» —
Клеймо на лбу мне рок с рожденья выжег.
И я пьянел среди чеканных сбруй,
Был терпелив к насилью слов и книжек.

Я улыбаться мог одним лишь ртом,
А тайный взгляд, когда он зол и горек,
Умел скрывать, воспитанный шутлом, —
Шут мертв теперь: «Амины!» Бедняга Йорик!..

Но отказался я от дележа
Наград, добычи, славы, привилегий:
Вдруг стало жаль мне мертвого пажу,
Я объезжал зеленые побеги...

Я позабыл охотничий азарт,
Возненавидел и борзых и гончих,
Я от подранка гнал коня назад
И плетью бил загонщиков и ловчих.

Я видел — наши игры с каждым днем
Всё больше походили на бесчинства, —
В проточных водах по ночам, тайком
Я отмывался от дневного свинства.

Я прозревал, глупея с каждым днем,
Я прозевал домашние интриги.
Не нравился мне век, и люди в нем
Не нравились, — и я зарылся в книги.

Мой мозг, до знаний жадный как паук,
Все постигал: недвижность и движенье, —
Но толка нет от мыслей и наук,
Когда повсюду — им опроверженье.

С друзьями детства перетерлась нить,
Нить Ариадны оказалась схемой.
Я бился над словами «быть, не быть»,
Как над неразрешимой дилеммой.

Но вечно, вечно плещет море бед, —
В него мы стрелы мечем — в сито просо,
Отсеивая призрачный ответ
От вычурного этого вопроса.

Зов предков слыша сквозь затихший гул,
Пошел на зов, — сомненья крались с тылу,
Груз тяжких дум наверх меня тянул,
А крылья плоти вниз влекли, в могилу.

В непрочный сплав меня спаяли дни —
Едва застыв, он начал расползаться.
Я пролил кровь как все — и, как они,
Я не сумел от мести отказаться.

А мой подъем пред смертью — есть провал.
Офелия! Я тленья не приемлю.
Но я себя убийством уравнил
С тем, с кем я лег в одну и ту же землю.

Я Гамлет, я насилие презирал,
Я наплевал на датскую корону, —
Но в их глазах — за трон я глотку рвал
И убивал соперника по трону.

Но гениальный всплеск похож на бред,
В рожденье смерть проглядывает косо.
А мы всё ставим каверзный ответ
И не находим нужного вопроса.

1972

Я к вам пишу

Спасибо вам, мои корреспонденты —

Все те, кому ответить я не смог, —
Рабочие, узбеки и студенты —
Все, кто писал мне письма, — дай вам Бог!

Дай Бог вам жизни две
И друга одного,
И света в голове,
И доброго всего!

Найдя стократно вытертые ленты,
Вы хрип мой разбирали по слогам.
Так дай же Бог, мои корреспонденты,
И сил в руках, да и удачи вам!

Вот пишут — голос мой не одинаков:
То хриплый, то надрывный, то глухой.
И просит население бараков:
«Володя, ты не пой за упокой!»

Но что поделать, если я не звонок, —
Звонят другие — я хриплю слова.
Обилие некачественных пленок
Вредит мне даже больше, чем молва.

Вот спрашивают: «Попадал ли в плен ты?»
Нет, не бывал — не воевал ни дня!
Спасибо вам, мои корреспонденты,
Что вы неверно поняли меня!

Друзья мои — жаль, что не боевые —
От моря, от станка и от сохи, —
Спасибо вам за присланные — злые
И даже неудачные стихи.

Вот я читаю: «Вышел ты из моды.
Сгинь, сатана, изыди, хриплый бес!
Как глупо, что не месяцы, а годы
Тебя превозносили до небес!»

Еще письмо: «Вы умерли от водки!»
Да, правда, умер — но потом воскрес.
«А каковы доходы ваши все-таки?
За песню трешник — вы же просто крез!»

За письма высочайшего пошиба:
Идите, мол, на Темзу и на Нил, —
Спасибо, люди добрые, спасибо, —
Что не жалели ночи и чернил!

Но только я уже бывал на Темзе,
Собакою на Сене восседал.
Я не грублю, но отвечаю тем же, —
А писем до конца не дочитал.

И ваши похвалы и комплименты,
Авансы мне — не отфутболю я:
От ваших строк, мои корреспонденты,
Прямеет путь и сохнет колея.

Сержанты, моряки, интеллигенты, —
Простите, что не каждому ответ:
Я вам пишу, мои корреспонденты,
Ночами песни — вот уж десять лет!

* * *

*Ж*ил-был один чудака, —

Он как-то раз, весной,
Сказал чуть-чуть не так —
И стал невыездной.

А может, что-то спел не то
По молодости лет,
А может, выпил два по сто
С кем выпивать не след.

Он письма отправлял —
Простым и заказным,
И не подозревал,
Что стал невыездным.

Да и не собирался он
На выезд никуда —
К друзьям лишь ездил на поклон
В другие города.

На сплетни он махнул
Свободною рукой, —
Сидел и в ус не дул
Чудака невыездной.

С ним вежливы, на «вы» везде,
Без спущенных забрал,
Подписку о невыезде
Никто с него не брал.

Он в карточной игре
Не гнался за игрой —
Всегда без козырей
И вечно «без одной».

И жил он по пословице:
Хоть эта мысль не та —
Все скоро обеззlobится
И встанет на места.

И он пером скрипел —
То злее, то добрей, —
Писал себе и пел
Про всяческих зверей:

Что, мол, сбежал гиппопотам
С Египта в Сомали —
Хотел обосноваться там,
Да высох на мели.

Но строки те прочлись
Кому-то поутру —
И, видимо, пришлись
С утра не по нутру.

Должно быть, между строк прочли,
Что бегемот — не тот,
Что Сомали — не Сомали,
Что всё наоборот.

Прочли, от сих до всех
Разрыв и перерыв,
Закрыли это в сейф,
И все — на перерыв.

Чудак пил кофе натошак —
Такой же заводной, —
Но для кого-то был чудак
Уже невыездной.

...Пришла пора — а то
Он век бы не узнал,
Что он совсем не то,
За что себя считал.

И, после нескольких атак,
В июльский летний зной
Ему сказали: «Ты, чудак,
Давно невыездной!»

Другой бы, может, и запил —
А он махнул рукой:
«Что я, — когда и Пушкин был
Всю жизнь невыездной!»

1973

* * *

Как во городе во главном,

Как известно — златоглавом,
В белокаменных палатах,
Знаменитых на весь свет,
Выразители эпохи —
Лицедей-скоморохи,
У кого дела неплохи, —
Собрались на банкет.

Для веселья — есть причина:
Ну, во-первых — дармовщина,
Во-вторых — любой мужчина
Может даму пригласить
И, потискав, даму эту
По паркету весть к буфету,
И без денег — по билету
Накормить и напоить.

И стоят в дверном проеме
На великом том приеме
На дежурстве, как на стреме,
Тридцать три богатыря, —
Им потеха — где шумиха:
Там ребята эти лихо
Крутят рученьки, но — тихо:
Ничего не говоря.

Но ханыга, прощелыга,
Забулдыга и сквалыга —
От монгольского от ига
К нам в наследство перешли, —

И они входящим — в спину —
Хором, враз: «Дашь Мазину,
Дармовую лососину
И Мишеля Пиколи!»

...В кабаке старинном «Капе»
Парень кушал с мужиками, —
Все ворочали мозгами —
Кто хорош, а кто и плох.
А когда кабак закрыли,
Все решили: недопили, —
И трезвейшего снабдили,
Чтоб чего-то приволок.

Парень этот для начала
Чуть пошастал у вокзала —
Там милиция терзала
Сердобольных шоферов, —
Он рванул тогда накатом
К белокаменным палатам —
Прямо в лапы к тем ребятам, —
По мосту, что через ров.

Под дверьми всё непролазней —
Как у лобного на казни,
Но толпа побезобразней —
Вся колышется, гудёт, —
Не прорвешься, хоть ты тресни!
Но узнал один ровесник:
«Это тот, который — песни, —
Пропустите, пусть идет!»

«Не толкайте — не подвинусь!»
Думал он: а вдруг навынос
Не дадут — вот будет минус!..
Ах — красotka на пути!
Но <Ивану> не до крали, —

Лишь бы только торговали,
Лишь бы дали, лишь бы дали!
Время — два без десяти.

У буфета всё нехитро:
«Пять «четверок», два поллитра!
Эй, мамаша, что сердита?
Сдачи можешь не давать!...
Повернулся — а средь зала
Края эта танцевала:
Вся блестела, вся сияла, —
Как звезда — ни дать ни взять!

И — упали из-под мышек
Две «больших» и пять «малышек»
(Жалко, жалко ребятишек —
Тех, что бросил он в беде), —
И осколки как из улья
Разлетелись — и под стулья.
А пред ним мелькала тулья
Золотая на звезде.

Он за воздухом — к балконам, —
Поздно! Вырвались со звоном
И из сердца по салонам
Покатились клапана...
И, назло другим принцессам,
Та — взглянула с интересом, —
Хоть она, писала пресса,
Хороша, но холодна.

Одуревшие от рвения,
Рвались к месту преступления
Люди плотного сложенья,
Засучивши рукава, —
Но не сделалось скандала:
Все кругом затанцевало —
Знать, скандала не желала
Предрассветная Москва.

И заморские ехидны
Говорили: «Ах, как стыдно!
Это просто несолидно,
Глупо так себя держать!..»
Только негр на эту новость
Укусил себя за ноготь —
В Конго принято, должно быть,
Так восторги выражать...

Оказал ему услугу
И оркестр с перепуту, —
И толкнуло их друг к другу —
Говорят, что сквозняком...
И ушли они, не тронув
Любопытных микрофонов,
Так как не было талонов
Спрыснуть встречу коньяком.

...Говорят, живут же люди
В этом самом Голливуде
И в Париже!.. Но — не будем:
Пусть болтают куркули!
Кстати, те, с кем я был в «Каме»,
Оказались мужиками:
Не махали кулаками —
Улыбнулись и ушли.

И пошли летать в столице
Нежилые небывицы:
Молодицы — не девицы —
Словно деньгами сорят, —
В подворотнях, где потише,
И в мансардах, возле крыши,
И в местах еще повыше —
Разговоры говорят.

Марине В.

Люблю тебя сейчас.

не тайно — напоказ, —
Не после и не до в лучах твоих сгораю;
Навзрыд или смеясь,
но я люблю сейчас,
А в прошлом — не хочу, а в будущем — не знаю.

В прошедшем — «я любил» —
печальнее могил,
 Все нежное во мне бескрылит и стреножит, —
 Хотя поэт поэтов говорил:
 «Я вас любил: любовь еще, быть может...»

Так говорят о брошенном, отцветшем,
И в этом жалость есть и снисходительность,
Как к свергнутому с трона королю,
Есть в этом сожаленье об ушедшем,
Стремленье, где утеряна стремительность,
И как бы недоверье к «я люблю».

Люблю тебя теперь —
без пятен, без потерь.
Мой век стоит сейчас — я вен не перережу!
Во время, в продолжение, теперь —
Я прошлым не дышу и будущим не брежу.

Приду и вброд и вплавь к тебе —
хоть обезглавы! —
С цепями на ногах и с гирями по пуду, —

Ты только по ошибке не заставь,
Чтоб после «я люблю» добавил я «и буду».

Есть горечь в этом «буду», как ни странно,
Подделанная подпись, червоточина
И лаз для отступления про запас,
Бесцветный яд на самом дне стакана
И, словно настоящему пощечина, —
Сомненье в том, что «я люблю» сейчас.

Смотрю французский сон
с обилием времен,
Где в будущем — не так, и в прошлом —
по-другому.

К позорному столбу я пригвожден,
К барьеру вызван я — языковому.

Ах, разность в языках, —
не положение — крах!
Но выход мы вдвоем поищем — и обрящем.
Люблю тебя и в сложных временах —
И в будущем, и в прошлом настоящем.

* * *

Когда я отдохну и отыграю,

Где кончу я, на чем — не угадать?
Но лишь одно наверное я знаю:
Мне будет не хотеться умирать!

Посажен на литую цепь почета,
И звенья славы мне не по зубам...
Эй, кто стучит в дубовые ворота
Костяшками по кованым скобам!..

Ответа нет, — но там стоят, я знаю,
Кому не так страшны цепные псы.
Но вот над изгородью замечаю
Знакомый серп отточенной косы...

Я перетру серебряный ошейник
И золотую цепь перегрызу,
Перемахну забор, ворвусь в репейник,
Порву бока — и выбегу в грозу!

1973

С Мариной Влади во время путешествия по Америке,
1976 год.

С Борисом Хмельницким.

В театре. С Б. Окуджавой и Ю. Любимовым.

Радист Володя в фильме
«Вертикаль». Реж. С. Говорухин,
1966 год.

В роли Танкиста.
«Я родом из детства».
Реж. В. Туров,
1966 год.

С Валерием Золотухиным
в фильме «Хозяин тайги».
Реж. В. Назаров, 1968 год.

В роли Ибрагима
в фильме А. Митты
«Сказ про то, как царь
Петр арапа женил».

Знаменитый капитан
Жеглов. «Место
встречи изменить
нельзя».
Реж. С. Говорухин.

Дон Гуан. «Маленькие
трагедии».
Реж. М. Швейцер.

Сын Никита
Владимирович,
директор
музея
В. Высоцкого,
с Валерием
Золотухиным.

Слева Давид Карапетян,
друг поэта и актера,
написавший одну
из лучших книг,
посвященных
В. Высоцкому.

Никита Высоцкий.

* * *

Я скачу позади на полслова,

На нерезвом коне, без щита, —
Я похож не на ратника злого,
А скорее — на злого шута.

Бывало, вырывался я на корпус,
Уверенно, как сам великий князь,
Клонясь вперед — не падая, не горбясь,
А именно намеренно клонясь.

Но из седла меня однажды выбили —
Копьем поддели, сбоку подскакав, —
И надо мной, лежащим, лошадь вздыбили,
И надругались, плетью приласкав.

Рядом всадники с гиканьем диким
Копья целили в месиво тел.
Ах дурак я, что с князем великим
Поравняться в осанке хотел!

Меня на поле битвы не ищите —
Я отстранен от всяких ратных дел, —
Кольчугу унесли — я беззащитен
Для зуботычин, дротиков и стрел.

Зазубрен мой топор, и руки скручены,
Ложусь на сбитый наскоро настил,
Пожизненно до битвы недопущенный
За то, что раз бестактность допустил.

Назван я перед ратью двуликим —
И топтать меня можно и сечь.
Но взойдет и над князем великим
Окровавленный кованый меч!..

Встаю я, отряхаюсь от навоза,
Худые руки сторожу кручу,
Беру коня плохого из обоза,
Кромсаю ребра — и вперед скачу.

Влечу я в битву звонкую да манкую —
Я не могу, чтоб это без меня, —
И поступлюсь я княжеской осанкою,
И если надо — то сойду с коня!

1973

Я не успел
(Тоска по романтике)

Болтаюсь сам в себе, как камень в торбе,

*И силюсь разорваться на куски,
Придав своей тоске значение скорби,
Но сохранив загадочность тоски...*

Свет Новый не единожды открыт,
А Старый весь разбили на квадраты,
К ногам упали тайны пирамид,
К чертям пошли гусары и пираты.

Пришла пора всезнающих невежд,
Все выстроено в стройные шеренги,
За новые идеи платят деньги —
И больше нет на «эврику» надежд.

Все мои скалы ветры гладко выбрили —
Я опоздал ломать себя на них;
Всё золото мое в Клондайке выбрали,
Мой черный флаг в безветрии поник.

Под илом сгнили сказочные струги,
И могикан последних замели,
Мои контрабандистские фелюги
Худые ребра сушат на мели.

Висят кинжалы добрые в углу
Так плотно в ножнах, что не втиснусь между.
Смоленный плот — последнюю надежду —
Волна в щепы разбила об скалу.

Вон из рядов мои партнеры выбыли —
У них сбылись гаданья и мечты:
Все крупные очки они повыбили —
И за собою подожгли мосты.

Азартных игр теперь наперечет,
Авантюристов всех мастей и рангов...
По прериям пасут домашний скот —
Там кони пародируют мустангов.

И состоялись все мои дуэли,
Где б я почел участие за честь.
Там вызвать и явиться — всё успели,
Всё предпочли, что можно предпочесть.

Спокойно обошлись без нашей помощи
Все те, кто дело сделали мое, —
И по щекам отхлестанные сволочи
Бессовестно ушли в небытие.

Я не успел произнести: «К барьеру!» —
А я за залп в Дантеса все отдам.
Что мне осталось — разве красть химеру
С туманного собора Нотр-Дам?!

В других веках, годах и месяцах
Все женщины мои отжить успели, —
Позанимали все мои постели,
Где б я хотел любить — и так, и в снах.

Захвачены все мои одра смертные —
Будь это снег, трава иль простыня, —
Заплаканные сестры милосердия
В госпиталях обмыли не меня.

Мои друзья ушли сквозь решето —
Им всем досталась Лета или Прана, —
Естественную смертью — никто,
Все — противоестественно и рано.

Иные жизнь закончили свою —
Не осознав вины, не скинув платья, —
И, выкрикнув хвалу, а не проклятья,
Беззлобно чашу выпили сию.

Другие — знали, ведали и прочее, —
Но все они на взлете, в нужный год —
Отплавали, отпели, отпророчили...
Я не успел — я прозевал свой взлет.

1973

Нить Ариадны

Миф этот в детстве каждый прочел —

черт поberi! —
Парень один к счастью прошел
сквозь лабиринт.
Кто-то хотел парня убить, —
 видно, со зла, —
Но царская дочь путеводную нить
парню дала...

С древним сюжетом
Знаком не один ты.
В городе этом —
Сплошь лабиринты:
 Трудно дышать,
 Не отыскать
 воздух и свет...
И у меня дело неладно:
Я потерял нить Ариадны!
 Словно в час пик,
 Всюду тупик —
 выхода нет!

Древний герой ниточку ту
 крепко держал:
И слепоту, и немоту —
 все испытал;
И духоту, и черноту
 жадно глотал.
И долго руками одну пустоту
 парень хватал.

Сколько их бьется,
Людей одиноких,
В душных колодцах
Улиц глубоких!
Я тороплюсь,
В горло вцеплюсь —
вырву ответ!
Слышится смех: зря вы спешите,
Поздно! У всех порваны нити!
Хаос, возня...
И у меня —
выхода нет!

Злобный король в этой стране
повелевал,
Бык Минотавр ждал в тишине —
и убивал.
Лишь одному это дано —
смерть миновать:
Только одно, только одно —
нить не порвать!

Кончилось лето,
Зима на подходе,
Люди одеты
Не по погоде, —
Видно, подолгу
Ищут без толку
слабый просвет.
Холодно — пусть! Всё заберите...
Я задохнусь здесь, в лабиринте:
Наверняка:
Из тупика выхода нет!

Древним затея их удалась —
ну и дела!
Нитка любви не порвалась,
не подвела.

Свет впереди! Именно там
хрупкий ледок:
Легок герой, — а Минотавр —
с голода сдох!

Здесь, в лабиринте,
Мечутся люди:
Рядом — смотрите! —
Жертвы и судьи, —
Здесь в темноте,
Эти и те
чествуют ночь.
Крики и вопли — всё без вниманья!..
Я не желаю в эту компанию!
Кто меня ждет,
Знаю — придет,
выведет прочь.

Только пришла бы,
Только нашла бы —
И поняла бы:
Нитка ослабла...
Да, так и есть:
Ты уже здесь —
будет и свет!
Руки сцепились до миллиметра,
Всё — мы уходим к свету и ветру, —
Прямо сквозь тьму,
Где — одному
выхода нет!..

* * *

Водой наполненные горсти

Ко рту спешили поднести —
Впрок пили воду черногорцы
И жили впрок — до тридцати.

А умирать почетно было
Средь пуль и матовых клинков
И уносить с собой в могилу
Двух-трех врагов, двух-трех врагов.

Пока курок в ружье не стерся,
Стрелял и с седел и с колен, —
И в плен не брали черногорца —
Он просто не сдавался в плен.

А им прожить хотелось до ста,
До жизни жадным, — век с лихвой, —
В краю, где гор и неба вдосталь,
И моря тоже — с головой:

Шесть сотен тысяч равных порций
Воды живой в одной горсти...
Но проживали черногорцы
Свой долгий век — до тридцати.

И жены их водой помянут;
И прячут их детей в горах
До той поры, пока не станут
Держать оружие в руках.

Беззвучно надевали траур,
И заливали очаги,
И молча лили слезы в траву,
Чтоб не услышали враги.

Чернели женщины от горя,
Как плодородная земля, —
За ними вслед чернели горы,
Себя огнем испепеля.

То было истинное мщенье —
Бессмысленно себя не жгут:
Людей и гор самосожженье —
Как несогласие и бунт.

И пять веков — как божьи кары,
Как мести сына за отца —
Пылали горные пожары
И черногорские сердца.

Цари менялись, царедворцы,
Но смерть в бою — всегда в чести, —
Не уважали черногорцы
Проживших больше тридцати.

1974

* * *

Я был завсегдатаем всех пивных —

Меня не приглашали на банкеты:
Я там горчицу вмазывал в паркет,
Гасил окурки в рыбных заливных
И слезы лил в пожарские котлеты.

Я не был тверд, но не был мягкотел, —
Семья пожить хотела без уroda:
В ней все — кто от сохи, кто из народа, —
И покатился <я> и полетел
По жизни от привода до привода.

А в общем что — иду — нормальный ход,
Ногам легко, свободен путь и руки, —
Типичный люмпен, если по науке,
А по уму — обычный обормот,
Нигде никем не взятый на поруки.

Недавно опочили старики —
Большевики с двенадцатого года, —
Уж так подтасовалася колода:
Они — во гроб, я — вышел в вожак, —
Как выходец из нашего народа!

У нас отцы — кто дуб, кто вяз, кто кедр, —
Охотно мы вставляем их в анкеты.
И много нас — и хватки мы, и метки, —
Мы бдим, едим, других растим из недр,
Предельно сокращая пятилетки.

Я мажу джем на черную икру,
Маячат мне и близости и дали, —
На жижке — не на гуще мне гадали, —
Я из народа вышел поутру —
И не вернусь, хоть мне и предлагали.

<1974 или 1975>

* * *

... Когда я об стену разбил лицо и члены

И все, что только было можно, произнес,
Вдруг — сзади тихое шептанье раздалось:
«Я умоляю вас, пока не трожьте вены.

При ваших нервах и при вашей худобе
Не лучше ль — чаю? Или — огненный напиток...
Чем учинять членовредительство себе —
Оставьте что-нибудь нетронутым для пыток».

Он сказал мне: «Приляг,
Успокойся, не плачь!»
Он сказал: «Я не врач —
Я твой верный палач.
Уж не за полночь — за три, —
Давай отдохнем:
Нам ведь все-таки завтра
Работать вдвоем...»

Чем черт не шутит — может, правда выпить чаю,
Раз дело приняло подобный оборот?
«Но только, знаете, весь ваш палачий род
Я, как вы можете представить, презираю!»

Он попросил: «Не трожьте грязное белье,
Я сам к палачеству пристрастия не питаю.
Но вы войдите в положение мое:
Я здесь на службе состою, я здесь пытаю.

Молчаливо, прости,
Счет веду головам.
Ваш удел — не ахти,
Но завидую вам.

Право, я не шучу —
Я смотрю делово:
Говори — что хочу,
Обзывай хоть кого...»

Он был обсыпан белой перхотью как содой,
Он говорил, сморкаясь в старое пальто:
«Приговоренный обладает как никто
Свободой слова — то есть подлинной свободой».

И я избавился от острой неприязни
И посочувствовал дурной его судьбе.
Спросил он: «Как ведете вы себя на казни?»
И я ответил: «Вероятно, так себе...

Ах, прощенья прошу. —
Важно знать палачу,
Что когда я вишу —
Я ногами сучу.
Кстати, надо б сперва,
Чтоб у плахи мели, —
Чтоб, упавши, глава
Не валялась в пыли».

Чай закипел, положен сахар по две ложки.
«Спасибо...» — «Что вы! Не извольте возражать!»
Вам скрутят ноги, чтоб сученья избежать.
А грязи нет — у нас ковровые дорожки».

«Ах, да неужто ли подобное возможно!» —
От умиления я всплакнул и лег ничком, —
Потрогав шею мне легко и осторожно,
Он одобрительно поцокал языком.

Он шепнул: «Ни гугу!
Здесь кругом — стукачи.
Чем смогу — помогу,
Только ты не молчи.

Стану ноги пилить —
Можешь ересь болтать, —
Чтобы казнь отдалить,
Буду дальше пытаться.

Не ночь пред казнью — а души отдохновение, —
А я уже дожидаться утра не могу.
Когда он станет жечь меня и гнуть в дугу,
Я крикну весело: «Остановись, мгновенье!»

И можно музыку заказывать при этом —
Чтоб стоны с воплями остались на губах, —
Я, признаюсь, питаю слабость к менуэтам,
Но есть в коллекции у них и Оффенбах.

«Будет больно — поплачь,
Если невмоготу», —
Намекнул мне палач.
«Хорошо, я учту».
Подбодрил меня он,
Правда, сам загрустил:
«Помнят тех, кто казнен,
А не тех, кто казнил».

Развлек меня про гильотину анекдотом,
Назвав ее карикатурой на топор.
«Как много миру дал голов французский двор!» —
И посочувствовал убитым гугенотам.

Жалел о том, что кол в России упразднен,
Был оживлен и сыпал датами привычно.
Он знал доподлинно — кто, где и как казнен,
И горевал о тех, над кем работал лично.

«Раньше, — он говорил, —
Я дровишки рубил, —
Я и стриг, я и брил,
И с ружьишком ходил, —

Тратил пыл в пустоту
И губил свой талант, —
А на этом посту —
Повернулось на лад».

Некстати вспомнил дату смерти Пугачева,
Рубил — должно быть, для наглядности — рукой,
А в то же время знать не знал, кто он такой, —
Невелико образование палачово.

Парок над чаем тонкой змейкой извивался...
Он дул на воду, грея руки о стекло, —
Об инквизиции с почтеньем отозвался,
И об опричниках — особенно тепло.

Мы гоняли чай, —
Вдруг палач зарыдал:
Дескать, жертвы мои —
Все идут на скандал.
«Ах вы тяжкие дни,
Палачова стерня!
Ну за что же они
Ненавидят меня!»

Он мне поведал назначенье инструментов, —
Все так нестрашно, и палач — как добрый врач.
«Но на работе до поры все это прячь,
Чтоб понапрасну не нервировать клиентов.

Бывает, только его в чувство приведешь,
Водой окатишь и поставишь Оффенбаха —
А он примерится, когда ты подойдешь,
Возьмет и плюнет — и испорчена рубаха!»

Накричали речей
Мы за клан палачей,
Мы за всех палачей
Пили чай — чай ничей.

Я совсем обалдел,
Чуть не лопнул крича —
Я орал: «Кто посмел
Обижать палача!..»

...Смежила веки мне предсмертная усталость,
Уже светало — наше время истекло.
Но мне хотя бы перед смертью повезло:
Такую ночь провел — не каждому досталось!

Он пожелал мне доброй ночи на прощанье,
Согнал назойливую муху мне с плеча...
Как жаль — недолго мне хранить воспоминанье
И образ доброго, чудного палача!

1977

* * *

Упрямо я стремлюсь ко дну —

Дыханье рвется, давит уши...
Зачем иду на глубину —
Чем плохо было мне на суше?

Там, на земле, — и стол и дом,
Там — я и пел и надрывался;
Я плавал все же — хоть с трудом,
Но на поверхности держался.

Линяют страсти под луной
В обыденной воздушной жиже, —
А я всплываю в мир иной:
Тем невозвратнее — чем ниже.

Дышу я непривычно — ртом.
Среда бурлит — плевать на среду!
Я погружаюсь, и притом —
Быстрее, в пику Архимеду.

Я потерял ориентир, —
Но вспомнил сказки, сны и мифы:
Я открываю новый мир,
Пройдя коралловые рифы.

Коралловые города...
В них многорыбно, но — не шумно:
Нема подводная среда,
И многоцветна, и разумна.

Где ты, чудовищная мгла,
Которой матери страшат?
Светло — хотя ни факела,
Ни солнца мглу не освещают!

Все гениальное и не-
Допонятое — всплеск и шалость —
Спаслось и скрылось в глубине, —
Все, что гналось и запрещалось.

Дай Бог, я все же дотяну —
Не дам им долго залежаться! —
И я вгребаясь в глубину,
И — все труднее погружаться.

Под черепом — могильный звон,
Давление мне хребет ломает,
Вода выталкивает вон,
И глубина не принимает.

Я снял с острой карабин,
Но камень взял — не обессудьте, —
Чтобы добраться до глубин,
До тех пластов, до самой сути.

Я бросил нож — не нужен он:
Там нет врагов, там все мы — люди,
Там каждый, кто вооружен, —
Нелеп и глуп, как вошь на блюде.

Сравнюсь с тобой, подводный гриб,
Забудем и чины и ранги, —
Мы снова превратились в рыб,
И наши жабры — акваланги.

Нептун — ныряльщик с бородой,
Ответь и облегчи мне душу:
Зачем простились мы с водой,
Предпочитая влаге — сушу?

Меня сомненья, черт возьми,
Давно буравами сверлили:
Зачем мы сделались людьми?
Зачем потом заговорили?

Зачем, живя на четырех,
Мы встали, распрямивши спины?
Затем — и это видит Бог, —
Чтоб взять камень и дубины!

Мы умудрились много знать,
Повсюду мест надеть лобных,
И предавать, и распинать,
И брать на крюк себе подобных!

И я намеренно тону,
Зову: «Спасите наши души!»
И если я не дотяну —
Друзья мои, бегите с суши!

Назад — не к горю и беде,
Назад и вглубь — но не ко гробу,
Назад — к прибежищу, к воде,
Назад — в извечную утробу!

Похлопал по плечу трепанг,
Признав во мне свою породу, —
И я — выплевываю шланг
И в легкие пускаю воду!..

Сомкните стройные ряды,
Покрепче закупорьте уши:
Ушел один — в том нет беды, —
Но я приду по ваши души!

* * *

Много во мне мамино,

Папино — сокрыто, —
Я из века каменного,
Из палеолита!

Но, по многим отзываю,
Я — умный и не злой, —
То есть в веке бронзовом
Стою одной ногой.

Наше племя ропщет, смея
Вслух ругать порядки;
В первобытном обществе я
Вижу недостатки, —

Просто вопиющие —
Довлекут и грозят, —
Далеко идущие —
На тыщу лет назад!

Собралась, умывшись чисто,
Во поле элита:
Думали, как выйти из то-
Го палеолита.

Под кустами ириса
Все попередрались, —
Не договорились,
А так и разбрелись...

Завели старейшины — а
Нам они примеры —
По две, по три женщины, по
Две, по три пещеры.

Жены крепко заперты
На цепи да замки —
А на Крайнем Западе
Открыты бардаки!

Перед соплеменниками:
Вовсе не стесняясь,
Бродят люди с вениками,
Матерно ругаясь.

Дрянь в огонь из бака льют —
Надыбали уют, —
Ухают и крикают,
Хихикают и пьют!

Между поколениями
Ссоры возникают,
Жертвоприношениями
Злоупотребляют:

Ходишь — озираешься,
Ловишь каждый взгляд, —
Малость зазеваешься —
Уже тебя едят!

Люди понимающие —
Ездят на горбатых,
На горбу катающие —
Грезят о зарплатах.

Счастливы горбатые,
По тропочкам несясь:
Бедные, богатые —
У них, а не у нас!

Продали подряд все сразу
Племенам соседним,
Воинов гноят образо-
Ваньем этим средним.

От повальной грамоты —
Сплошная благодать!
Поглядели мамонты —
И стали вымирать...

Дети все — с царапинами
И одеты куцо, —
Топорами папиными
День и ночь секутся.

Скоро эра кончится —
Набалуется всласть!
В будущее хочется?
Да как туда попасть!..

Колдуны пророчили: де,
Будет все попозже, —
За камнями очереди,
За костями — тоже.

От былой от вольности
Давно простыл и след:
Хватъ тебя за волосы, —
И глядь — тебя и нет!

Притворились добренькими, —
Многих прочь услали,
И пещеры ковриками
Пышными устлали.

Мы стоим, нас трое, нам —
Бутылку коньяку...
Тишь в благоустроенном
Каменном веку.

...Встреться мне, молю я исто,
Во поле Айлита —
Заberi меня ты из то-
Го палеолита!

Ведь, по многим отзывам,
Я — умный и не злой, —
То есть в веке бронзовом
Стою одной ногой.

<Между 1970 и 1978>

* * *

Проделав брешь в затишье,

Весна идет в шттыки,
И высунули крыши
Из снега языки.

Голодная до драки,
Оскалилась весна, —
Как с языка собаки,
Стекает с крыш слюна.

Весенние армии жаждут успеха,
Все ясно, и стрелы на карте прямы, —
И воины в легких небесных доспехах
Врубаются в белые рати зимы.

Но рано веселиться:
Сам зимний генерал
Никак своих позиций
Без боя не сдавал.

Тайком под белым флагом
Он собирал войска —
И вдруг ударил с фланга
Мороз исподтишка.

И битва идет с переменным успехом:
Где свет и ручьи — где поземка и мгла,
И воины в легких небесных доспехах
С потерями вышли назад из котла.

Морозу удирать бы —
А он впадает в раж:
Играет с вьюгой свадьбу, —
Не свадьбу — а шабаш!

Окно скрипит фрамугой —
То ветер перебрал, —
Но он напрасно с вьюгой
Победу пировал!

А в зимнем тылу говорят об успехах,
И наглые сводки приходят из тьмы, —
Но воины в легких небесных доспехах
Врубаются клиньями в царство зимы.

Откуда что берется —
Сжимается без слов
Рука тепла и солнца
На горле холодов.

Не совершиться чуду:
Снег виден лишь в тылах —
Войска зимы повсюду
Бросают белый флаг.

И дальше на север идет наступленье —
Запела вода, пробуждаясь от сна, —
Весна неизбежна — ну как обновление,
И необходима, как — просто весна.

Кто славно жил в морозы,
Те не снимают шуб, —
Но ржаво льются слезы
Из водосточных труб.

Но только грош им, нищим,
В базарный день цена —
На эту землю выше
Ниспослана весна.

...Два слова войскам: несмотря на успехи,
Не прячьте в чулан или в старый комод
Небесные легкие ваши доспехи —
Они пригодятся еще через год!

<Между 1970 и 1978>

* * *

Вот я вошел, и дверь прикрыл,

И показал бумаги,
И так толково объяснил,
Зачем приехал в лагерь.

Начальник — как уключина, —
Скрипит — и ни в какую!
«В кино мне роль поручена, —
Опять ему толкую, —

И вот для изучения —
Такое ремесло —
Имею направление!
Дошло теперь?» — «Дошло!

Вот это мы приветствуем, —
Чтоб было как с копирки,
Вам хорошо б — под следствием
Полгодика в Бутырке!

Чтоб ощутить затылочком,
Что чуть не расстреляли,
Потом — по пересылочкам, —
Тогда бы вы сыграли!..»

Внушаю бедолаге я
Настойчиво, с трудом:
«Мне нужно прямо с лагеря —
Не бывши под судом!»

«Да вы ведь знать не знаете,
За что вас осудили, —
Права со мной качаете —
А вас еще не брили!»

«Побреют — рожа сплющена! —
Но все познать желаю,
А что уже упущено —
Талантом наверстаю!»

«Да что за окоlesiца, —
Опять он возражать, —
Пять лет в четыре месяца —
Экстерном, так сказать!..»

Он даже шаркнул мне ногой —
Для секретарши Светы:
«У нас, товарищ дорогой,
Не университеты!

У нас не выйдет с кондачка,
Из ничего — конфетка:
Здесь — от звонка и до звонка, —
У нас не пятилетка!

Так что давай-ка ты валяй —
Какой с артиста толк! —
У нас своих хоть отбавляй», —
Сказал он и умолк.

Я снова вынул пук бумаг,
Ору до хрипа в глотке:
Мол, не имеешь права, враг, —
Мы здесь не в околотке!

Мол, я начальству доложу, —
Оно, мол, разберется!..
Я стервенею, в роль вхожу,
А он, гляжу, — сдается.

Я в раже, удержу мне нет,
Бумагами трясу:
«Мне некогда сидеть пять лет —
Премьера на носу!»

<Между 1970 и 1978>

* * *

«Не бросать», «Не топтать» —

Это можно понять!
Или, там, «Не сорить», —
Это что говорить!

«Без звонка не входить» —
Хорошо, так и быть, —
Я нормальные не
Уважаю вполне.

Но когда это не —
Приносить-распивать, —
Это не не по мне —
Не могу принимать!

Вот мы делаем вид
За проклятым «козлом»:
Друг костяшкой стучит —
Мол, играем, — не пьем.

А красиво ль — втроем
Разливать под столом?
Или лучше — втроем
Лезть с бутылкою в дом?

Ну а дома жена —
Не стоит на ногах, —
И не знает она
О подкожных деньгах.

Если с ночи — молчи,
Не шуми, не греми,
Не кричи, не стучи,
Пригляди за детьми!..

Где уж тут пировать:
По стакану — и в путь, —
А начнешь шуровать —
Разобьешь что-нибудь.

И соседка опять —
«Алкоголик!» — орет, —
А начнешь возражать —
Участковый придет.

Он, пострел, все успел —
Вон составит акт:
Нецензурно, мол, пел,
Так и так, так и так;

Съел кастрюлю с гусем,
У соседки лег спать, —
И еще — то да сё, —
Набежит суток пять.

Так и может все быть —
Если расшифровать
Это «Не приносить»,
Это «Не распивать».

Я встаю ровно в шесть —
Это надо учесть, —
До без четверти пять
У станка мне стоять.

Засосу я кваску
Иногда в перерыв —
И обратно к станку,
Даже не покурив.

И точку я в тоске
Шпинделя да фрезы, —
Ну а на языке —
Вкус соленой слезы.

Покурить, например...
Но нельзя прерывать, —
И мелькает в уме
Моя бедная «мать».

Дома я свежий лук
На закуску крошу,
Забываюсь — и вслух
Это произношу.

И глядит мне сосед —
И его ребятня —
Укоризненно вслед,
Осуждая меня.

<Между 1970 и 1978>

* * *

В Азии, в Европе ли

Родился озноб —
Только даже в опере
Кашляют взахлеб.

Не поймешь, откуда дрожь — страх ли это,
грипп ли:

Духовые дуют врозь, струнные — урчат,
Дирижера — кашель бьет, тенора — охрипли,
Баритоны — запили, <и> басы — молчат.

Раньше было в опере
Складно, по уму, —
И хоть хору хлопали —
А теперь кому?!

Не берет верхних нот и сопрано-меццо,
У колоратурного не бельканто — бред, —
Цены резко снизились — до рубля за место, —
Словом, все понизилось и сошло на нет.

Сквозняками в опере
Дует, валит с ног,
Как во чистом во поле
Ветер-ветерок.

Партии проиграны, песенки отпеты,
Партитура съежилась, <и> софит погас,
Развалились арии, разошлись дуэты,
Баритон — без бархата, без металла — бас.

Что ни делай — всё старо, —
Гулок зал и пуст.
Тенорово серебро
Вытекло из уст.

Тенор в арье Ленского заорал: «Полундра!» —
Буйное похмелье ли, просто ли заскок?
Дирижера Вилькина мрачный бас-профундо
Чуть едва не до смерти струнами засек.

<До 1978>

* * *

*М*ажорный светофор, трехцветье, трио,

Палитро-партитура цвето-нот.
Но где же он, мой «голубой период»?
Мой «голубой период» не придет!

Представьте, черный цвет невидим глазу,
Все то, что мы считаем черным, — серо,
Мы черноты не видели ни разу —
Лишь серость пробивает атмосферу.

И ультрафиолет, и инфракрасный,
Ну, словом, все что чересчур — не видно, —
Они, как правосудье, беспристрастны,
В них все равны, прозрачны, стекловидны.

И только красный, желтый цвет — бесспорны,
Зеленый — тоже: зелень в хлорофилле, —
Поэтому трехцветны светофоры
<Для всех> — кто пеш и кто в автомобиле.

Три этих цвета — в каждом организме,
В любом мозгу — как яркий отпечаток, —
Есть, правда, отклоненье в дальтонизме,
Но дальтонизм — порок и недостаток.

Трехцветны музы — но как будто серы,
А «инфра-ультра» — как всегда, в загоне, —
Гуляют на свободе полумеры,
И «псевдо» ходят как воры в законе.

Все в трех цветах нашло отображенье —
Лишь изредка меняется порядок.
Три цвета избавляют от брожения —
Незыблемы, как три ряда трехрядок.

<До 1978>

Часов, минут, секунд — нули, —

Сердца с часами сверьте:
Объявлен праздник всей земли —
День без единой смерти!

Вход в рай забили впопыхах,
Ворота ада — на засове, —
Без оговорок и условий
Все согласовано в верхах.

Ликуй и веселись, народ!
Никто от родов не умрет,
И от болезней в собственной постели.
На целый день отступит мрак,
На целый день задержат рак,
На целый день придержат душу в теле.

И если где — резня теперь, —
Ножи держать тупыми!
А если бой, то — без потерь,
Расстрел — так холостыми.

Нельзя и с именем Его
Свинцу отвешивать поклонов.
Во имя жизни миллионов
Не будет смерти одного!

И ни за чёрта самого,
Ни за себя — ни за кого
Никто нигде не обнажит кинжалов.

Никто навечно не уснет,
И не взойдет на эшафот
За торжество добра и идеалов.

И запыхают сто костров —
Не жечь, а греть нам спины.
И будет много катастроф,
А жертвы — ни единой.

И, отвалившись от стола,
Никто не лопнет от обжорства.
И падать будут из притворства
От выстрелов из-за угла.

Ну а за кем недоглядят,
Того нещадно оживят —
Натрут его, взъерошат, взъерепенят:
Есть спецотряд из тех ребят,
Что мертвеца растеребят, —
Они на день случайности отменят.

Забудьте мстить и ревновать!
Убийцы, пыл умерьте!
Бить можно, но — не убивать,
Душить, но — не до смерти.

В проем оконный не стремись —
Не засти, слазь и будь мужчиной! —
Для всех устранены причины,
От коих можно прыгать вниз.

Слюнтяи, висельники, тли, —
Мы всех вас вынем из петли,
Еще дышащих, тепленьких, в
исподнем.
Под топорами палачей
Не упадет главы ничьей —
Приема нынче нет в раю Господнем!

... **И** пробил час — и день возник, —

Как взрыв, как ослепленье!
То тут, то там взвивался крик:
«Остановись, мгновенье!»

И лился с неба нежный свет,
И хоры ангельские пели, —
И люди быстро обнаглели:
Твори что хочешь — смерти нет!

Иной — до смерти выпивал,
Но жил, подлец, не умирал,
Другой — в пролеты прыгал
всяко-разно,
А третьего душил сосед,
А тот — его, — ну, словом, все
Добро и зло творили безнаказно.

И тот, кто никогда не знал
Ни драк, ни ссор, ни споров, —
Тот поднимать свой голос стал,
Как колья от заборов.

Он торопливо вынимал
Из мокрых мостовых булыжник, —
А прежде он был — тихий книжник
И зло с насильем презирал.

Кругом никто не умирал, —
И тот, кто раньше понимал
Смерть как награду или избавленье,

Тот бить стремился наповал, —
А сам при этом напевал,
Что, дескать, помнит чудное
мгновенье.

Ученый мир — так весь воспрял, —
И врач, науки ради,
На людях яды проверял —
И без противоядий!

Вон там устроила погром —
Должно быть, хунта или клика, —
Но все от мала до велика
Живут — все кончилось добром.

Самоубийц — числом до ста —
Сгоняли танками с моста,
Повесившихся скопом оживляли.
Фортуна — вон из колеса...
Да, день без смерти удался! —
Застрельщики, ликуя, пировали.

...Но вдруг глашатай весть разнес
Уже к концу банкета,
Что торжество не удалось:
Что кто-то умер где-то —

В тишайшем уголке земли,
Где спят и страсти и стихии, —
Реаниматоры лихие
Туда добраться не смогли.

Кто смог дерзнуть, кто смел посметь?!
И как уговорил он смерть?
Ей дали взятку — смерть не на работе.
Недоглядели, хоть реви, —
Он взял да умер от любви —
На взлете умер он, на верхней ноте!

<До 1978>

Осторожно, гризли!

Михаилу Шемякину
с огромной любовью и пониманием

Однажды я, накушавшись от пуза,

Дурной и красный, словно из парилки,
По кабакам в беспамятстве кружа,
Очнулся на коленях у француза, —
Я из его тарелки ел без вилки —
И тем француза резал без ножа.

Кричал я: «Друг! За что боролись?!» — Он
Не разделял со мной моих сомнений, —
Он был напуган, смят и потрясен
И пробовал согнать меня с коленей.

Не тут-то было! Я сидел надежно,
Обняв его за тоненькую шею,
Сняв оба его лацкана в руке, —
Шептал ему: «Ах, как неосторожно:
Тебе б зарыться, спрятаться в траншею —
А ты рискуешь в русском кабаке!»

Он тушевался, а его жена
Прошла легко сквозь все перипетии, —
Еще бы — с ними пил сам Сатана! —
Но добрый, ибо родом из России.

Француз страдал от недопониманья,
Взывал ко всем: к жене, к официантам, —
Жизнь для него пошла наоборот.

Цыгане висли, скрипками шаманя,
И вымогали мзду не по талантам, —
А я совал рагу француз в рот.

И я вопил: «Отец мой имярек —
Герой, а я тут с падалью якшаюсь!» —
И восемьдесят девять человек
Кивали в такт, со мною соглашаясь.

Калигулу ли, Канта ли, Катулла,
Пикассо ли?! — кого еще, не знаю, —
Европа предлагает не попад.
Меня куда бы пьянка ни метнула —
Я свой Санкт-Петербург не променяю
На вкупе всё, хоть он и — Ленинград.

В
мне одному немую
тишину
Я убежал до ужаса тверёзый.
Навеки потеряв свою жену,
В углу сидел француз, роняя слезы.

Я ощутил намеренье благое —
Сварганить крылья из цыганской шали,
Крылатым стать и недоступным стать, —
Мои друзья — пьянящие изгой —
Меня хватали за руки, мешали, —
Никто не знал, что я умел летать.

Через «Пежо» я прыгнул на Faubourg
И приобрел повторное звучанье, —
На ноте до завыл Санкт-Петербург —
А это означало: до свиданья!

Мне б — по моим мечтам — в каменоломню:
Так много сил, что всё перетаскаю, —
Таскал в России — грыжа подтвердит.
Да знали б вы, что я совсем не помню,

Кого я бью по пьянке и ласкаю,
И что плевать хотел на interdite.

Да, я рисую, трачусь и кучу,
Я даже чуть избыл привычку лени.
...Я потому французский не учу —
Чтоб мне они не сели на колени.

25 июля 1978 г., в самолете

* * *

Слева бесы, справа бесы.

Нет, по новой мне налей!
Эти — с нар, а те — из кресел, —
Не поймешь, какие злей.

И куда, в какие дали,
На какой еще маршрут
Нас с тобою эти врази
По этапу поведут?

Ну а нам что остается?
Дескать, горе не беда?
Пей, дружище, если пьется, —
Все — пустыми невода.

Что искать нам в этой жизни?
Править к пристани какой?
Ну-ка, солнце, ярче брызни!
Со святыми упокой...

<1976>

* * *

Михаилу Шемякину
под впечатлением от серии «Чрево»

У кто вы суть? Безликие кликуши?

Куда грядете — в Мекку ли, в Мессины?
Модели ли влачите к Монпарнасу?
Кровавы ваши спины, словно туши,
И туши — как ободранные спины, —
И ребра в ребра вам — и нету спасу.

Ударил ток, скотину оглоуша,
Обмякла плоть на плоскости картины
И тяжко пала мяснику на плечи.
На ум, на кисть творцу попала туша —
И дюжие согбенные детины,
Вершащие дела нечеловечьи.

Кончал палач — дела его ужасны,
А дальше те, кто гаже, ниже, плоше,
Таскали жертвы после гильотины:
Безглазны, безголовы и безгласны
И, кажется, бессутны тушеноши,
Как бы катками вмяты в суть картины.

Так кто вы суть, загубленные души?
Куда спешите, полуобразины?
Вас не разъять — едины обе массы.
Суть Сутина — «Спасите наши туши!»
Вы ляжете, заколотые в спины,
И Урка слижет с ваших лиц гримасу.

Я ротозей — но вот не сплю ночами, —
В глаза бы вам взглянуть из-за картины!..

Неймется мне, шуту и лоботрясу, —
Сдается мне, хлестали вас бичами?!
Вы крест несли — и ободрали спины?!
И ребра в ребра вам — и нету спасу

<Между 1977 и 1979>

* * *

Я верю в нашу общую звезду,

Хотя давно за нею не следим мы, —
Наш поезд с рельс сходил на всем ходу —
Мы всё же оставались невредимы.

Бил самосвал машину нашу в лоб,
Но знали мы, что ищем и обрящем,
И мы ни разу не сходили в гроб,
Где нет надежды всем в него сходящим.

Катастрофы, паденья, — но между —
Мы взлетали туда, где тепло,
Просто ты не теряла надежду,
Мне же — с верою очень везло.

Да и теперь, когда вдвоем летим,
Пускай на ненадежных самолетах, —
Нам гасят свет и создают интим,
Нам и мотор поет на низких нотах.

Бывали «Ту» и «Илы», «Яки», «Ан», —
Я верил, что в Париже, в Барнауле —
Мы сядем, — если ж рухнем в океан —
Двоих не съест и голубой акуле!

Все мы смертны — и люди смеются:
Не дождутся и вас города!
Я же знал: все кругом разобьются,
Мы ж с тобой — ни за что никогда!

Мне кажется такое по плечу —
Что смертным не под силу столько прыти:
Что на лету тебя я подхвачу —
И вместе мы спланируем в Таити.

И если заболеет кто из нас
Какой-нибудь болезнью смертельной —
Она уйдет, — хоть искрами из глаз,
Хоть стонами и рвотою похмельной.

Пусть в районе Мэзона-Лаффитта
Упадет злополучный «Скайлаб»
И судьба всех обманет — финита, —
Нас она обмануть не смогла б!

1979

* * *

*М*не скулы от досады сводит:

Мне кажется который год,
Что там, где я, — там жизнь проходит,
А там, где нет меня, — идет.

А дальше — больше, — каждый день я
Стал слышать злые голоса:
«Где ты — там только наважденье,
Где нет тебя — всё чудеса.

Ты только ждешь и догоняешь,
Врешь и боишься не успеть,
Смеешься меньше ты, и, знаешь,
Ты стал разучиваться петь!

Как дым твои ресурсы тают,
И сам швыряешь всё подряд, —
Зачем?! Где ты — там не летают,
А там, где нет тебя, — парят».

Я верю крику, вою, лаю,
Но все-таки, друзей любя,
Дразнить врагов я не кончаю,
С собой в побеге от себя.

Живу, не ожидаю чуда,
Но пухнут жилы от стыда, —
Я каждый раз хочу отсюда
Сбежать куда-нибудь туда...

Хоть все пропой, протарабань я,
Хоть всем хоть голым покажись —
Пустое все, — здесь — прозябанье,
А где-то там — такая жизнь!..

Фартило мне, Земля вертелась,
И, взявши пары три белья,
Я — шасть! — и там. Но вмиг хотелось
Назад, откуда прибыл я.

1979

* * *

*М*ой черный человек в костюме сером —

Он был министром, домуправом, офицером, —
Как злобный клоун, он менял личины
И бил под дых, внезапно, без причины.

И, улыбаясь, мне ломали крылья,
Мой хрип порой похожим был на вой, —
И я немел от боли и бессилья,
И лишь шептал: «Спасибо, что — живой».

Я суеверен был, искал приметы,
Что, мол, пройдет, терпи, всё ерунда...
Я даже прорывался в кабинеты
И зарекался: «Больше — никогда!»

Вокруг меня кликуши голосили:
«В Париж мотает, словно мы — в Тюмень, —
Пора такого выгнать из России!
Давно пора, — видать, начальству лень!»

Судачили про дачу и зарплату:
Мол, денег — прорва, по ночам кую.
Я всё отдам — берите без доплаты
Трехкомнатную камеру мою.

И мне давали добрые советы,
Чуть свысока похлопав по плечу,
Мои друзья — известные поэты:
«Не стоит рифмовать «кричу — торчу».

И лопнула во мне терпенья жила —
И я со смертью перешел на «ты», —
Она давно возле меня кружила,
Побаивалась только хрипоты.

Я от суда скрываться не намерен,
Коль призовут — отвечу на вопрос.
Я до секунд всю жизнь свою измерил —
И худо-бедно, но тащил свой воз.

Но знаю я, что лживо, а что свято, —
Я понял это все-таки давно.
Мой путь один, всего один, ребята, —
Мне выбора, по счастью, не дано.

<1979 или 1980>

* * *

А мы живем в мертвящей пустоте, —

Попробуй надави — так брызнет гноем, —
И страх мертвящий заглушаем воем —
И те, что первые, и люди, что в хвосте.

И обязательные жертвоприношенья,
Отцами нашими воспетые не раз,
Печать поставили на наше колено —
Лишили разума и памяти и глаз.

<1979 или 1980>

* * *

Но речке жизни плавал честный грека

И утонул, а может — рак настиг.
При греке заложили человека —
И грека заложил за воротник.

В нем добрая заложена основа —
Он оттого и начал поддавать, —
«Закладывать» — обычнейшее слово,
А в то же время значит — «предавать».

Или еще пример такого рода:
Из-за происхождения взлетел, —
Он вышел из глубинки, из народа,
И возвращаться очень не хотел.

Глотал упреки и зевал от скуки,
Что оторвался от народа — знал, —
Но «оторвался» — это по науке,
А по жаргону это — «убежал».

<Между 1970 и 1980>

* * *

Общаюсь с тишиной я,

Боюсь глаза поднять,
Про самое смешное
Стараюсь вспоминать.

Врачи чуть-чуть поахали:
«Как? Залпом? Восемьсот?..»
От смеха ли, от страха ли —
Всего меня трясет.

Теперь я — капля в море,
Я — кадр в немом кино.
И двери на запоре —
А все-таки смешно.

Воспоминанья кружатся,
Как комариный рой,
А мне смешно до ужаса:
Мой ужас — геморрой.

Виденья всё теснее —
Страшат величиной:
То с нею я — то с нею, —
Смешно, иначе — ной!

Не сплю — здоровье бычье,
Витаю там и тут,
Смеюсь до неприличия,
И жду — сейчас войдут...

Халат закончил опись
И взвился — бел, крылат.
«Да что же вы смеетесь?» —
Спросил меня халат.

Но ухмыляюсь грязно я
И — с маху на кровать.
Природа смеха — разная, —
Мою вам не понять.

Жизнь — алфавит: я где-то
Уже в «це-че-ше-ще», —
Уйду я в это лето
В малиновом плаще.

Но придержусь рукою я
В конце за букву «я» —
<Еще> побеспокою я! —
Сжимаю руку я.

Со мной смеются складки
В малиновом плаще.
С покойных взятки гладки, —
Смеялся я — вообще.

Смешно мне в голом виде лить
На голого ушат, —
А если вы обиделись —
То я не виноват.

Палата — не помеха,
Похмелье — ерунда, —
И было мне до смеха —
Везде, на всё, всегда!

Часы тихонько тикали —
Сюсюкали: сю-сю...
Вы — втихаря хихикали,
А я — давно вовсю!

Две просьбы

М. Шемякину —
другу и брату —
посвящен сей полужэкспромт

Мне снятся крысы, хоботы и черти. Я

Гоню их прочь, стеная и браня.
Но вместо них я вижу виночерпия —
Он шепчет: «Выход есть. К исходу дня —
Вина! И прекратится толкотня,
Виденья схлынут, сердце и предсердие
Отпустит, и расплавится броня!»
Я — снова я, и вы теперь мне верьте, — я
Немногого прошу взамен бессмертия —
Широкий тракт, холст, друга да коня;
Прошу покорно, голову склоня,
Побойтесь Бога, если не меня, —
Не плачьте вслед, во имя Милосердия!

Чту Фауста ли, Дориана Грея ли,
Но чтобы душу — дьяволу, — ни-ни!
Зачем цыганки мне гадать затеяли?
День смерти уточнили мне они...
Ты эту дату, Боже, сохрани, —
Не отмечай в своем календаре или
В последний миг возьми и измени,
Чтоб я не ждал, чтоб вороны не реяли
И чтобы агнцы жалобно не блеяли,
Чтоб люди не хихикали в тени, —
От них от всех, о Боже, охрани —
Скорее, ибо душу мне они
Сомненьями и страхами засеяли!

Париж, 1 июня 1980 г.

* * *

Снизу лед и сверху — маюсь между, —

Пробить ли верх иль пробуравить низ?
Конечно — всплыть и не терять надежду,
А там — за дело в ожиданье виз.

Лед надо мною, надломись и тресни!
Я весь в поту, как пахарь от сохи.
Вернусь к тебе, как корабли из песни,
Всё помня, даже старые стихи.

Мне меньше полувека — сорок с лишним, —
Я жив, тобой и Господом храним.
Мне есть что спеть, представ перед
Всевышним,
Мне есть чем оправдаться перед ним.

1980

Утренняя гимнастика

Вдох глубокий, руки шире,

Не спешите — три-четыре! —
Бодрость духа, грация и пластика!
Общеукрепляющая,
Утром отрезвляющая,
Если жив пока еще, —
гимнастика!

Если вы в своей квартире, —
Лягте на пол — три-четыре! —
Выполняйте правильно движения!
Прочь влияние извне —
Привыкайте к новизне, —
Вдох глубокий до изне-
можения!

Очень вырос в целом мире
Гриппа вирус — три-четыре! —
Ширится, растет заболевание.
Если хилый — сразу гроб!
Сохранить здоровье чтоб —
Применяйте, люди, об-
тирание!

Если вы уже устали —
Сели-встали, сели-встали, —
Не страшны вам Арктика с Антарктикой!
Главный академик Иоффе
Доказал: коньяк и кофе
Вам заменит спорта профи-
лактика!

Разговаривать не надо —
Приседайте до упада,
Да не будьте мрачными и хмурыми!
Если очень вам нейдет —
Обтирайтесь чем придется,
Водными займитесь проце-
дурами!

Не страшны дурные вести —
Мы в ответ бежим на месте, —
В выигрыше даже начинающий.
Красота — среди бегущих
Первых нет и отстающих, —
Бег на месте общепри-
нятый!

1968

«Опасные гастролы»

Куплеты Бенгальского

Дамы, господа! Других не вижу здесь.
~~Других не вижу здесь.~~

Блеск, изыск и общество — прелестно!
Сотвори Господь хоть пятьдесят Одесс —
Все равно в Одессе будет тесно.

Говорят, что здесь бывала
Королева из Непала
И какой-то крупный лорд из Эдинбурга,
И отсюда много ближе
До Берлина и Парижа,
Чем из даже самого Санкт-Петербурга.

Вот приехал в город меценат и крез —
Весь в деньгах, с задатками повесы, —
Если был он с гонором, так будет — без,
Шаг ступив по улицам Одессы.

Из подробностей пикантных —
Две: мужчин столь элегантных
В целом свете вряд ли встретить бы
смогли вы,
Ну а женщины Одессы —
Все скромны, все — поэтессы,
Все умны, а в крайнем случае — красивы.

Грузчики в порту, которым равных нет,
Отдыхают с баснями Крылова.
Если вы чуть-чуть художник и поэт —
Вас поймут в Одессе с полуслова.

Нет прохода здесь, клянусь вам,
От любителей искусства,
И об этом много раз писали в прессе.

Если в Англии и в Штатах
Недостаток в меценатах —
Пусть приедут, позаимствуют в Одессе.

Дамы, господа! Я восхищен и смят.
Мадам, месье! Я счастлив, что таиться!
Леди, джентльмены! Я готов стократ
Умереть и снова здесь родиться.

Всё в Одессе — море, песни,
Порт, бульвар и много лестниц,
Крабы, устрицы, акации, мезон шанте, —
Да, наш город процветает,
Но в Одессе не хватает
Самой малости — театра-варьете!

1968

Баллада о цветах, деревьях и миллионерах

В томленьи одиноком

В тени — не на виду —
Под неусыпным оком
Цвела она в саду.

Мама — всегда с друзьями,
Папа от них сбежал,
Зато Каштан ветвями
От взглядов укрывал.

Высоко ль или низко
Каштан над головой, —
Но Роза-гимназистка
Увидела — его.

Нарцисс — цветок воспетый,
Отец его — магнат,
И многих Роз до этой
Вдыхал он аромат.

Он вовсе был не хамом —
Изысканных манер.
Мама его — гран-дама,
Папа — миллионер.

Он в детстве был опрыскан —
Не запах, а дурман, —
И Роза-гимназистка
Вступила с ним в роман.

И вот, исчадь ада,
Нарцисс тот, ловелас,
«Иди ко мне из сада!» —
Сказал ей как-то раз.

Когда еще так пелось?!
И Роза, в чем была,
Сказала: «Ах!», зарделась —
И вещи собрала.

И всеми лепестками
Вмиг завладел нахал.
Мама была с друзьями,
Каштан уже опал.

Искала Роза счастья
И не видала, как
Сох от любви и страсти
Почти что зрелый Мак.

Но думала едва ли,
Как душен пошлый цвет, —
Все лепестки опали —
И Розы больше нет.

И в черном чреве Мака
Был траурный покой.
Каштан ужасно плакал,
Когда расцвел весной.

1968

«Необычайные приключения на волжском пароходе»

Песня о Волге

Как по Волге-матушке, по реке-кормилице —

Всё суда с товарами, струги да ладьи, —
И не надорвалась, и не притомилась:
Ноша не тяжелая — корабли свои.

Вниз по Волге плавая,
Прохожу пороги я
И гляжу на правые
Берега пологие:
Там камыш шевелится,
Поперек ломается, —
Справа — берег стелется,
Слева подымается.

Волга песни слышала хлеще, чем «Дубинушка», —
Вся вода исхлестана пулями врагов, —
И плыла по Матушке наша кровь-кровинушка,
Стыла бурой пеною возле берегов.

Долго в воды пресные
Лили слезы строгие
Берега отвесные,
Берега пологие —
Плакали, измызганы
Острыми подковами,
Но теперь зализаны
Злые раны волнами.

Что-то с вами сделалось, города старинные,
В коих — стены древние, на холмах кремли, —
Словно пробудились молодцы былинные
И — числом несметные — встали из земли.

Лапами грабастая,
Корабли стараются —
Тянут баржи с Каспия,
Тянут — надрываются,
Тянут — не оглянутся, —
И на версты многие
За крутыми тянутся
Берега пологие.

1973

Дуэт Шуры и Ливеровского

— Богиня! Афродита!

Или что-то в этом роде!
Ах, жизнь моя разбита
прямо здесь на пароходе!
Склоню от восхищенья я
пред красотой такую
Дрожащие колени я
с дрожащей головою!

— Ну что он ходит как тень —
Твердит одну дребедень!
— Возьми себе мое трепещущее сердце!
— Нас не возьмешь на авось —
На кой мне сердце сдалось!
— Тогда — экзотику и страсти де-ля-Перца!

— Какая де-ля-Перца —
да о чем вы говорите?
Богиню надо вам? —
так и идите к Афродите!
Вас тянет на экзотику —
тогда сидите дома...
А кто это — экзотика?
Я с нею незнакома.

— Я вас, синьора, зову
В волшебный сон наяву
И предлагаю состояние и сердце, —
Пойдем навстречу мечтам!..
— А кем вы служите там?
— Я — вице-консул Мигуэлла-де-ля-Перца!

— Я не бегу от факта,
 только вот какое дело:
Я с консулами как-то
 раньше дела не имела.
А вдруг не пустят к вам в страну
 и вынесут решение
Послать куда подальше, ну
 а консула — в три шеи!

— Не сомневайтесь, мадам!
Я всех продам, все отдам —
И распахнется перед нами рая дверца.
Я вас одену, мадам,
Почти как Еву Адам
В стране волшебной Мигуэлла-де-ля-Перца.

— Вы милый, но — пройдоха!
 А меня принарядите —
И будет просто плохо
 этой вашей Афродите!
Но я не верю посулам:
я брошу всё на свете —
 А вдруг жена у консула
и даже хуже — дети!

— Ах, что вы, милая мисс!..
— Но-но, спокойно, уймись!
— Я напишу для вас симфонию и скерцо.
Удача вас родила!..
— Ах, черт! Была не была!
Валяйте, — едем в Мигуэллу-делу-Перца!

Баллада о манекенах

Семь дней усталый старый Бог

В запале, в зашоре, в запаре
Творил убогий наш лубок
И каждой твари по паре.

Ему творить — потеха, —
И вот себе взамен
Бог создал человека
Как пробный манекен.

Идея эта не нова
И не обхаяна никем —
Я докажу как дважды два:
Адам — был первый манекен.

А мы — ошметки хромосом,
Огрызки божественных генов, —
Идем проторенным путем —
И создаем манекенов.

Лишенные надежды
Без мук родить — живых,
Рядим в свои одежды
Бездушных кукол восковых.

Ругать меня повремени,
А оглянись по сторонам:
Хоть нам подобные они,
Но не живут подобно нам.

Твой нос расплюснут на стекле,
Глазеешь — и ломит в затылке, —
А там — сидят они в тепле
И скалят зубы в ухмылке.

Вон тот кретин в халате
Смеется над тобой:
Мол, жив еще, приятель!
Доволен ли судьбой?

Гляди — красотка, — чем плоха:
Загар — и патлы до колен!
Ее — закутанный в меха —
Ласкает томный манекен.

Их жизнь и вправду хороша:
Их холят, лелеют и греют,
Они не тратят ни гроша
И плюс к тому не стареют.

Пусть лупят по башке нам,
Толкают нас и бьют, —
Но куклам-манекенам
Мы создали уют.

Они так вежливы — взгляни!
Их не волнует ни черта.
И жизнерадостны они,
И нам, безумным, не чета.

Он никогда не одинок —
В салоне, в постели, в бильярдной, —
Невозмутимый, словно йог,
Галантный и элегантный.

Хочу такого плена —
Свобода мне не впрок!
Я вместо манекена
Хочу прожить денек!

На манекенские паи
Согласен, даже на пари.
В приятный круг его семьи
Желаю, черт меня дери!

Я предлагаю смелый план
Возможных сезонных обменов:
Мы, люди, — в их бездушный клан,
А вместо нас — манекенов.

Но я готов поклясться,
Что где-нибудь заест, —
Они не согласятся
На перемену мест.

Из них, конечно, ни один
Нам не уступит свой уют —
Из этих солнечных витрин
Они без боя не уйдут.

Сдается мне, они хитрят —
И, тайно расправивши члены,
Когда живые люди спят,
Выходят в ночь манекены.

Машины выгоняют —
И мчат так, что — держись!
Бузят и прожигают
Свою ночную жизнь.

Такие подвиги творят,
Что мы за год не натворим,
Но возвращаются назад, —
Ах, как завидую я им!

Мы скачем, скачем вверх и вниз,
Кропаем и клеим на стенах
Наш главный лозунг и девиз:
«Забота о манекенах».

Недавно был — читали? —
Налет на магазин, —
В них сколько ни стреляли —
Не умер ни один.

Его налогом не согнуть,
Не сдвинуть повышением цен...
Счастливый путь, счастливый путь!
Будь счастлив, мистер манекен!

Но, как индусы, мы живем
Надеждою смертных и тленных,
Что если завтра мы умрем —
Воскреснем вновь в манекенах.

Так что не хнычь, ребята, —
Наш день еще придет, —
Храните, люди, свято
Весь манекенский род!

Болезни в нас обострены —
Уже не станем мы никем...
Грядет надежда всей страны —
Здоровый, крепкий манекен!

«Единственная дорога»

Расстрел горного эха

В тиши перевала, где скалы ветрам не помеха,
помеха,

На кручах таких, на какие никто не проник,
Жило-поживало веселое горное,

горное эхо, —
Оно отзывалось на крик — человеческий крик.

Когда одиночество комом подкатит под горло,
под горло

И сдавленный стон еле слышно в обрыв упадет,
Крик этот о помощи эхо подхватит,
подхватит проворно,

Усилит — и бережно в руки своих донесет.

Должно быть, не люди, напившись дурмана и зелья,
и зелья,

Чтоб не был услышан никем громкий топот и храп,
Пришли умертвить, обеззвучить живое,
живое ущелье, —

И эхо связали, и в рот ему всунули кляп.

Всю ночь продолжалась кровавая злая потеха,
потеха, —

И эхо топтали — но звука никто не слышал.

К утру расстреляли притихшее горное,
горное эхо —

И брызнули слезы, как камни, из раненых скал!
И брызнули слезы, как камни, из раненых скал.
И брызнули камни, как слезы, из раненых скал...

«Иван да Марья»

Скоморохи на ярмарке

Эй, народ честной, незадачливый!

Ай вы купчики да служивый люд!
Живо к городу поворачивай —
Там не зря в набат с колоколен бьют!

Все ряды уже с утра
позахвачены —
Уйма всякого добра,
всякой всячины:
Там точильные круги —
точат ляды,
Там лихие сапоги —
самоплясы.

Тагарга-матагарга,
Во столице ярмарка —
Сказочно-реальная,
Цветомузыкальная!

Богачи и голь перекатная, —
Покупатели — все, однако, вы,
И хоть ярмарка не бесплатная,
Раз в году вы все одинаковы!

За едою в закрома
спозараночка
Скатерть сбегает сама —
самобраночка, —

Кто не схочет есть и пить,
тем — изнанка:
Тех начнет сама бранить
самобранка.

Тагарга-матагарга,
Во какая ярмарка:
Праздничная, вольная,
Белохлебосольная!

Бона шапочки-невидимочки, —
Кто наденет их — станет барином.
Леденцы во рту — словно льдиночки,
И Жар-птица есть в виде жареном!

Прилетали год назад
Гуси-Лебеди, —
А теперь они лежат
на столе, гляди!
Эй, слезайте с облучка,
добры люди,
Да из Белого Бычка
ешьте студень!

Тагарга-матагарга,
Всем богата ярмарка!
Вон орехи рядышком —
С изумрудным ядрышком!

Скоморохи здесь — все хорошие,
Скачут-прыгают через палочку.
Прибауточки скоморошие, —
Смех и грех от них — все вповалочку!

По традиции, как встарь,
вплавь и волоком
Привезли царь-самовар,
как Царь-колокол, —

Сковарный самовар —
он на торфе
Вам на выбор сварит
вар или кофе.

Тагарга-матагарга,
Удалая ярмарка —
С плясунами резвыми,
Большей частью трезвыми!

Вон Балда пришел, поработать чтоб:
Без работы он киснет-квасится.
Тут как тут и Поп — толоконный лоб,
Но Балда ему — кукиш с маслицем!

Разновесые весы —
проторгуешься!
В скороходики-часы —
не обуешься!
Скороходы-сапоги
не залапьте!
А для стужи да пурги —
лучше лапти.

Тагарга-матагарга,
Что за чудо ярмарка —
Звонкая, несонная,
Нетрадиционная!

Вон Емелюшка Шуку мнет в руке —
Шуке быть ухой, вкусным варевом.
Черномор Кота продает в мешке —
Слишком много Кот разговаривал.

Говорил он без тычка
без задорины —
Все мы сказками слегка
объегорены.

Не скупись, не стой,
народ, за ценою:
Продается с цепью
Кот золотою!

Тагарга-матагарга,
Упоенье — ярмарка, —
Общее, повальное,
Эмоциональное!

Будет смехом-то рвать животики!
Кто отважится, разохотится
Да на коврике-самолетике
Не откажется, а прокотится?!

Разрешите сделать вам
примечание:
Никаких воздушных ям
и качания, —
Ковролетчики вчера
ночь не спали —
Пыль из этого ковра
выбивали.

Тагарга-матагарга,
Удалася ярмарка!
Тагарга-матагарга,
Хорошо бы — надолго!

Здесь река течет — вся молочная,
Берега над ней — сплошь кисельные, —
Мы вобьем во дно сваи прочные,
Запрудим ее — дело дельное!

Запрудили мы реку —
это плохо ли?! —
На кисельном берегу
пляж отгрохали.

Но купаться нам пока
нету смысла,
Потому — у нас река
вся прокисла!

Тагарга-матагарга,
Не в обиде ярмарка —
Хочь залейся нашею
Кислой простоквашею!

Мы беду-напасть подожжем огнем,
Распрявим хребты втрое сложенным,
Меду хмельного до краев нальем
Всем скучающим и скукоженным!

Много тыщ имеет кто —
тратьте тыщи те:
Даже то — не знаю что —
здесь отыщете!
Коль на ярмарку пришли —
так гуляйте, —
Неразменные рубли
разменяйте!

Тагарга-матагарга,
Для веселых ярмарка!
Подходи, подваливай,
Сахари, присаливай!

1974

Выезд Соловья-разбойника

— Как да во лесу дремучем

По сырм душам да сучьям
И по норам по барсучьим
Мы скучаем и канючим.

Так зачем сидим мы сиднем,
Скуку да тоску наводим?
Ну-кася, ребята, выйдем,
Весело поколобродим!

Мы — ребята битые,
Тертые, ученые,
Во болотах мытые,
В омутах моченые.

Как да во лесу дремучем
Что-нибудь да отчубучим,
Добра молодца прищучим,
И пограбим, и помучим!

Воду во реке замутим,
Путал на кустах навесим,
Пакостных шутих нашутим,
Весело покуролесим!

Водяные, лешие,
Души забубенные!
Ваше дело — пешие,
Наше дело — конные.

— Первый Соловей в округе,
Я гуляю беспашабно.
У меня такие слуги,
Что и самому мне страшно.

К оборотням не привыкну —
До того хитры, ребята!
Да и сам я — свистну, гикну —
Аж душа уходит в пятки!

Не боюсь тоски-муры,
Если есть русалочки!
Выходи, кикиморы, —
Поиграем в салочки!

— Ты не жди, купец, подмоги —
Мы из чащи повылазим
Да и на большой дороге
Вволюшку побезобразим!

Ну-ка, рукава засучим,
Путника во тьме прижучим,
Свалим — и в песке зыбучем
Пропесочим и проучим!

Зря на нас клевете,
Умники речистые:
Не сродни мы нечисти —
Наша совесть чистая!

Серенада Соловья-разбойника

Выходи, я тебе посвищу серенаду!

Кто тебе серенаду еще посвистит?
Сутки кряду могу — до упаду, —
Если муза меня посетит.

Я пока еще только шутю и шалю —
Я пока на себя не похож:
Я обиду терплю, но когда я вспыхну —
Я дворец подпилю, подпалю, развалю, —
Если ты на балкон не придешь!

Ты отвечай мне прямо-откровенно —
Разбойничью душу не трави!..
О, выйди, выйди, выйди, Аграфена,
Послушать серенаду о любви!

Ей-ей-ей, трали-вали!
Кабы красна девица жила в полуподвале,
Я б тогда на корточки
Приседал у форточки, —
Мы бы до утра проворковали!

Во лесных кладовых моих — уйма товара,
Два уютных дупла, три пенечка гнилых...
Чем же я тебе, Груня, не пара,
Чем я, Феня, тебе не жених?!

Так тебя я люблю, что ночами не сплю,
Сохну с горя у всех на виду.
Вон и голос сорвал — и хриплю, и сиплю.
Ох, я дров нарублю — я себя погублю, —
Но тебя украду, уведу!

Я женихов твоих — через колено!
Я папе твоему попорчу кровь!
О выйди, выйди, выйди, Аграфена, —
О не губи разбойничью любовь!

Ей-ей-ей, трали-вали!
Кабы красна девица жила в полуподвале,
Я б тогда на корточки
Приседал у форточки, —
Мы бы до утра проворковали!

Так давай, Аграфенушка, свадьбу назначим, —
Я — нечистая сила, но с чистой душой!
Я к чертям, извините, собачьим
Для тебя позабуду разбой!

Я и трелью зальюсь, и подарок куплю,
Всех дружков приведу на поклон;
Я тебя пропою, я тебя прокормлю,
Нам ребята на свадьбу дадут по рублю, —
Только ты выходи на балкон!

Ответь всерьез, прошу проникновенно,
Ведь знают соловьи, что «се ля ви».
Так выйди, елки-палки, Аграфена, —
Не дай погаснуть пламенной любви!

Во темечке моем да во височке —
Одна мечта: что выйдет красота, —
Привстану я на цыпочки-мысочки
И поцелую в сахарны уста!

Ей-ей-ей, трали-вали!
Кабы красна девица жила в полуподвале,
Я б тогда на корточки
Приседал у форточки, —
Мы бы до утра проворковали!

* * *

Если в этот скорбный час

спустим рукава —
Соловей освищет нас
и пойдет молва:
Дескать, силой царский
трон все скудней,
Ел, мол, мало каши он,
Евстигней.

Кто же все же уймет шайку-лейку,
Кто на подвиги ратны горазд,
Царь тому дорожную шубейку
От щедрот своих царских отдаст!

Если кровь у кого горяча, —
Саблей бей, пикой лихо коли!
Царь дарует вам шубу с плеча —
Из естественной выхуоли!

Торопись указ зачесть,
изданный не зря!
Кто заступится за честь
батюшки-царя?
Кто разбойника уймет —
Соловья, —
К государю попадет
в сыновья!

Кто оружием побьет образину,
Кто проучит его кулаком,
Тот от царства возьмет половину,
Ну а дочку — дак всю целиком!

Сей указ — без обману-коварства.
За печатью, как в сказке, точь-в-точь.
В бой — за восемь шестнадцатых царства
Да за целую царскую дочь!

1974

Солдат с победою

Ни пуха ни пера

касатику —
Желали мы вчера
солдатику, —
И он не сплоховал
нисколько —

Обратно в лес прогнал
разбойничка!
От нашего жилья
спровадил Соловья, —
Над нами супостат
не властвует!
Из бедного житья —
да в царские зятя!
Да здоровствует солдат!
Да здоровствует!

Ни пуха ни пера
касатику!
Всеобщее ура
солдатику!
Геройский совершил
поступочек!
Корону защитил,
заступничек!

От нашего жилья
спровадил Соловья,
Над нами супостат
не властвует!

Из бедного житья —
да в царские зятя!
Да здоровствует солдат!
Да здоровствует!

1974

Куплеты кассира и казначея

Когда пуста казна,

Тогда страна бедна,
И если грянет война,
Так всем настанет хана.

Но если казна полна,
То может лопнуть она, —
А если лопнет казна,
Так всем нам грош цена.

Ну а наша профессия —
Изнутри и извне
Сохранять равновесие
В этой самой казне.

Мы — дружки закадычные,
Любим хватать и похватать, —
Сядем в карты играть.
— Только чур на наличные!
— Только чур мужлевать!

— Вот я — смотритель касс,
Я вроде — кассоглаз,
Хотя за мной-то как раз
И нужен бы глаз да глаз.

— А я забыл, кто я.
Звук злата все звончей.
Казна — известно чья?
А я — так казначей?!

Мы долги полной платою
Отдаем целиком,
Подгребаем лопатою
И горстями гребем.

Нас понять захотите ли —
Двух друзей-горемык? —
Не хотим мы тюрьмы:
Мы же не расхитители —
Уравнители мы.

У нас болит спина,
По швам трещит казна, —
Играем без отдыха-сна —
И будет казна спасена.

Легко, без кутерьмы,
Когда придут нас брать,
Дойдем мы до тюрьмы —
Туда рукой подать.

Это наша профессия —
Изнутри и извне
Сохранять равновесие
В этой самой казне.

Нас понять захотите ли —
Двух друзей-горемык? —
Не хотим мы тюрьмы:
Мы же не расхитители —
Уравнители мы.

1974

Куплеты нечистой силы

— Я — Баба Яга,

Вот и вся недолга,
Я езжу в немазаной ступе.
Я к русскому духу не очень строга:
Люблю его... сваренным в супе.

Ох, надоело по лесу гонять,
Зелье я переварила...
— Нет, чтой-то стала совсем изменять
Наша нечистая сила!

— Добрый день! Добрый тень!
Я дак Оборотень, —
Неловко вчерась обернулся:
Хотел превратиться в дырявый плетень,
Да вот посередке запнулся.

Кто я теперь — самому не понять, —
Эк меня, братцы, скривило!..
— Нет, чтой-то стала совсем изменять
Наша нечистая сила!

— Я — старый больной
Озорной Водяной,
Но мне надоела квартира:
Лежу под корягой, простуженный, злой,
А в омуте — мокро и сыро.

Вижу намедни — утопленник. Хвать!
А он меня — пяткой по рылу!..

— Нет, перестали совсем уважать
Нашу нечистую силу!

— Такие дела:
Лешачиха со зла,
Лишив меня лешевелюры,
Вчера из дупла на мороз прогнала —
У ей с Водяным шуры-муры.

Со свету стали совсем изживать —
Прост-таки гонят в могилу...
— Нет, перестали совсем уважать
Нашу нечистую силу!

1974

Иван да Марья

Вот пришла лиха беда —

Уж ворота отворяют, —
Значит, пробил час, когда
Бабы слезы высыхают.

Значит, больше места нет
Ни утехам, ни нарядам.
Коль семь бед — один ответ, —
Так пускай до лучших лет
Наши беды будут рядом.

Не сдержать меня уговорами.
Верю свято я — не в него ли?
Пусть над ним кружат черны вороны,
Но он дорог мне и в неволе.

Понаехали сваты,
Словно на смех, для потехи, —
Ах, шуты они, шуты:
Не бывать тому вовеки.

Где им знать: поют кругом,
Да прослышала сама я,
Как в году невесть каком
Стали вдруг одним цветком
Два цветка — Иван да Марья.

Путь-дороженька — та ли, эта ли, —
Во крошечной тьме, с мукой-болью,
В пекло ль самое, на край света ли, —
Приведи к нему, хоть в неволю.

Ветры добрые, тайком
Прокрадитесь во темницу —
Пусть узнает он о том,
Что душа к нему стремится.

Сердцем пусть не упадет
И не думает худого,
Пусть надеется и ждет —
Помощь Марьины придет
Скоро-скоро, верно слово.

Пусть не сетует, пусть не мается,
Ведь не зря цветок в чистом поле
Нашим именем называется —
Так цвести ему и в неволе!

1974

Сцастушки

— Подходи, народ, смелее —

Слушай, переспрашивай!
Мы споем про Евстигнея —
Государя нашего.

Вы себе представьте сцену,
Как папаша Евстигней
Дочь — царевну Аграфену
Хочет сплавить поскорей.

Но не получается —
Царевна не сплавляется!

Как-то ехал царь из леса,
Весело, спокойненько, —
Вдруг услышал свист балбеса
Соловья-разбойника.

С той поры царя корежит,
Словно кость застряла в ем:
Пальцы в рот себе заложит —
Хочет свистнуть Соловьем!

Надо с этим бой начать,
А то начнет разбойничать!

Царь — ни шагу из квартиры,
А друзья-приятели —
Казначей и кассиры —
Полказны растратили.

Ох! Враги пришли к палатам —
Окна все повыбили, —
Евстигней перед солдатом
Гнется в три погибели.

Стелется, старается,
В лепешку расшибается!

Как сорвался царь с цепочки —
Цыкает да шикает, —
Он с утра на нервной почке
Семечки шабрыкает.

Царь солдата ухайдакал:
То — не то, и это — нет, —
Значит, царь — эксплуататор,
Настоящий дармод.

Потому он злобится,
Что с ним никто не водится!

Все мы знаем Евстигнея,
Петею воспетого, —
Правда, Петя — не умнее
Евстигнея этого.

Лизоблюд придворный наспех
Сочинил царю стихи —
Получилось курам на смех,
Мухи дохнут от тоски.

А царь доволен, значит, —
Того гляди расплатится!

— Царь наш батюшка в почете,
Добрый он и знающий,
Ну а вы себя ведете
Крайне вызывающе!

Царь о подданных печется
От зари и до зари!
— Вот когда он испечется —
Мы посмотрим, что внутри!

Как он ни куражится,
Там вряд ли что окажется!

— Послужили мы и хватит —
Бюллетень гоните нам, —
Да и денег мало платят
Нам, телохранителям!

— А с меня вода как с гуся, —
Щас как выйду на пустырь,
От престола отрекуся,
Заточуся в монастырь!

— Вот царь-батюшка загнул —
Чуть не до смерти пугнул!
Перестал дурачиться,
А начал фордыбачиться!

1974

«Алиса в стране чудес»

Песня Алисы

Я страшно скучаю, я просто без сил.

И мысли приходят — маня, беспокоя, —
Чтоб кто-то куда-то меня пригласил
И там я увидела что-то такое!..

Но что именно — право, не знаю.
Все советуют наперебой:
«Почитай», — я сажусь и читаю,
«Поиграй», — ну, я с кошкой играю, —
Все равно я ужасно скучаю!
Сэр! Возьмите Алису с собой!

Мне так бы хотелось, хотелось бы мне
Когда-нибудь, как-нибудь выйти из дому —
И вдруг оказаться вверху, в глубине,
Внутри и снаружи — где все по-другому!..

Но что именно — право, не знаю.
Все советуют наперебой:
«Почитай», — ну, я с кошкой играю,
«Поиграй», — я сажусь и читаю, —
Все равно я ужасно скучаю!
Сэр! Возьмите Алису с собой!

Пусть дома поднимется переполох,
И пусть наказание грозит — я согласна, —
Глаза закрываю, считаю до трех...
Что будет, что будет! Волнуюсь ужасно!

Но что именно — право, не знаю.
Все смешалось в полуденный зной:
Почитать? — я сажусь и играю,
Поиграть? — ну, я с кошкой читаю, —
Все равно я скучать ужасаю!
Сэр! Возьмите Алису с собой!

Падение Алисы

Догонит ли в воздухе — или шалишь —

Летучая кошка летучую мышь,
Собака летучая — кошку летучую?..
Зачем я себя этой глупостью мучаю?!

А раньше я думала, стоя над кручею:
Ах, как бы мне сделаться тучей летучею!
Ну вот я и стала летучею тучею,
Ну вот и решаю по этому случаю:
Догонит ли в воздухе — или шалишь —
Летучая кошка летучую мышь?..

Про Мэри Энн

Молстушка Мэри Энн была:

Так много ела и пила,
Что еле-еле проходила в двери.
То прямо на ходу спала,
То плакала и плакала,
А то визжала, как пила,
Ленивейшая в целом мире Мэри.

Чтоб слопать всё, для Мэри Энн
Едва хватало перемен.
Спала на парте Мэри
Весь день, по крайней мере, —
В берлогах так медведи спят
и сонные тетери.

С ней у доски всегда беда:
Ни бе ни ме, ни нет ни да,
По сто ошибок делала в примере.
Но знала Мэри Энн всегда —
Кто где, кто с кем и кто куда, —
Ох ябеда, ох ябеда —
Противнейшая в целом мире Мэри!

Но в голове без перемен
У Мэри Энн, у Мэри Энн.
И если пела Мэри,
То все кругом немели, —
Слух музыкальный у нее —
как у глухой тетери.

В море слез

Слезливое море вокруг разлилось.

И вот принимаю я слезную ванну, —
Должно быть, по морю из собственных слез
Плыву к Слезовитому я океану.

Растеряешься здесь поневоле —
Со стихией один на один!
 Может, зря
Проходили мы в школе,
 Что моря —
Из поваренной соли...
Хоть бы льдина попалась мне, что ли,
Или встретился добрый дельфин!..

Песня про ребенка-поросенка

— Баю-баю-баюшки-баю...

Что за привередливый ребенок!
Будешь вырываться из пеленок —
Я тебя, бай-баюшки, убью!

— До чего же голос тонок, звонок —
Просто баю-баюшки-баю!
Всякий непослушный поросенок
Вырастает в крупную свинью.

— Погибаю, баюшки-баю!
— Дым из барабанных перепонок!
Замолчи, визгливый поросенок, —
Я тебя, бай-баюшки, убью!

— Если поросенком вслух с пеленок
Обзывают, баюшки-баю, —
Даже самый смирненький ребенок
Превратится в будущем — в свинью!

М артовский заяц

Миледи, зря вы обижаетесь на Зайца!

Он, правда, шутит неумно и огрызается, —
Но он потом так сожалеет и терзается!..
Не обижайтесь же на Мартовского Зайца!

«Мурандот, или конгресс обелителей»

Песня Гогера-Могера

Нрохода нет от этих начитанных болванов:

Куда ни плюнь — доценту на шляпу попадешь, —
Позвать бы пару опытных шаманов-
ветеранов

И напустить на умников падеж!

Что за дела — не в моде благородство?
И вместо нас — нормальных, от сохи —
Теперь нахально рвутся в руководство
Те, кто умеют сочинять стихи.

На нашу власть — то плачу я, то ржу:
Что может дать она? — по носу даст вам!
Доверьте мне — я поруковожу
Запутавшимся нашим государством!

Кошмарный сон я видел: что без научных знаний
Не соблазнишь красоток — ни девочек, ни дам!
Но я и пару ломаных юаней,

будь я проклят,
За эти иксы-игреки не дам!

Недавно мы с одним до ветра вышли
И чуть потолковали у стены —
Так у него был полон рот кровищи,
И интегралов — полные штаны.

С такими далеко ли до беды —
Ведь из-за них мы с вами чахнем в смоге!
Отдайте мне ослабшие бразды —
Я натяну, не будь я Гогер-Могер!

И он нам будет нужен — придушенный очкарик:
Такое нам сварганит! — врагам наступит крах.
Пинг-понг один придумал — хрупкий шарик, —
Орешек крепкий в опытных руках!

Искореним любые искривленья
Путем повальной чистки и мытья, —
А перевоспитанье-исправленья —
Без наших ловких рук — галиматья!

Я так решил — он мой, текущий век,
Хоть режьте меня, ешьте и вяжите, —
Я — Гогер-Могер, вольный человек, —
И вы меня, ребята, поддержите!

Не надо нам прироста — нам нужно уменьшенье:
Нам перенаселенье — как гиря на горбе, —
Все это зло идет от женя-шеня —
Ядреный корень, знаю по себе.

Свезем на свалки — груды лишних знаний,
Метлой — по деревням и городам!
За тридцать штук серебряных юаней, будь я
проклят,
Я Ньютона с Конфуцием продам!

Я тоже не вахлак, не дурачок —
Цитаты знаю я от всех напастей, —
Могу устроить вам такой «скачок»! —
Как только доберусь до высшей власти.

И я устрою вам такой скачок! —
Когда я доберусь до высшей власти.

<Между 1974 и 1978>

Памятник

Я при жизни был рослым и стройным,

Не боялся ни слова, ни пули
И в привычные рамки не лез, —
Но с тех пор, как считаюсь покойным,
Охромил меня и согнули,
К пьедесталу прибав ахиллес.

Не стряхнуть мне гранитного мяса
И не вытащить из постамента
Ахиллесову эту пяту,
И железные ребра каркаса
Мертво схвачены слоем цемента, —
Только судороги по хребту.

Я хвалился косою саженью —
Нате смерти! —
Я не знал, что подвергнусь суженью
После смерти, —
Но в обычные рамки я всажен —
На спор вбили,
А косую неровную сажень —
Распрямили.

И с меня, когда взял я да умер,
Живо маску посмертную сняли
Расторопные члены семьи, —
И не знаю, кто их надоумил, —
Только с гипса вчистую стесали
Азиатские скулы мои.

Мне такое не мнилось, не снилось,
И считал я, что мне не грозило
Оказаться всех мертвых мертвей, —
Но поверхность на слепке лоснилась,
И могильною скукой сквозило
Из беззубой улыбки моей.

Я при жизни не клал тем, кто хищный,
В пасти палец,
Подходившие с меркой обычной —
Отступались, —
Но по снятии маски посмертной —
Тут же в ванной —
Гробовщик подошел ко мне с меркой
Деревянной...

А потом, по прошествии года, —
Как венец моего исправленья —
Крепко сбитый литой монумент
При огромном скопленье народа
Открывали под бодрое пенье, —
Под мое — с намагниченных лент.

Тишина надо мной раскололась —
Из динамиков хлынули звуки,
С крыши ударил направленный свет, —
Мой отчаяньем сорванный голос
Современные средства науки
Превратили в приятный фальцет.

Я немел, в покрывало упрятан, —
Все там будем! —
Я орал в то же время кастратом
В уши людям.
Саван сдернули — как я обужен, —
Напе смертьте! —
Неужели такой я вам нужен
После смерти?!

Командора шаги злы и гулки.
Я решил: как во времени оном —
Не пройтись ли, по плитам звеня? —
И шарахнулись толпы в проулки,
Когда вырвал я ногу со стоном
И осыпались камни с меня.

Накренился я — гол, безобразен, —
Но и падая — вылез из кожи,
Дотянулся железной клюкой, —
И, когда уже грохнулся наземь,
Из разодранных рупоров все же
Прохрипел я похоже: «Живой!»

1973

Литературно-художественное издание
Высоцкий Владимир Семенович
АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА
Том двадцать второй

Ответственный редактор *М. Яновская*
Автор серийного оформления *Е. Поликашин*
Художественный редактор *А. Мусин*
Компьютерная верстка *Т. Комарова*
Корректор *Т. Гайдукова*

ООО «Издательство «Эксмо».
107078, Москва, Орликов пер., д. 6.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00*

Книга — почтой: Книжный клуб «Эксмо»
101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16
Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 932-74-71

ООО «Медиа группа «ЛОГОС».
103051, Москва, Цветной бульвар, 30, стр. 2
Единая справочная служба: (095) 974-21-31. E-mail: mg@logosgroup.ru
ООО «КИФ «ДАКС». 140005 М. О. г. Люберцы, ул. Красноармейская, д. 3а.
т. 503-81-63, 796-06-24. E-mail: kif_daks@mtu-net.ru

Книжные магазины издательства «Эксмо»:
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.

*Северо-Западная Компания представляет
весь ассортимент книг издательства «Эксмо».*
Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е
Тел. отдела рекламы (812) 265-44-80/81/82/83.

*Сеть магазинов «Книжный Клуб СНАРК» представляет
самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо».*
... информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 05...

Вы получите настоящее удовольствие, покупая книги в магазинах ООО «Топ-книга»
Тел./факс в Новосибирске: (3832) 36-10-26. E-mail: office@top-kniga.ru

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.12.2002.
Формат 84х108¹/₃₂. Гарнитура «Букмэн».
Печать офсетная. Бум. газ. Усл. печ. л. 27,72+вкл.
Тираж 10 000 экз. Заказ 5975.

ISBN 5-699-02031-4

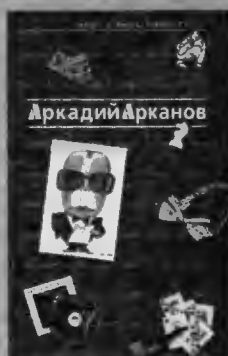
9 785699 020317 >

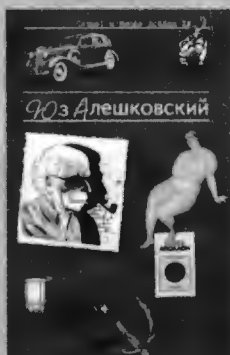
ОАО «Тверской полиграфический комбинат».
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

**Самое яркое событие
в литературной жизни
России 2002 года!**

**АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА
РОССИИ XX ВЕКА
В 50 ТОМАХ**

**В ближайшее время увидят свет книги
Антологии**

**ДАНИИЛ ХАРМС
ЛИТЕРАТУРНАЯ АФОРИСТИКА
АРКАДИЙ ИНИН
ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИН
МИХАИЛ МИШИН
ДОН АМИНАГО**

~~судьи~~ ~~судьи~~
Азым несут кричи

распоряжением своим
объявлено всем

~~заседа~~ Прогласить ошито
Всем ктёт в издании
В бесконечном кричи ~~судьи~~
~~судьи~~ ~~судьи~~
из этого издании

~~Задать~~ ~~судьи~~ ~~судьи~~
Задать до суда
Великого всем
Как с изданием самим
Стенит с кричи своим

Великий ~~судьи~~ ~~судьи~~ ~~судьи~~
~~и~~ ~~судьи~~ ~~судьи~~ ~~судьи~~
и ~~судьи~~ ~~судьи~~ ~~судьи~~
Врубается в белые листы

Но дамо великий!
Сам великий ~~судьи~~
Ником ~~судьи~~ ~~судьи~~
Без боя мы ~~судьи~~

~~такого~~ ~~судьи~~
~~не~~ ~~судьи~~ ~~судьи~~
и ~~судьи~~ ~~судьи~~
и ~~судьи~~ ~~судьи~~

Фронт

1.

Всего значимых

всего

и

машин

Батареи

Всего машин и автоматов
и мотоциклов всего 1000

1	Батареи	музыка
и	"	машин

всего

и быстрое

всего машин,

и машин
легких
всего 1000
машин.

машин

прихватить

и в плане

и

Антология Сатиры и Юмора России XX века

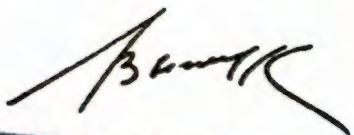
Антология Сатиры и Юмора России XX века

Владимир Высоцкий

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Я не люблю себя, когда я трупу,
Досадно мне, когда невинных быют.
Я не люблю, когда мне лезут в душу,
Тем более — когда в нее плюют.

Я не люблю манежи и арены:
На них мильон меняют по рублю.
Пусть впереди большие перемены —
Я это никогда не полюблю!

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века